КОМАНДАРМ

ЯКИР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

КОМАНДАРМ Якир. Воспоминания друзей и соратников.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР МОСКВА. 1963

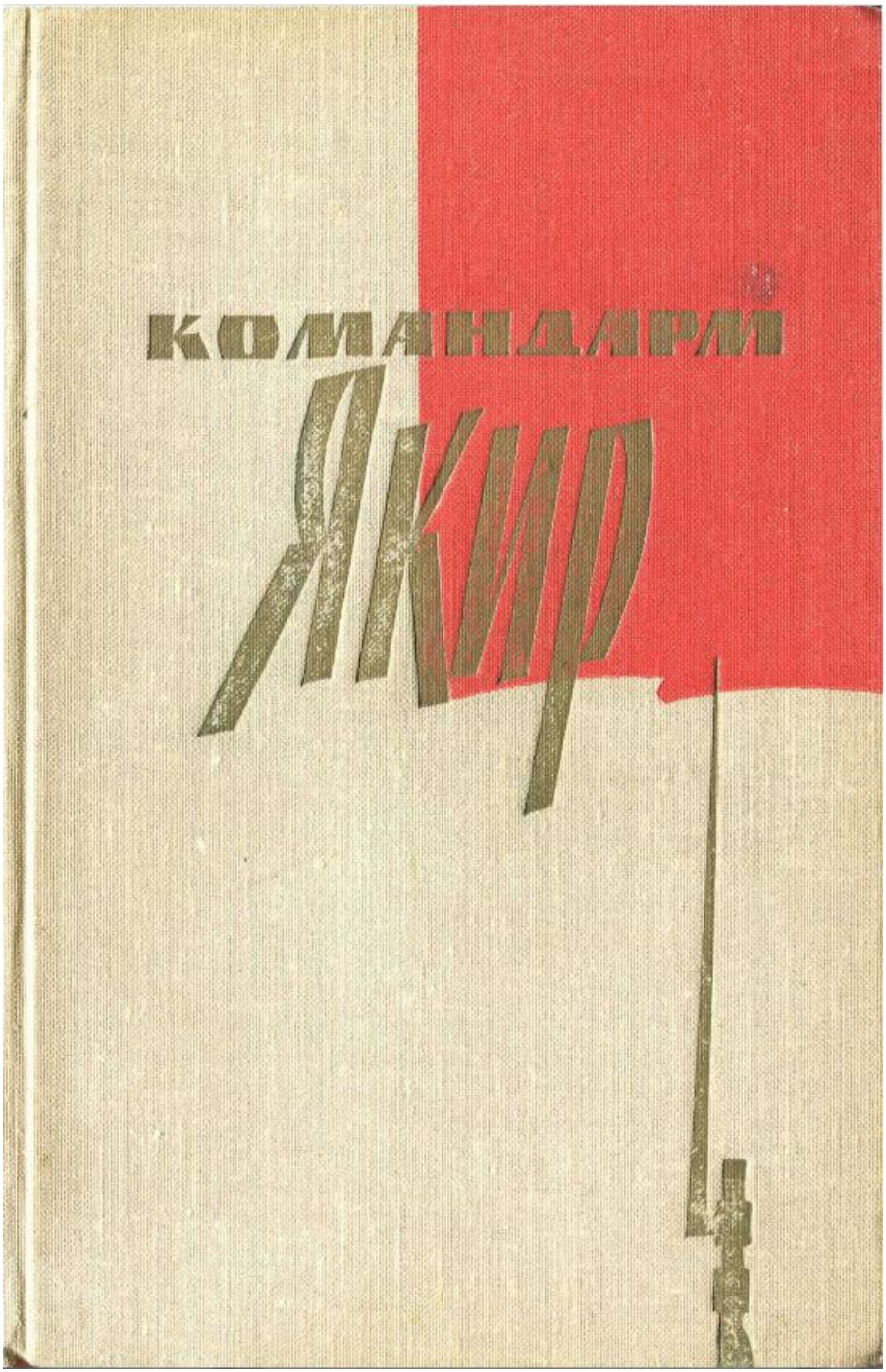
В этой книге собраны воспоминания 21 человека, которые были лично знакомы с Ионой Эммануиловичем Якиром в различные периоды его жизни: от школьной скамьи до трагической гибели в 1937 году. Авторы воспоминаний разные люди: и военные, от маршала Советской армии до рядового китайского батальона, и гражданские, и партийные, и беспартийные. Два последних воспоминания написаны вдовой и сыном командарма. Из их уст жизнь Якира предстает во всей многогранности его выдающихся профессиональных, общественных и человеческих качеств.

- КОМАНДАРМ Якир. Воспоминания друзей и соратников.
- ПОЛКОВОДЕЦ-КОММУНИСТ. И. Х. Баграмян
- ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ. Д. М. Равич
- БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ. А. С Шуцкевер
- МЫ ПОМНИМ ЯКИРА. Ся Ю-Шань
- В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ. С. И. Аралов
- АКАДЕМИЯ БОЕВ И ПОХОДОВ. Д. М. Коренблит
- ДЛЯ ЭТОГО НАДО БЫТЬ БОЛЬШЕВИКОМ. В. В. Попов
- ВСЕ МЫ С ВАМИ – КОММУНИСТЫ А. Е. Гандельсман
- КОММУНИСТА ВСЕ КАСАЕТСЯ Н. Д. Чередник-Дубовая
- У НЕГО БЫЛО ЧЕМУ ПОУЧИТЬСЯ И. М. Цалькович
- ИНЖЕНЕРЫ -ЗОЛОТОЙ ФОНД АРМИИ Е. В. Леошеня
- ЕГО ТЯНУЛО К ЛЮДЯМ С. А. Калинин
- ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК ПОНЯЛ. И. С. Стрельбицкий
- ИСПРАВЛЯТЬ ПОЛОЖЕНИЕ МОЖНО ПО-РАЗНОМУ М. Ф. Лукин
- Я БЫЛ У НЕГО „ПОДРУЧНЫМ" А. И. Гастилович
- НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ХТЗ. Р. Я. Терехов
- ШКОЛА ЯКИРА А. В. Горбатов
- НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК. В. Я. Абель
- „ГРАНИЦА ДОЛЖНА БЫТЬ НА ЗАМКЕ!" полковник И. Г. Старинов
- О ДОРОГОМ И ЛЮБИМОМ. С. Л. Якир
- "БУДЬ НАСТОЯЩИМ, СЫН" П. И. Якир
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. Э. ЯКИРА
- КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ
- ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ,

УПОМИНАЕМЫХ В СБОРНИКЕ
- НЕКОТОРЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ЖЕНА И СЫН Э.И.ЯКИРА

КОМАНДАРМ Якир. Воспоминания друзей и соратников.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА. 1963



В этой книге собраны воспоминания людей, которые шли рука об руку с Ионой Эммануиловичем Якиром на различных этапах его жизненного пути. Авторы рассказывают, как пришел в революцию, в партию большевиков скромный студент, которому улыбалась судьба ученого-химика, как мужал он в боях с врагами

рабочих и крестьян на фронтах гражданской войны, как стал выдающимся советским полководцем.

Жизнь командарма 1 ранга И. Э. Якира трагически оборвалась в июне 1937 года, когда ему было немногим более 40 лет. Его друзья и соратники рисуют атмосферу произвола, насаждавшегося Сталиным и приведшего к гибели многих верных сынов партии и советского народа.

Сборник подготовлен с участием Военно-научного общества при Центральном музее Советской Армии. Рассчитан на широкий круг читателей.

Составители: П. И. Якир, Ю. А. Геллер

Литературная подготовка текста Б. П. Скорбина

Иона Эммануилович
ЯКИР

ПОЛКОВОДЕЦ-КОММУНИСТ. И. Х. Баграмян

Герой Советского Союза маршал Советского Союза И. Х. Баграмян

Мне посчастливилось знать Иону Эммануиловича Якира, служить под его начальством, встречаться и беседовать с ним.

Впервые я увидел его в 1925 году в Ленинграде, где учился на Курсах усовершенствования командного состава кавалерии. Иона Эммануилович, в то время начальник Управления военно-учебных заведений Красной Армии, выступил с короткой речью о наших задачах по окончании курсов. На трибуне появился совсем еще молодой человек в скромной гимнастерке, без орденов.

В то время я очень мало знал о славном боевом прошлом Якира, но речь его выслушал с огромным вниманием, так как говорил он настолько просто и увлекательно, что все мы сидели как завороженные. И мне, пожалуй, впервые стало жаль, что собрание так быстро закончилось и надо расходиться.

После этой встречи в течение почти десяти лет наши служебные пути, как говорится, не пересекались. Конечно, о Якире, командующем войсками крупного округа, я много слышал, но в моем сознании сохранилось от первой встречи лишь такого рода впечатление: молод, обаятелен, остроумен, энергичен, хороший оратор — и все. Однако это было далеко не полное представление о нем. В этом я убедился при более близком знакомстве с Якиром в 1934 году, после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Собственно, более близкое знакомство началось еще до непосредственной встречи с ним, в поезде Москва — Киев. Это было в конце лета. Приближавшаяся осень напоминала о себе и частыми дождями, и холодными ветрами, и пожелтевшей листвой... Может быть, еще и поэтому хотелось поскорее уехать на Украину, где предстояло служить, применять на практике знания, полученные в академии.

В одном купе со мной ехали мои друзья по академии Л. М. Сандалов и В. С. Аскалепов. Четвертым пассажиром нашего купе, вскочившим в вагон уже в момент отправления поезда, оказался мой старый товарищ по Курсам усовершенствования командного состава кавалерии Владимир Иванович Чистяков.

Как всегда бывает в таких случаях, раздались возгласы взаимного удивления, посыпались вопросы. Оказалось, что мой старый друг командует бригадой в Украинском военном округе, в

который направлялись и мы.

Завязался разговор об армейских делах, о предстоящей службе.

Мы попросили Владимира Ивановича рассказать, как живется и служится в округе, о командующем.

Чистяков был на Украине старожилом: воевал там еще в годы гражданской войны. Он восхищался ее безграничными просторами, столь благоприятными для применения конницы. Когда же мы еще раз спросили его о Якире, Чистяков на минуту задумался, а потом взволнованно заговорил:

— Эх, друзья мои!.. Для вас Якир — всего-навсего один из будущих старших начальников, а для меня... — Он сделал паузу, подыскивая нужные слова, и вдруг с воодушевлением закончил: — Для меня Иона Эммануилович — человек совершенно особенный. Не улыбайтесь, пожалуйста, что я, старый конник, так восторгаюсь им. Когда вы его узнаете поближе, перестанете удивляться.

Мы не ожидали от бывалого кавалерийского комбрига такой чуть ли не юношеской восторженности, а он со все большим увлечением рассказывал о Якире: как скромный студент вырос в крупнейшего военачальника Красной Армии, стал легендарным героем, перед чьим умом, храбростью и энергией преклонялись даже такие прославленные воины, как Григорий Иванович Котовский.

Поезд нес нас все дальше и дальше. Дробно стучали колеса, мелькали огни вокзалов и полустанков, а мы, слушая Чистякова, совсем забыли о сне.

Рассказывая об интересных фактах из жизни Якира, убедительно свидетельствовавших о его исключительном мужестве, бесстрашии и редком самообладании, бывший котовец подчеркивал:

— Понимаете, храбрость и самообладание Якира в бою отличаются от храбрости других героев. Возьмем, к примеру, Котовского. Даже во внешнем облике Григория Ивановича все как-то сразу подчеркивало: это — герой! А у Якира и во внешности, и во взаимоотношениях с товарищами, и в поступках сквозит необычайная скромность. Самые геройские дела он делает уж очень просто, незаметно, обыденно, как само собой разумеющееся. И не выносит, если кто-нибудь упоминает о его заслугах.

Чистяков, помню, особенно восхищался поразительным природным военным дарованием Якира, его редким личным обаянием и исключительной силой воли. Ведь Иона Эммануилович, не зная даже азов военной службы, сумел за очень

короткий срок стать полководцем. Подчеркивая высокую военную одаренность Якира, рассказчик говорил:

— Заметьте, друзья, почти все наши крупные военачальники имели к началу гражданской войны какую-нибудь военную подготовку: Чапаев к тому времени долго командовал взводом на германском фронте, Лазо окончил школу прапорщиков, Тухачевский, Уборевич, Егоров имели довольно приличное военное образование и уже послужили на офицерских должностях. А Якир? Никакой военной подготовки, никакого боевого опыта! А воевал так, что можно только удивляться.

— Обратите внимание еще на одно обстоятельство,— продолжал Чистяков, довольный тем, что нашел в нас внимательных слушателей. — Частенько случалось, что войска попадали в критическое положение и отступали; среди бойцов вспыхивало недовольство и даже недоверие к командирам. Возьмите хотя бы поход знаменитой Таманской армии. А у Якира получалось наоборот. Во время похода Южной группы, когда войска то и дело оказывались в отчаянном положении, авторитет Якира, доверие к нему непрерывно возрастали. Было окружение, на каждом шагу грозила гибель, каждый километр пути приходилось отвоевывать с боем, люди все дальше уходили от родных мест. А Якиру верили, шли за ним и не сомневались, что придут к победе.

Свой рассказ Чистяков закончил поздно ночью, когда пассажиры соседних купе уже заснули. А мы еще долго сидели, взволнованные повестью о человеке, которого нам предстояло вскоре увидеть.

Позже мне приходилось не раз встречаться с участниками похода Южной группы. Их рассказы обогатили мое представление об этом действительно легендарном походе. В невероятно тяжелых условиях, отрезанные от своих войск, окруженные многочисленными врагами, бойцы и командиры 45, 58 и 47-й дивизий, ослабленных предыдущими боями, проявили необычайное мужество и вписали в историю гражданской войны одну из наиболее ярких страниц. Все, кто рассказывали об этом героическом походе, отдавали должное членам Реввоенсовета Южной группы Я. Б. Гамарнику, В. П. Затонскому, Л. И. Картвелишвили и в первую очередь, конечно, командующему Ионе Эммануиловичу Якиру.

Прибыв в Киев, мы разыскали штаб округа, представились начальнику отдела кадров. Тот уточнил некоторые детали прохождения нами службы. В конце беседы мы спросили, можем ли выезжать в свои соединения. Начальник отдела кадров задумался, а потом сказал:

— Вам придется на два-три дня задержаться в Киеве. Командующий выехал в авиационные части, и, пока не вернется, отпустить вас не могу. Товарищ Якир обязательно захочет побеседовать с вами. Так уж у него заведено.

Ждать пришлось недолго: на следующий день из отдела кадров предупредили, что в двенадцать дня нас примет командующий.

В приемную мы пришли задолго до назначенного часа. Нас встретил невысокий седеющий командир с одной шпалой — адъютант командующего Захарченко, бывший конник. Узнав, что мы его товарищи по роду войск, он проявил исключительную предупредительность.

Ровно в двенадцать адъютант широко распахнул двери и жестом пригласил нас в кабинет командующего.

Высокий моложавый командир поднялся из-за большого стола и сделал несколько шагов нам навстречу. Пристально разглядывая нас, он молодым звонким голосом произнес:

— Здравствуйте, товарищи! Поздравляю вас с успешным окончанием академии.

Затем придвинул стоявший поблизости стул, предложил нам сесть рядом, но тут же извинился: адъютант принес какую-то срочную бумагу на подпись. Пока Якир читал ее, я с любопытством и волнением внимательно рассматривал его. Якир выглядел моложе своих тридцати семи лет. Прекрасная вьющаяся шевелюра цвета воронова крыла в сочетании со смугловато-бледным лицом придавала всему его облику несколько суровый, мрачноватый вид. Но карие, почти золотистые, умные и ласковые глаза, лукаво щурившиеся, смягчали это впечатление. А когда начинал говорить, лицо его еще более оживлялось, приобретало добродушное выражение.

Отпустив адъютанта, Иона Эммануилович стал расспрашивать нас об академии, о прошлой службе, о здоровье, о семьях. Сначала все мы отвечали коротко, односложно, но Якир сумел вовлечь всех в оживленный разговор. Начав с личной жизни и учения, мы незаметно перешли к тактике и оперативному искусству, а затем и к делам международным. Видимо, к концу нашей беседы Якир сумел составить некоторое представление о нашем военном и политическом кругозоре.

Нельзя было не заметить изумительной способности Ионы Эммануиловича быть внимательным к собеседнику. Даже самые несущественные, на наш взгляд, ответы, например о делах семейных, он выслушивал очень терпеливо и своими репликами, окрашенными тонким юмором, создавал атмосферу непринужденности.

Когда в ходе разговора мы коснулись событий, происходивших в Германии, я заметил, что нам, видимо, в недалеком будущем придется столкнуться с германским фашизмом. Якир сразу посуровел лицом, задумался, затем ответил:

— Вы правы, товарищ Баграмян. Фашизм — безусловно наш злейший враг. И рано или поздно с ним придется столкнуться. Не видеть этого может только слепец. Но я знаю Германию не только по газетам, я там бывал, учился. В Германии сильная и авторитетная коммунистическая партия, и, пока она влияет на народные массы, на немецкий рабочий класс, пока немецкий народ не будет одурачен, Гитлер вряд ли сможет подняться против Советского Союза.

— А удастся ли ему одурачить весь народ?— спросил я.

Иона Эммануилович пристально взглянул на меня и пояснил:

— Не исключено, что на короткое время фашисты смогут обмануть народ, несмотря ни на его революционные традиции, ни на влияние компартии. Но, конечно, долго так продолжаться не может. Авраам Линкольн говорил: «Иногда удается дурачить народ, но только на некоторое время; дольше — часть народа; но нельзя все время дурачить весь народ». Хорошо сказано!..

Международные вопросы, как я понял, сильно занимали Якира. Он подробно, не жалея времени, делился с нами своими соображениями о возможности вооружения Германии с помощью англо-американских монополий, о реальной угрозе со стороны императорской Японии, которая вплотную подобралась к нашим дальневосточным границам и к дружественной нам Монгольской Народной Республике.

Коснувшись ближайших задач войск округа, Иона Эммануилович заинтересовался, насколько широко слушатели академии изучали тактику наступательного боя и глубокой операции с массовым применением танков и авиации. Из его замечаний мне стало ясно, что сам Якир — горячий сторонник этих наиболее прогрессивных форм боевых действий и целиком разделяет взгляды таких пионеров советской военной теории, как М. Н. Тухачевский, В. К. Триандафилов, А. И. Егоров, А. И. Седякин. Я сказал ему, что начальник академии Борис Михайлович Шапошников уделяет серьезное внимание этим важнейшим оперативно-тактическим проблемам.

Удовлетворенный моим рассказом, Иона Эммануилович воскликнул:

— Как хорошо, что наша армия молода не только годами, но и духом! Как хорошо, что у нас мало сторонников отживших оперативно-тактических догм! Естественно, что среди старых

специалистов еще попадаются и такие, но не они, к счастью, делают погоду. Думаю, в оперативно-тактическом искусстве мы впереди армий самых крупных капиталистических стран.

Якир с большой теплотой отозвался о Триандафилове и Иссерсоне, которых хорошо знал и относил к наиболее талантливым молодым советским военным теоретикам, умеющим в разработке оперативного искусства сочетать глубокое знание форм вооруженной борьбы с марксистско-ленинской теорией.

С чувством искреннего сожаления Иона Эммануилович заметил:

— Как жаль, что нелепая смерть вырвала из рядов нашей армии Василия Кириаковича, одного из ее самых талантливых и глубоко мыслящих военачальников...

Конец нашей продолжительной беседы неожиданно огорошил меня, так как прозвучал своеобразной «панихидой» по коннице. А ведь я и Аскалепов были кавалеристами!

Обращаясь к нам обоим, Якир заявил:

— Вам предстоит служить в замечательном кавалерийском соединении. Второй кавкорпус — детище Григория Ивановича Котовского. Многие командиры и сам комкор Криворучко — воспитанники и прямые последователи Котовского. У них много самобытного, много странностей, им часто не хватает теоретической подготовки, но дело свое они знают и любят всей душой.

Якир на мгновение задумался, а затем продолжал:

— Я сам стал командиром во время гражданской войны, и, честно признаюсь, кавалерия мне по сердцу. Но... — Он вздохнул и развел руками. — Но, как ни горько сознавать, это — отживающий род войск. Постепенно, с ростом моторизации и механизации армии, конница будет сходить со сцены.

Наш друг Сандалов торжествующе поглядел на меня и Аскалепова: ведь его-то, Сандалова, направляли в механизированные войска. А я, видимо, не мог скрыть своего огорчения. Якир заметил это и успокоил нас:

— Не печальтесь! Придет время — вы смените коней на бронированные машины и танки и, если понадобится, с не меньшей кавалерийской лихостью поведете их на врага... Что касается меня, — добавил он после короткого раздумья,— то я мечтаю увеличивать механизированные войска.

Время прошло незаметно, командующего ждали другие дела. Об этом напомнил вошедший в кабинет начальник штаба округа Д. А. Кучинский (впоследствии первый начальник Академии Генерального штаба). Якир познакомил нас с ним, затем пожелал успехов в службе и личной жизни и тепло попрощался.

Через два дня я представился в Житомире знаменитому кавалеристу Николаю Николаевичу Криворучко. Когда я доложил, что был на приеме у командующего, Криворучко заговорил тепло, душевно:

— Радуйся, хлопче. Ты говорил с человеком, о котором когда-нибудь будуть песни складывать. Григорий Иванович Котовский и я от начала до конца гражданской прошли под его началом. Ни душой, ни воинскими доблестями краше его пока не встречал командира.

Криворучко поднял глаза на портрет Котовского, вытянул вверх указательный палец и проговорил:

— Сам Григорий Иваныч добре уважал его. Мало сказать, уважал. Дуже крепко любил!.. Вот послухай, если понять хочешь, одну историю. Про Южный поход слыхал? Добре. Прискакал однажды при мне к Котовскому конник, весь исполосованный саблюками. С седла свалился прямо на руки наших ординарцев и чуть слышно прошептал: «В Глуховцах... Начдива окружили петлюровцы...» До того местечка километров пять. Туда, как мы узнали потом, прорвалась петлюровская банда. Услыхал эти слова Григорий Иваныч и аж побелел от ярости. Одним махом вскочил на коня и, не говоря ни слова, как бешеный помчался в сторону Глуховцев. Беда, думаю, там — Якир, а тут еще Котовский... Сколько петлюровцев — неизвестно, как бы не порубали обоих. Я — в седло, еле догнал Котовского, кричу: «Товарищ комбриг! Давайте вышлем разведку, а я тем временем соберу несколько эскадронов». Куда там! Даже не оглядываясь, Григорий Иваныч рычит: «Опоздаем... Вперед!..» На наше счастье, по пути встретился взвод из нашей бригады, возвращавшийся с разведки. Я дал сигнал — конники повернули вслед за комбригом. Мчались мы, аж ветер свистел в ушах. Подоспели вовремя. Якир с несколькими оставшимися в живых командирами и бойцами едва отбивался от наседавших со всех сторон бандюг...

Криворучко неожиданно замолк, снова посмотрел на портрет Котовского, словно хотел получше восстановить в памяти картину давнего прошлого, и продолжал:

— Понимаешь, друже, как обрадовался Григорий Иваныч, когда увидел, что начдив Якир жив! Гимнастерка на нем вся посечена осколками гранат, а сам стоит перед нами, будто ничего и не случилось — улыбается, да и только. «Спасибо вам, друзья, — говорит он своим, как всегда, спокойным тоном, — а теперь докладывайте обстановку на фронте бригады». Вот он какой был в бою, Якир, вот как мы берегли его! Понимаешь?

— Понимаю.

— Значит добре, служить будешь как надо.

Уже позже, когда втянулся в свои служебные дела, я убедился, что именно искренней привязанностью к Якиру объяснялся страх этого известного своей отвагой командира перед перспективой получить замечание от командующего округом или приглашение для беседы по душам, как выражался Николай Николаевич, «на чашку чая». Якир вообще не любил шумные «разносы» провинившихся командиров.

— Лучше получить десять письменных «строгачей», — говорил Криворучко, — чем хоть раз вот так «почаевать». За чаем Иона Эммануилович всю душу вывернет наизнанку.

В Киевском военном округе я прослужил почти три года. На длинном воинском пути это совсем небольшой отрезок времени. Но в моей жизни он занимает особое место.

Служба в войсках, которыми командовал Якир, была своеобразной академией воинского воспитания и оперативно-тактического мастерства. Не случайно важнейшие маневры и крупные опытные общевойсковые учения с отработкой самых важных оперативно-тактических вопросов проводились в то время в Киевском военном округе.

И. Э. Якир был больше практиком, чем теоретиком военного дела, но вряд ли кому-нибудь уступал в знании теории. Те новые наметки и мысли, которые еще, как говорится, витали в воздухе и терялись в потоках туманных предположений и вокруг которых разгорались теоретические дискуссии, Иона Эммануилович всегда успевал проверить на практике: в боевой подготовке частей, на учениях, в процессе командирской учебы. Ярый враг всякой рутины, он стремился подхватывать все новое в самом зародыше и, если оно было стоящим, ценным, добивался его практического применения.

Маленький пример.

Один из командиров штаба, Баркарь, предложил проект подрывной машины для разрушения железнодорожного пути. Применение новой машины сокращало потребность в обслуживающем персонале и втрое ускоряло процесс разрушения путей. Проект Баркаря долго не находил поддержки. Тогда изобретатель решился обратиться непосредственно к командующему округом. Якир пригласил к себе специалистов из инженерных войск. Выслушав изобретателя и специалистов, Иона Эммануилович предложил немедленно помочь автору изобретения осуществить его проект, самому Баркарю объявил благодарность и, зная, что он охотник, подарил ему охотничье ружье.

Припоминаю и другой случай.

В то время среди авиаторов округа господствовало мнение,

что истребитель И-5 вывести из плоского штопора невозможно. Такое мнение тормозило совершенствование высшего пилотажа, и это серьезно беспокоило Якира. Иона Эммануилович часто вызывал к себе летчиков, беседовал с ними, пытаясь добраться до истины.

Командир эскадрильи П. С. Осадчий попросил у командования ВВС разрешения выполнить плоский штопор и тем самым опровергнуть это мнение на практике. Командование ВВС посчитало эксперимент рискованным и запретило его. Дело дошло до Ионы Эммануиловича. Он вызвал Осадчего, внимательно выслушал его и разрешил провести опыт.

Осадчий блестяще опроверг отсталый взгляд. Якир был очень доволен. Он приказал командующему ВВС округа Ингаунису командировать Осадчего во все авиационные соединения с тем, чтобы тот продемонстрировал летчикам-истребителям технику выполнения плоского штопора.

Вот так, по крупицам, собирал Якир все новое в военном деле и открывал ему «зеленую улицу».

Иона Эммануилович очень дорожил опытом гражданской войны, но относился к нему творчески. Любя кавалерию, он предвидел ее скорый закат и прилагал все силы к развитию мотомеханизированных войск. Совсем не случайно значительная часть первых крупных механизированных соединений Красной Армии была создана именно на Украине. И первым стрелковым соединением, переформированным в 1933 году в мехкорпус, явилась знаменитая 45-я Краснознаменная Волынская дивизия — любимое детище Якира.

Несмотря на огромную загруженность партийной и государственной деятельностью, Якир очень хорошо знал жизнь войск. В соединениях округа он был частым гостем. За первый год моей службы в должности начальника штаба 5-й кавалерийской дивизии Якир не менее трех раз наведывался к нам. Каждый его приезд был связан с проведением какого-нибудь важного мероприятия в боевой подготовке или партийно-политической жизни. Не было случая, чтобы Якир не выступил перед командным и политическим составом с докладом или не поговорил по душам с бойцами. И сами его доклады превращались в оживленную беседу. Вначале он кратко разъяснял внутреннее и международное положение Советского Союза, рассказывал о ближайших задачах войск, а затем отвечал на многочисленные вопросы, интересовавшие командиров и политработников. Если же возникали претензии к службам округа, он требовал ответа от присутствовавших здесь же начальников служб.

Приезжая в дивизию, Якир лично вникал во все стороны боевой и политической подготовки. Прежде всего его интересовало политическое воспитание красноармейцев и командиров. Он подчеркивал, что основное преимущество Красной Армии перед армиями капиталистических стран (при равном уровне боевой подготовки) состоит в высокой политической сознательности ее бойцов и командиров.

— Если мы не будем постоянно проявлять заботу о политическом воспитании Красной Армии, — часто говорил Якир, — то она лишится своего главного преимущества и превратится в обычную армию.

При всей своей сдержанности и деликатности Иона Эммануилович ополчался против тех командиров, которые считали, что сначала бойца нужно научить ходить, стрелять, переползать, перебегать и прочим премудростям тактики одиночного бойца и лишь потом думать о его политическом воспитании. Командиров, утверждавших, что с новобранцами надо начинать не с бесед на политические темы, а с метания гранаты, он называл аполитичными делягами.

— Приучить молодого красноармейца подчиняться требованиям строгой воинской дисциплины нельзя, если не направлять его волю в нужную сторону, — учил Якир.— Воспитательная работа не исключает и мер принуждения, но убеждение — главное.

Проявляя постоянную заботу об улучшении партийно-политической работы и укреплении сознательной воинской дисциплины, Якир ежедневно, ежечасно приковывал внимание командиров и к повышению технической оснащенности и боевой готовности войск. Ясно понимая тесную зависимость мощи армии от экономики, он активно выступал за линию партии на индустриализацию и коллективизацию страны.

В период коллективизации на Украине были допущены некоторые ошибки, в связи с чем возникали существенные трудности. На политических занятиях красноармейцы, пришедшие из деревни, задавали много острых вопросов. Некоторые политработники пытались уйти от теневых сторон практики коллективизации, сглаживали «острые углы» и говорили только об успехах в сельском хозяйстве. Обращаясь к ним, Якир говорил:

— Если пропагандист или агитатор пытается уйти от правды жизни, грош ему цена. Не уподобляйтесь страусу, прячущему голову под крыло, чтобы не видеть опасности. Не обходите трудности в нашем движении. Не бойтесь правды. Вырабатывайте в себе большевистскую прямоту.— И добавлял: — Если командир

или политработник отделывается общими фразами, это говорит об одном: он слабо подготовлен в идейно-теоретическом отношении. Чего стоит такой командир или политработник, можете судить хотя бы по такому примеру. У политрука товарища Слюсаренко, из полка связи, я спросил: чем определяются сейчас политические настроения ваших курсантов? Он бодро ответил мне: «Теми директивами и решениями партии, которые мы сейчас имеем».

Все слушавшие Якира дружно захохотали. А он, пряча улыбку, заключил:

— Вы сами понимаете, такой «хромой» пропагандист, не умеющий ответить на поставленные жизнью вопросы, не способен рассеять нездоровые настроения.

Сам Иона Эммануилович был замечательным пропагандистом, не боявшимся говорить с массами на любые злободневные темы. В то время, помню, повысили цены на хлеб. Это произошло уже после окончания коллективизации. Некоторые командиры и политработники избегали беседовать с бойцами на эту щекотливую тему. А Якир лично выступал в частях, прямо разъяснял, чем вызвано повышение цен и почему оно необходимо.

Не только в войсках, но и среди населения Украины Якир пользовался исключительно большой популярностью и, я бы сказал, искренней любовью. И не только потому, что он был одним из героев гражданской войны. Не менее важная причина авторитета этого замечательного военачальника заключалась в том, что он был настоящим коммунистом-ленинцем. Он был исключительно человечен, доступен и отзывчив. Держался с людьми просто, по-товарищески.

Бойцы и командиры, особенно молодые, только начинавшие службу, всегда чувствовали его внимание и заботу. Бывая в войсках, он обязательно интересовался, как кормят бойцов, как устроен их быт, как живут командиры и их семьи. Крепко доставалось тем начальникам, которые не интересовались солдатским бытом.

В одном из своих приказов он сурово предостерег: «Предупреждаю, что за допущение безобразий в постановке питания бойцов и командиров виновные будут строжайше наказаны, вплоть до предания суду».

Якир старался принять каждого вновь прибывшего в округ командира и политработника, побеседовать с ним, ободрить его в начале служебного пути. Он готов был в трудную минуту прийти на помощь любому из них.

В августе 1936 года жена одного командира взвода позвонила

Якиру на квартиру и, плача, пожаловалась на бессердечное отношение к ней. Ее тяжело заболевшего ребенка нужно было срочно отправить в больницу. Она попросила легковую машину у одного начальника, у другого, у третьего— все отказали, рекомендуя обратиться в скорую помощь. Она побежала к фельдшеру батальона. Тот заявил ей, что сменился с дежурства, устал и никуда не пойдет. Почему отчаявшаяся мать решила дозвониться командующему округом? Да потому, что знала: он в помощи не откажет.

Выслушав женщину, Якир обещал немедленно принять меры. Прошло очень короткое время, и за ребенком примчалась санитарная машина. Утром, придя в свой кабинет, Иона Эммануилович приказал адъютанту справиться о состоянии больного ребенка. Только услышав, что ему стало лучше, Якир успокоился и занялся служебными делами.

Корень всех бед в работе с людьми Якир видел в недостатке внимания к партийно-политической работе, к воспитанию личного состава. Сам же занимался этим повседневно. Не случайно в 1934 году Якир потребовал для обслуживания сборов «приписников» привлечь радио, кино, лекторов-пропагандистов из партийных и общественных организаций, пригласить видных писателей Украины, артистов. Один только окружной театр в период сборов дал свыше ста спектаклей и концертов. При этом командующий округом сам проявлял большое внимание к репертуару театров и программам концертов.

Первостепенное значение придавал он бдительности.

На горизонте тогда появились уже зловещие тучи фашизма. В одном из своих выступлений Иона Эммануилович говорил о том, что к воспитанию бдительности нельзя подходить формально. В некоторых частях и соединениях читается много отвлеченных, декларативных лекций и докладов, а на практике проявляется элементарная слепота.

Он рассказал, как штаб артполка 14-й кавдивизии принял в полк неизвестного человека, назвавшего себя Ивановым. Последний объяснил, что в полк его направил хабаровский военкомат, а документы он якобы потерял в дороге. Штаб полка без какой-либо проверки, даже не пропустив через карантин, немедленно зачислил «Иванова» в одну из батарей. А через десять дней неизвестный скрылся. Чего же стоят лекции и доклады, если на деле о бдительности забывают!

Призывая к бдительности, Иона Эммануилович предостерегал от излишней подозрительности и необоснованных обвинений:

— Не всякому слуху верь. Уважай человека, доверяй и

проверяй. Хороших у нас больше, чем плохих. К врагу будь беспощаден, к другу внимателен. Умей отличать друга от врага.

Высоко ценил Якир дружбу бойцов с трудящимися. Шефской деятельности он придавал большое политическое значение и был непримирим к тем, кто видел в шефских связях лишь материальную выгоду. На весь округ опозорил Якир командира одного полка, который однажды направил двенадцать командиров в окружающие села, совхозы и МТС с задачей достать, в порядке помощи, что можно и что удастся. На совещании командно-политического состава округа командующий резко осудил такую уродливую форму дружбы с трудящимися.

Он сурово порицал командиров, славившихся в частях своей так называемой «хозяйственной жилкой», о которых обычно чуть ли не с гордостью говорили: дескать, всё могут достать, даже «птичье молоко». Якир буквально преследовал «доставал», считая, что хозяйственное благополучие части, подразделения, основанное на принципе «достать любой ценой», разлагающе действует на личный состав, толкает командиров на нечестные махинации.

В беседе с командирами и политработниками 5-й кавдивизии Иона Эммануилович однажды заявил:

— Принцип «достать любой ценой» губителен. Люди — от красноармейца до командира — разлагаются, начинают хватать все, что плохо лежит, и опускаются даже до воровства.

И он тут же привел свежие факты из жизни дивизии: командир эскадрона 26-го кавполка Шаповалов, желая «достать любой ценой», вывез со стройучастка два ящика стекла; а начальник боепитания того же полка Колесников приказал снять с государственной линии электропередачи два километра высоковольтного провода.

— И что печальнее всего, — добавил Якир, — эти командиры считают себя чуть ли не героями: как же, ведь они старались для своей части. Такая практика хозяйствования преступна.

Якир рассказал также, как один командир полка, чтобы добиться хороших результатов в стрельбе, «по знакомству» с директором патронного завода стал «доставать» боеприпасы в неограниченном количестве.

— И посмотрели бы вы, — с грустью сказал командующий,— как удивился этот командир, когда вместо благодарности я объявил ему выговор и запретил впредь всякие незаконные сделки за счет государства. Народную копейку надо беречь, хозяйничать инициативно, но честно.

Будучи безусловным сторонником воспитания Красной

Армии на основе наступательной стратегии, Якир считал, что агрессор на первых порах может оказаться сильнее и поэтому войска приграничных округов должны опираться на заранее подготовленные мощные оборонительные рубежи. Этому наиболее соответствовали бы, по его мнению, укрепленные районы, построенные не только вдоль границы, но и в глубине. И он с энтузиазмом взялся за строительство сети укрепленных районов на Украине. По его инициативе форсировано строились и оборудовались Киевский, Коростеньский, Летичевский, Могилевский, Ямпольский, Рыбницкий, Тираспольский, Новоград-Волынский и другие укрепленные районы. В начале Великой Отечественной войны эти районы могли бы сыграть большую роль: гитлеровские орды, натолкнувшись на мощный заслон, не смогли бы так быстро продвинуться вглубь нашей страны, если бы укрепления не разоружили и не демонтировали.

Каждый приезд Якира в войска ознаменовывался своего рода соревнованием между подразделениями. Бойцы и командиры старались отличиться перед своим командующим. Результаты обычно подводились здесь же, в поле, на стрельбище. Командующий лично поздравлял отличившихся и вручал им памятные подарки. Долго потом в частях шли разговоры об этом событии. Те, кого Якир поздравил и кому пожал руку, чувствовали себя настоящими героями.

Иона Эммануилович возмущался, когда узнавал, что командиры в частях не имеют времени на самообразование, и сурово отчитывал за это старших начальников.

— Вы не умеете руководить, — говорил он им, — не смотрите вперед. Если будете жить только сегодняшним днем, то не заметите, как очутитесь в хвосте, а потом и вовсе отстанете. А отсталых жестоко бьют на войне.

Он неустанно требовал, чтобы командиры учились, и всячески поощрял тех, кто настойчиво совершенствовал свои знания; разъяснял, что самообразование — основная, всеобъемлющая форма учебы.

— Если мы будем сидеть сложа руки и ждать, пока все пройдут через военные академии, то наши командиры превратятся в неучей.

В округе все время функционировали различные курсы подготовки и переподготовки командного состава. Курсы создавались даже в соединениях.

Иногда командиры, сами не учившиеся в военных академиях, проявляли к высшим военным учебным заведениям и их выпускникам некоторое пренебрежение, ценя лишь опыт. Они не понимали, что их природные способности, оплодотворенные

прочными теоретическими знаниями, дали бы лучшие результаты на практике, помогли бы успешнее руководить войсками. Выступая против недооценки высшего военного образования, Якир однажды заявил, что командир, окончивший академию, подобен человеку, пробирающемуся через таежные дебри с компасом и картой. Он, конечно, может и ошибиться, но все же, если хорошо читает карту и умело пользуется компасом, обязательно найдет верное направление. А вот командир, не имеющий должного военно-теоретического багажа, полагающийся только на свой опыт, подобен таежному охотнику: пробирается тем же путем, однако руководствуется только своей памятью и интуицией. У каждого из них есть свои преимущества, но у первого — более надежная основа для уверенного движения вперед, чем у второго.

Сам Якир никогда не прекращал учиться. Можно без преувеличения сказать, что вся его недолгая жизнь — это своеобразная академия. Каждую свободную минуту он использовал для повышения своих знаний.

Начальник штаба округа Дмитрий Александрович Кучинский как-то рассказывал, что Якиру в конце двадцатых годов довелось учиться в одной из самых старых военных академий Европы — в германской академии генерального штаба. Он блеснул там такими способностями, столь выдающимся воинским талантом, что удивил даже президента Германии, старого фельдмаршала Гинденбурга. В знак уважения к «красному генералу» Гинденбург подарил Якиру на память основной труд Шлиффена «Канны», на котором сделал примерно такую надпись: «На память господину Якиру — одному из талантливых военачальников современности». Тогда же руководство рейхсвера попросило Якира прочитать германскому генералитету курс лекций о гражданской войне в России. Эти лекции вызвали у столь необычных слушателей огромный интерес.

Якир был всесторонне образованным военачальником. Он знал несколько иностранных языков. На маневрах 1935 года я видел, как он оживленно, без переводчика, обсуждал что-то с главами иностранных военных делегаций.

Командующий горячо поддерживал тех командиров, которые стремились получить высшее военное образование.

В 1936 году у нас была создана Академия Генерального штаба и округам предстояло выделить кандидатов в первый набор. Как это часто случается, некоторые начальники старались задержать на службе лучших командиров. Но Якир без колебаний дописал в список кандидатов фамилии тех, кого считал достойными быть в академии.

Хочется рассказать еще об одной весьма примечательной особенности И. Э. Якира как военачальника. Он был большим мастером организации и проведения войсковых учений и крупных маневров. Якир умел вносить в учения накал и динамичность подлинных боевых действий. Этому способствовало его стремление применять на маневрах новейшие достижения советского военного искусства, а также дух творчества и инициативы, который он настойчиво прививал войскам.

Мне довелось принять участие в двух крупных маневрах, проводившихся в Киевском военном округе в 1934 и 1935 годах. Каждое из этих учений по-своему оригинально и интересно. Особенно запечатлелись в моей памяти маневры 1935 года. Может быть, потому, что в предыдущих маневрах я принял участие, что называется, с ходу, прямо с академической скамьи, а в 1935 году уже освоился со службой и накопил кое-какой опыт.

На маневрах 1935 года отрабатывались действия конных и механизированных соединений при поддержке авиации. За «красных» выступала 3-я армия, в составе которой реально действовали стрелковый и механизированный корпуса, кавалерийская дивизия и отдельные танковые и авиационные части. На стороне «синих» действовала 5-я армия, которую реально представляли стрелковый и кавалерийский корпуса, отдельные танковые и авиационные части и воздушный десант — парашютный полк и подготовленные к высадке два стрелковых полка.

Замысел маневров Якир определил примерно так.

«Синие» наносят удар с целью разгромить войска «красных», обороняющихся на киевском направлении, и захватить город Киев. Им удается прорвать оборону и ввести в прорыв свою подвижную группу — кавалерийский корпус и механизированные части — в направлении Киева. Для нанесения удара по киевской группировке с тыла выбрасывается воздушный десант (дивизия). «Красные», обороняясь на своем правом фланге, одновременно сосредоточивают на левом крупные механизированные и кавалерийские силы, чтобы нанести удар во фланг и тыл прорвавшейся группировке «синих».

Командование войсками «синей» стороны было поручено И. Н. Дубовому, который только что был назначен командующим Харьковским военным округом. Его заместитель С. А. Туровский руководил действиями «красных».

Готовясь к маневрам, главный руководитель Якир развил такую кипучую деятельность, будто предстояли настоящие бои. Основное внимание он уделил действиям механизированных войск и высадке воздушного десанта.

Якир не терпел ненужной парадности и условностей на учениях. Перед началом маневров командир 7-го стрелкового корпуса Рогалев доложил ему, что 90-й стрелковый полк не готов к участию в воздушном десанте. Командующий не раз бывал в этом полку и хорошо знал его с лучшей стороны. Поэтому доклад командира корпуса удивил Якира.

— В чем дело? — спросил он.

— Все еще плохо со строевой подготовкой, — ответил Рогалев. — Неудовлетворителен торжественный шаг!..

Якир с улыбкой посмотрел на комкора:

— Да, это, конечно, серьезный недостаток. Но ведь, дорогой товарищ Рогалев, наши десантники будут наступать на противника вовсе не торжественным шагом.

Знакомясь с разработкой предстоящего боя истребительного противодесантного отряда с воздушным десантом, Якир обнаружил, что противодесантный отряд успевал заблаговременно выйти в район высадки парашютного полка и мог уничтожить его в момент выброски. Командир, отвечавший за проигрыш этого этапа, заявил, что соответствующими вводными он постарается задержать противодесантный отряд на 2—3 часа, пока не высадится парашютный полк. Якир категорически запретил это делать, указав, что на маневрах должно быть как можно меньше условностей. Если, например, «синие» своевременно обнаружат выдвижение противодесантного отряда и нанесут по нему удар, то это, безусловно, сможет задержать его выход в район высадки. А искусственная задержка его через посредников — недопустимая условность. Пришлось штабу руководства пересмотреть и лучше продумать разработку.

Огромная, скрупулезная работа, проделанная Якиром и его штабом по подготовке киевских маневров 1935 года, сказалась с самого начала. Действия сторон были разыграны весьма динамично, с полным учетом боевых свойств механизированных соединений и воздушно-десантных частей. Все расчеты оказались настолько реальными, что войска «воевали» в максимально приближенной к боевым действиям обстановке, без ненужных условностей и искусственного «натаскивания».

13 сентября 5-я армия «синих» прорвала оборону «красных» и, развивая успех, в сумерки передовыми отрядами прорвалась к реке Ирпень, протекающей западнее Киева. Передовым отрядам «синих» форсировать Ирпень не удалось, так как «красные» успели занять оборону на противоположном берегу.

Якир внимательно следил за развертывавшимися событиями и как опытный дирижер направлял войсковой «оркестр». В середине дня случился казус, который мог нарушить весь план:

как только в прорыв начал входить 2-й кавалерийский корпус «синих», на его левом фланге сосредоточилась 9-я кавалерийская дивизия «красных» в готовности контратаковать.

Разведчики доложили командиру корпуса, что на левом фланге обнаружены крупные силы конницы. Н. Н. Криворучко, лихой комкор, вдруг начал проявлять излишнюю осторожность: он остановил свои соединения и стал ждать контратаки. А командир 9-й кавалерийской дивизии «красных» К. П. Ушаков в свою очередь тоже не решался атаковать, ожидая, что корпус Криворучко втянется и тогда кавдивизия ударит ему во фланг и тыл. Бездействие затягивалось. Никто не решался начать первым.

Доложили командующему. Он немедленно прибыл к Криворучко, выслушал его доклад об обстановке, спросил:

— Чего же вы ждете, Николай Николаевич? Я бы никогда не подумал, что вы, старый и опытный боевой командир, можете допустить такую нерешительность в действиях. До свиданья!

Якир сел в машину и поехал к Ушакову. Не успел он отъехать, как конница и мехчасти по сигналу Криворучко устремились вперед. Дальше все пошло точно по плану.

К вечеру для «синих» сложилась критическая обстановка. С одной стороны, «красные» ослаблены, а Киев — цель наступавших — буквально перед носом у «синих». В дальнейшем сопротивление «красных», несомненно, будет возрастать. Значит, надо немедленно продолжать решительное наступление на Киев. С другой стороны, впереди — занятая войсками «красных» река Ирпень, которую с ходу преодолеть не удалось. Соседи отстали. На подходе свежий стрелковый корпус, но 14 сентября войти в сражение он не успеет.

Командовавший «синими» И. Н. Дубовой, правильно оценив обстановку, решил использовать 14 сентября на подготовку к форсированию реки и перегруппировку, а с утра 15 возобновить удар на Киев. В порядке подготовки этого удара он наметил с утра 14 сентября выбросить в районе Бровары невиданный по тому времени воздушный десант — целую дивизию. Этот десант должен был захватить переправы через Днепр у Киева, а с утра 15 сентября содействовать наступлению главных сил ударом с тыла.

Выполняя приказ Дубового, командующий авиадесантной группой должен был силами парашютного десанта захватить аэродром и железнодорожную станцию в Броварах, обеспечить район высадки и затем высадить туда 43-й и 90-й стрелковые полки. Затем парашютный полк и десантируемые стрелковые полки должны были наступать, захватить мосты через Днепр в районе Киева и нанести удар по киевской группировке «красных» с тыла.

Командование «красных» своевременно разгадало замысел «синих» и в ответ решило предпринять активный контрманевр. Обороняясь по реке Ирпень на правом фланге, «красные» сосредоточили на своем левом фланге крупные механизированные силы (мехкорпус), чтобы нанести контрудар во фланг и выйти в тыл ударной группировке «синих». Предполагая высадку воздушного десанта, «красные» разработали три возможных варианта уничтожения «противника» силами мощного истребительного противодесантного отряда. Во всем: в продуманности принятых решений, в четкости действий войск — чувствовалась опытная и уверенная рука Якира.

Наступал кульминационный момент маневров.

В назначенный час крупные механизированные силы «красных», переправившись под прикрытием авиации через реку Ирпень, начали обходить кавкорпус «противника». Переправа была проведена блестяще и столь скрытно, что «синие» не сразу обнаружили ее.

В 11 часов 30 минут 15 сентября, когда туман, закрывавший тонкой пеленой долину реки, начал рассеиваться, «синие» неожиданно обнаружили переправившиеся танки «красных». Вышедшая в тыл «синих» механизированная группа сама оказалась вначале в весьма опасном положении. Определилась явная угроза удара ей во фланг и тыл со стороны нависшего над ее правым флангом 2-го кавалерийского корпуса «синих», усиленного значительным количеством танков. Однако и корпус Н. Н. Криворучко попал не в лучшее положение: на его открытый левый фланг нажимала кавалерия «красных» (9-я кавалерийская дивизия).

В этой сложной обстановке механизированная группа «красных» прикрылась от пехоты «синих» частью своих сил, а главными силами стала окружать и громить кавалерийский корпус. Сотни танков, ведя огонь на ходу, неудержимо ринулись в атаку, за ними двинулась мотопехота. «Синие» стали бросать в контратаку свои механизированные части, поддерживаемые авиацией и артиллерией. Но мехчасти «красных» оказались сильнее. Танки «красных» смяли мехчасти «синих».

В этот критический момент командир корпуса «синих» Н. Н. Криворучко быстро перегруппировал свои части и ударил во фланг мотопехоте мехкорпуса «красных». Однако командир этого корпуса своевременно выдвинул танковый резерв и умелым маневром главных сил охватил конницу железным кольцом танков. В это время на кавкорпус «синих» вдобавок обрушилась вся авиация «красных». Это было грозное и великолепное зрелище!

Лихих конников 2-го кавалерийского корпуса охватил подлинный боевой азарт, и они готовы были с одними клинками бросаться на танки, чтобы проложить себе путь. Учение достигло столь высокого накала, что находившийся на наблюдательном пункте нарком Ворошилов, смеясь, сказал Якиру:

— Давай отбой, а то они перебьют друг друга.

Так закончились маневры на этом участке. Мы все поспешили к месту высадки воздушного десанта. В 8 часов 15 минут бомбардировочная авиация «синих» ударила по Киеву и отвлекла истребительную авиацию «красных» на себя, а через 35 минут бомбардировщики и штурмовики нацелили удар по району высадки, в том числе и по аэродрому. Вслед за этим началась выброска парашютного десанта. Через час он уже занял Бровары. Но с захватом аэродрома запоздали, и поэтому первые воздушные корабли приземлялись в разгар боя за аэродром.

В 10 часов 12 минут, через 1 час 22 минуты после начала десантирования, приступил к посадке последний полк десантной дивизии.

В связи с тем, что истребители «красных» были отвлечены к Киеву, посадка 90-го стрелкового полка прошла спокойно. Когда же пошел 43-й стрелковый полк, то к месту его высадки подоспели истребители «красных». Однако авиация «синих» успела окружить свои десантные корабли надежным защитным кольцом.

Всего на парашютах было выброшено не менее 1200 человек. Выброска прошла исключительно организованно и кучно. Кроме десантников самолеты доставили шесть зенитных орудий, 76-миллиметровые орудия и автомашины. Авиация произвела высадку для того времени очень быстро: эскадрилья из 12 самолетов совершила посадку, высадку пехоты и взлет всего за 8—10 минут. Все десантирование заняло 1 час 50 минут.

Попутно замечу, что именно здесь впервые возникла мысль о необходимости привлекать местное население к борьбе с воздушными десантами.

17 сентября в Киевском государственном театре оперы и балета на разбор маневров собрался старший и высший командный состав, присутствовали также руководители Коммунистической партии и правительства Украины, военные делегации Чехословакии, Франции и Италии.

Разбор делал И. Э. Якир. Говорил он ярко, уверенно. В докладе дал блестящий анализ закончившихся манёвров и показал ясные перспективы дальнейшего развития современных войск.

— Киевские маневры, — сказал Иона Эммануилович,—

убедительно показали, насколько сложен современный бой и насколько успешно овладели им наши командиры.

Якир оценил отличное взаимодействие авиации с танками, конницей и пехотой. Именно в этом он видел основу успеха боевых действий. Маневры, отметил он, продемонстрировали не только огромный скачок в техническом оснащении Красной Армии и боевой выучке ее частей, но и укрепление морального духа бойцов и командиров. На многочисленных примерах Якир показал, как бойцы и командиры ни при каких обстоятельствах не хотели покидать «поле боя». Об исключительно высокой выучке личного состава говорили факты: в маневрах участвовало свыше тысячи танков, много самолетов, но не произошло ни одной аварии и только несколько машин имели поломки, да и то на ремонт и возвращение их в строй не потребовалось более двух часов.

С гордостью отозвался Якир об авиаторах округа, показавших на маневрах блестящее летное мастерство.

Киевские маневры 1935 года вызвали восторженные отклики и у зарубежных военных деятелей. Руководитель военной делегации Чехословакии генерал Крейчи заявил:

— Мы поражены количеством проблем, исследованных на маневрах, на которых мы присутствовали с большим удовольствием и вниманием. На маневрах нашли массовое применение новые средства, новейший технический материал. Войска действовали в самых разнообразных условиях современной подвижной войны, в тесном взаимодействии всех родов.

Чехословацкую военную делегацию особенно поразило массовое применение парашютистов, высокий класс действий воздушного десанта, а также невиданные доселе масштаб и искусство боевого применения крупных механизированных войск.

В заключение генерал Крейчи сказал:

— Красная Армия пролагает пути будущей тактике, и в этом отношении она среди первых армий мира.

Не менее восторженно высказался и глава французской военной делегации генерал Луазо:

— Видел отличную, серьезную армию, весьма высокого качества и в техническом, и в моральном отношении. Ее моральный уровень и физическое состояние достойны восхищения.

В своей речи он высказал интересную мысль о техническом оснащении наших войск:

— Техника Красной Армии стоит на необычайно высоком уровне. Ваша техника самая современная, ибо она создана за

последние три-четыре года, а европейским армиям долго придется «донашивать» технику и аппаратуру старых образцов. Ваш танковый парк поистине чудесен. Скажу откровенно, мы не прочь были бы обладать таким. Авиацией я восхищен. Парашютный десант, виденный мною под Киевом, я считаю фактом, не имеющим прецедента в мире. Парашютисты — это удивительный новый род войск.

Луазо был поражен любовью населения к своей Красной Армии. Он видел, как встречали киевляне возвращавшиеся с маневров войска.

Руководитель итальянской делегации генерал Монти присоединился к мнению своих коллег:

— Я буквально в восторге от воздушного десанта. На меня произвели большое впечатление ловкость и искусство, с которыми парашютисты выполнили такую ответственную и трудную задачу.

В маневрах следующего года мне уже не пришлось участвовать. В конце лета 1936 года меня вызвали в Киев. Выезжая в штаб округа, я даже не догадывался о причине вызова. Правда, Н. Н. Криворучко как-то говорил, что рекомендовал меня на должность начальника штаба корпуса. И я подумал: уж не по этому ли поводу со мной будут беседовать?

В назначенное время я был в приемной командующего и через несколько минут уже стоял перед Якиром.

Расспросив о моих личных делах, он неожиданно переменил тему:

— Мы прочим вас в начальники штаба корпуса, но сейчас появилась другая возможность — поучиться в Академии Генштаба. Выбирайте: останетесь — через два-три месяца будете начальником штаба корпуса, уедете — станете им позднее на два года.

Я попросил направить меня учиться. Якир, довольно улыбнувшись, сказал:

— Правильно решили. Начальником штаба корпуса вы обязательно будете, а вот дадут ли нам враги время на учебу, трудно сказать. Я бы и сам с удовольствием поучился в Академии Генерального штаба... если бы имел возможность.

Он встал и, крепко пожимая мою руку, посоветовал:

— Зря не теряйте времени. Учитесь упорно. А окончите — возвращайтесь.

Я вышел, предполагая, что теперь не скоро увижу этого умного, сердечного и обаятельного человека. Однако ошибся: снова встретился с ним осенью того же года.

Иона Эммануилович Якир и Иероним Петрович Уборевич,

командовавший Белорусским военным округом, приехали в Академию Генерального штаба проводить со слушателями оперативно-тактические занятия. Оба они разработали задачи, в которые вложили новейшие идеи в области оперативного искусства и тактики. Занятия прошли очень интересно и закрепили за Якиром и Уборевичем репутацию превосходных знатоков оперативного искусства и блестящих методистов.

В академии больше всего было слушателей, прибывших из Киевского и Белорусского военных округов. Но и слушатели других округов прониклись любовью к И. Э. Якиру. В этом сыграла роль не только его естественная простота в обращении с людьми, но и высокая общая культура, знания, умение убедительно и ненавязчиво доказать любое положение военной теории.

Перед отъездом Якира из академии мы, слушатели, прибывшие из Киевского округа, явились к нему. Он встретил нас своей обычной милой улыбкой, расспрашивал об учебе, о настроениях и надеждах. В оживленной беседе час пролетел как один миг. Пожелав успехов и скорейшего возвращения в родной округ, Якир тепло простился с нами. Никому из нас не могло прийти в голову, что в эти минуты мы прощаемся со своим командующим навсегда.

Прошло всего несколько месяцев, наполненных тревогой, недоумением и горестными размышлениями... Безжалостная рука сразила почти весь цвет высшего командного состава Красной Армии. Мы потеряли много талантливых военачальников, в том числе и Иону Эммануиловича Якира. Эта страшная трагедия не укладывалась в сознании. Официальные сообщения вызывали лишь боль, но ничего объяснить не могли...

Никита Сергеевич Хрущев, хорошо знавший И. Э. Якира, в речи на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года говорил о нем: «Это был крупный военачальник и кристальной чистоты большевик, трагически, безвинно погибший в те годы... На допросах товарищ Якир заявлял следователям, что арест и обвинение против него провокация, что партия и Сталин введены в заблуждение, они разберутся во всем этом, разберутся в том, что такие люди, как он, гибнут в результате провокаций».

XX и XXII съезды нашей партии сорвали покров тайны с этой чудовищной трагедии. Мы теперь знаем, что Иона Эммануилович Якир, стоя перед лицом смерти, до последнего вздоха сохранил глубокую веру в Коммунистическую партию, в торжество коммунизма. Он всегда будет жить в нашей памяти как верный товарищ, друг и наставник.

ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ. Д. М. Равич

В дореволюционном Кишиневе существовали два реальных училища: казенное и частное, созданное В. В. Карчевским. В казенное училище евреев принимали только в виде исключения, в счет так называемой «процентной нормы». Зато в частное училище попасть было просто. Наши родители и устроили нас, меня и Иону Якира, в реальное училище Карчевского.

Маленький шустрый первоклассник, курносый и смешливый, веселый и отзывчивый, сразу же пришелся мне по нраву. Мы быстро сошлись, у нас нашлись общие мальчишечьи интересы, и почти все свое время мы проводили вместе.

Часто после занятий в школе или в свободные дни я приходил к Якирам и близко познакомился со всей его большой семьей. Отец Ионы, скромный труженик - фармацевт, умер очень рано, оставив на руках вдовы четверых детей: Сашу, Иону, Белу, Мориса. Матери, Кларе Владимировне Якир, красивой, рано поседевшей женщине, нелегко было прокормить и воспитать четырех ребят. Капиталов муж не оставил, небольшие средства, приберегавшиеся «на черный день», иссякли очень быстро, устроиться на работу было нелегко, да и оставить без присмотра дом, семью Клара Владимировна не могла. Поэтому она по совету дяди Фомы, брата покойного мужа, занялась изготовлением лактобациллина-какого-то молочнокислого продукта. В то время теория Мечникова о пользе молочнокислых продуктов для человеческого организма приобретала все большую популярность, и спрос на них увеличивался. Вот этот лактобациллин и стал источником существования осиротевшей семьи Якира.

В квартире, где весь день хозяйничала Клара Владимировна, мне запомнились блестящие термостаты, в которых выдерживался лактобациллин, и довольно скромная обстановка. Несмотря на вечную нехватку, все ребята были чисто одеты и накормлены, усердно учились и помогали матери по хозяйству.

О дяде Фоме, которого я уже упомянул, надо сказать особо. Для детей Клары Владимировны он стал вторым отцом и делал все возможное, чтобы облегчить их воспитание. Опытный детский врач, он пользовался в Кишиневе большой популярностью. Высокого, спокойного, уравновешенного доктора Якира население города любило и уважало. Особенно беднота. Большинство кишиневских врачей стремились заполучить клиентуру среди купцов и богатеев и быстро превращались в дельцов, загребающих большие гонорары. А дядя Фома - так его обычно все и называли - бескорыстно помогал русской,

молдаванской и еврейской бедноте, работал в каких-то благотворительных учреждениях, трудился, не считаясь со временем.

Иона очень любил своего дядю, привязался к нему всем сердцем и мог восторженно говорить о нем часами. «Дядя Фома сказал... Дядя Фома посоветовал... Дядя Фома будет недоволен...» Авторитет дяди был непререкаем. Иона да и другие, посторонние ребята уважительно и с любовью относились к доктору. От него исходило какое-то душевное обаяние, которое ощущал всякий, кто сталкивался с ним. Стоило доктору погладить раскапризничавшегося парнишку по голове, сказать ласковое слово, добродушно улыбнуться - и тот затихал и уже готов был не только пить горькое лекарство, а и взобраться доброму дяде на колени, слушать его занимательные рассказы. Слушали и слушались его и взрослые. Позже я убедился, что общительность, сердечность и душевная теплота были семейными чертами Якиров.

Нам, учащимся частного училища Карчевского, повезло. Учебная атмосфера здесь резко отличалась от порядков, царивших в казенном училище. Не было резкого деления на богатых и бедных, не чувствовалось национальной розни и угнетающей муштры, дышалось легче и свободнее. Среди преподавателей было немало опытных, с прогрессивными для того времени взглядами. Они не налегали на зубрежку, а старались заинтересовать учащихся предметом и передать им свои знания. Влияние таких преподавателей на школьников было огромным.

Любимым преподавателем у нас считался А. П. Месяцев. Блестящий знаток истории, особенно русской, он вдохновенно рассказывал о прошлом народов, населявших Россию, и зачастую, отвлекаясь от темы, импровизировал и рисовал картины далекого будущего человечества. Именно он привил нам любовь к Родине, к народу и заставил в меру нашего разумения осмысливать все, что происходило вокруг. По совету Месяцева многие из нас прочли «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса и еще кое-что из марксистской литературы. Месяцев безусловно помог формированию наших характеров и взглядов. С особым вниманием он относился к Ионе Якиру, считая его способным и пытливым учеником с большими задатками ученого.

Любили мы и учителя географии (фамилии, к сожалению, не помню). Он не был сухарем, бездумно водившим указкой по географической карте. В его рассказах мы словно видели весь земной шар, узнавали разные страны, путешествовали по морям и

океанам, забирались в самые дальние уголки нашей планеты. И этот преподаватель часто выходил за рамки урока. Не всегда прямо, чаще иносказательно, он показывал ученикам изнанку жизни народов, их беды и горести, их стремление к свободе и лучшей доле.

Бывало, закончится урок географии, ребята мчатся на перемену, а мы с Ионой бродим по коридорам, и до меня доносится взволнованный шепот моего друга:

- Здорово, правда?.. Объехать бы всю землю, повидать своими глазами, как живут люди... И чтобы не было городовых, губернаторов и царей... Чтобы всем жилось как надо...

Как надо жить и что для этого нужно делать, мы пока не знали, многого не понимали. Но это понимание пришло к нам очень скоро.

Хочу еще вспомнить добрым словом преподавателей французского и немецкого языков. Иона Якир увлекался изучением иностранных языков - они ему давались легко - и впоследствии много тренировался и довольно свободно владел немецким и французским. Это ему пригодилось и в армии.

Но больше всего Иону влекла к себе химия. Ее преподавал сам Карчевский, который ценил учащихся, любивших химию. Иона много времени проводил в лаборатории, возился со всякими пробирками и колбами, производил различные опыты, и от этого занятия его невозможно было оторвать. Убежден, что если бы не революция, целиком поглотившая все наши силы и помыслы, Иона Якир стал бы химиком и, возможно, сделал ученую «карьеру». Ведь не зря же, попав в Швейцарию, он начал усердно изучать химические науки, стремясь в короткие сроки добиться наилучших результатов. Но события повернулись по-иному, и Якир стал бойцом, командиром, военачальником.

Как я уже говорил выше, наше училище по сравнению с другими было более демократическим. Это, несомненно, налагало свой отпечаток на наше сознание. Во всяком случае, помнится, несколько старшеклассников во главе с Фельдманом создали марксистский кружок. Маскируя свои собрания товарищескими встречами и домашними вечеринками, участники кружка читали нелегальную и полулегальную марксистскую литературу, устраивали диспуты, до хрипоты спорили о сроках и судьбах революции. Это были горячие, искренние ребята, искавшие путей в революционное движение. Устав от споров и чтения брошюр, все запевали вполголоса запрещенные песни, причем кто-нибудь занимал пост наблюдателя у окна или на улице, чтобы подать условный сигнал, если появится городовой или подозрительный человек, похожий на шпика охранки.

Некоторых из нас, более молодых, Фельдман тоже втянул в кружок, и там мы впервые приобщились к начальным основам марксизма. Кружок часто собирался то в квартире Фельдмана, то в квартире Якира. Не знаю, догадывалась ли Клара Владимировна о характере наших сборищ, но своему сыну Ионе она не запрещала приглашать товарищей и участвовать в «вечеринках».

В день похорон Льва Николаевича Толстого учащиеся нашего училища по инициативе марксистского кружка организовали забастовку. Все ребята высыпали из классов в коридоры, потом на улицу и, помитинговав немного, с молчаливого согласия учителей разошлись по домам. В этой забастовке участвовал и Якир. Он был возбужден, лицо его раскраснелось, и мне показалось, что Иона будто незаметно повзрослел.

Обстановка в Кишиневе тоже способствовала тому, что мы, подростки, быстро взрослели и приобщались к революционному движению. В городе задавали тон приверженцы известных в то время реакционеров Крушевана и Пуришкевича, творили свое черное дело черносотенцы, устраивали еврейские погромы. Разнеся мелкие лавчонки, разгромив квартиры, избив и покалечив ни в чем не повинных людей, черносотенцы после этих «побед» разгуливали по городским улицам, усыпанным обломками мебели и пухом от распоротых перин, несли над головами портреты царя, церковные хоругви и орали пьяными голосами монархические гимны.

Но в городе подспудно, незаметно шло накопление иных, революционных, сил. Из истории нашей партии известно, что в Кишиневе в начале двадцатого века существовала подпольная типография социал-демократов, а в ней печаталась ленинская «Искра». В Оргееве и самом Кишиневе проживали под надзором полиции высланные из других мест социал-демократы. Они общались с населением, с беднотой, ремесленниками, рабочими, распространяли нелегальную литературу и постепенно обрастали активом из местной интеллигенции, учащихся и немногочисленной прослойки пролетариата.

Утверждать не могу, но думаю, что отец Ионы и дядя Фома тоже были связаны с профессиональными революционерами и оказывали им посильную помощь. Это, видимо, понимал и Иона Якир, потому что в своей автобиографии (я с ней познакомился недавно) он записал: «Последние полтора года пребывания в реальном училище под влиянием главным образом дяди-врача, старого социал-демократа, начал почитывать марксистскую литературу...» Здесь Иона Эммануилович прямо называет дядю Фому социал-демократом.

Незаметно бежали школьные годы. Ранней весной быстро

распускалась зелень, цвели каштаны, солнце припекало все горячей; и учащиеся с нетерпением ждали каникул. Летом, когда не надо было ежедневно бежать в училище, мы чаще встречались, уходили в укромные уголки садов и парков и там свободно говорили обо всем, что волновало наши сердца.

Иона, я и наши близкие товарищи любили поэзию, зачитывались художественной литературой, занимались кто физикой, кто химией, кто историей, а главное - пытались познавать жизнь. Смутные желания и стремления звали нас в неизведанные дали. Хотелось поскорее приобрести прочные знания, чтобы потом полностью отдать их трудовому народу. Пятнадцатилетние, шестнадцатилетние юнцы, мы бредили дальними странами, где, может быть, легче дышится, чем в царской России, но еще не были готовы к действенной борьбе с самодержавием.

Наступил 1913 год. Ура! - училище закончено! Что же делать дальше, где и как приложить свои силы, свою энергию?

По разным причинам многие из нас учиться дальше в России не имели возможности; превращаться в кустарей или ремесленников не хотелось и пришлось искать возможности для продолжения образования за границей. Я уехал в Англию, потом перекочевал во Францию. А Иона Якир, по настоянию и при материальной поддержке дяди Фомы, отправился в Швейцарию, в Базель. В Базеле жил старый друг дяди Фомы, эмигрировавший из России профессор химии Фихтер. К нему-то и явился Иона Якир с рекомендательным письмом от дяди.

Фихтер быстро угадал в худощавом черноволосом юноше способного химика и охотно помог ему поступить в Базельский университет. Иона не только учился, но и работал химиком в лаборатории и таким образом добывал средства для скромного студенческого существования. Да и дядя Фома кое-когда присылал своему племяннику денежные переводы.

За границей, в частности в Швейцарии, проживало много политических эмигрантов. Были среди них и большевики, и меньшевики, и эсеры, и анархисты... Время от времени Иона Якир попадал в компанию эмигрантов, прислушивался к их спорам, выпрашивал на денек-другой заинтересовавшую его брошюру. Анархисты казались ему крикунами, меньшевики отталкивали своими туманными разглагольствованиями о путях и методах свержения самодержавия в России, и только у большевиков он находил ясные и прямые ответы на многие вопросы, которые уже тогда волновали его. Так что пребывание в Швейцарии помогло Якиру накопить знания в области химии и определить свой дальнейший жизненный путь.

Летом 1914 года мы съехались в Кишинев на летние студенческие каникулы. Вчерашние школьники выглядели уже вполне взрослыми людьми, и наши родственники с удивлением и уважением разглядывали нас: вон какими стали!.. Настоящие женихи!..

А «женихи», обрадованные каникулами, ежедневно встречались то у меня, то у Ионы, то у Лизы Шатенштейн. Мы уже многое повидали, многое поняли и теперь беседовали так, как могут беседовать люди, хорошо знающие и понимающие друг друга с полуслова. Все мы любили книги, декламировали стихи, часами слушали музыку.

А вечерами, когда накалившиеся за день тротуары и пыльные мостовые постепенно остывали и на город спускалась приятная вечерняя прохлада, мы шли гулять, бродили по улицам или усаживались где-нибудь вдалеке от городского шума и праздных зевак и снова делились всем, что наполняло наши молодые сердца. Темы наших задушевных бесед были самые разнообразные - от общественного назначения поэзии и интимной лирики до роли личности в истории, от погромных речей черносотенцев до разногласий между большевиками и меньшевиками.

Позже, не помню точно когда, рядом с нами появилась Сайка - Сарра Лазаревна Ортенберг, ставшая потом подругой и женой Ионы Якира. Веселая, жизнерадостная, остроумная девушка, она полонила сердце Якира и полюбилась всем нам.

Прошло много лет, а я до сих пор с теплым чувством вспоминаю те, ставшие такими далекими, дни нашей дружбы.

И вдруг грянула война. Выезд за границу был закрыт, пришлось продолжать учение в России. Мы с Ионой подались в Харьков. Ионе удалось устроиться в Технологический институт. Жил он на Журавлевке, в одной комнате с двумя уроженцами Кишинева, но дружил со студентами, съехавшимися со всех концов России. Для занятий, собственно, времени оставалось очень мало, так как Иона и я работали на вокзале дежурными по приему беженцев. Война безжалостно гнала на юг с насиженных мест тысячи и тысячи семей. Когда на товарную станцию прибывал очередной эшелон и из теплушек вылезали измученные, изголодавшиеся женщины и старики с детишками, нам стоило невероятных трудов успокоить, помыть и хоть кое-как накормить беженцев.

Мы находились далеко от фронта, но кровавые следы войны видели на каждом шагу. У нас было достаточно поводов, чтобы поразмыслить, понять происходящие события и оценить войну как антинародную, выгодную только капиталистам, и еще раз

убедиться в гнилости царского режима. Иона делился своими впечатлениями о прожитом дне, о всем увиденном и услышанном, возмущался бессмысленной кровавой бойней, ругал и немецкого кайзера и русского царя. Иногда он неожиданно умолкал и на лице его появлялось жесткое выражение упрямства и непримиримости.

Позднее я из Харькова уехал, но знаю, что в 1915 году Иона Якир участвовал в студенческой антивоенной демонстрации и только случайно избежал ареста. Из Харькова ему пришлось побыстрее «сматываться», и он переехал в Одессу, где, как военнообязанный, около года проработал токарем по металлу на снарядном заводе. Там молодой токарь связался с подпольной большевистской организацией и выполнял ее поручения: встречал и провожал в условные места связных, разносил листовки, стоял «на часах» во время сходок.

В декабре 1916 года Иона заболел туберкулезом и возвратился в Кишинев. Здесь мы и встретились снова, уже после Февральской революции 1917 года.

В эти дни, когда все вокруг кипело и ликовало, в Кишиневе стали появляться, как грибы после теплого дождя, различные общественно-политические организации. Создан был и так называемый студенческий комитет. Вернувшиеся из Петрограда, Москвы, Харькова и Одессы студенты-бессарабцы собирались в помещении комитета на Александровской улице, 114. Это была пора страстных споров, бурных собраний и горячих речей.

Но очень скоро студенты-бессарабцы размежевались и определили свои политические позиции. Одни примкнули к кадетам, другие - к меньшевикам, третьи - к эсерам. Но самой крепкой, сплоченной и действенной стала группа, всем сердцем принявшая большевистскую платформу. Она и захватила руководство студенческим комитетом. Этому немало содействовал старый солдат Исакий Годунов, член Кишиневского Совета солдатских депутатов. Он часто наведывался к студентам, рассказывал им о страданиях солдат на фронте, приносил большевистские листовки и советовал «браться за дело».

Фактически вожаками молодых большевиков были Иона Якир и его товарищи.

Как быстро в то время взрослела и мужала молодежь! Безусые энтузиасты становились опытными организаторами масс, пропагандистами и агитаторами. А о вожаках и говорить нечего. На гребне революционной волны они поднимались высоко-высоко и, несмотря на свою молодость, выбрав свой путь, уже не сворачивали с него.

Таким был и Иона Якир. Революция захватила его, стала

делом его сердца, целью и смыслом существования. Нет, существование - не то слово. Делом всей жизни!.. Что там химия, музыка, стихи... Сейчас нужно было налаживать связи с воинскими частями, привлекать на сторону большевиков трудящихся города, готовиться к вооруженной борьбе за власть Советов. Недосыпая, недоедая, охваченный непередаваемым энтузиазмом и подъемом, Якир с головой ушел в революцию. Он связался с большевистской организацией 5-го Заамурского кавалерийского полка и очень быстро стал среди солдат своим человеком.

Вообще 5-й Заамурский сыграл в жизни Ионы Эммануиловича немаловажную роль. Полк был опорой, вокруг которой формировались и сплачивались новые отряды. Покинутые своими офицерами, заамурцы не разбежались, а превратились в боеспособную воинскую, притом красную, часть. Они поддерживали большевиков, шли за ними, а впоследствии многие из них стали коммунистами. И сам Иона Якир не раз с подчеркнутой гордостью говорил, что свой первый партийный билет он получил в военной организации большевиков-заамурцев.

У Ионы появились новые друзья - Илья Гарькавый, Григорий Котовский, Фишель Левензон, Евгений Венедиктов. Все они участвовали в гражданской войне, прошли славный боевой путь - милые, душевные, золотые, бесстрашные люди, знавшие одну любовь - Революцию, одно счастье - служить своей новой - Советской - Родине.

Вместе с ними начал свой боевой путь и Иона Эммануилович Якир. Весной 1917 года его избрали в Совет солдатских депутатов, и он принял это как высшую награду. Солдаты доверили! Народ доверил! У Ионы словно выросли крылья. Депутат Якир ходил с высоко поднятой головой, в глазах его не угасал блеск возбуждения, и сам он стал похож на бывалого солдата-фронтовика, который наконец-то понял, для чего ему дана в руки винтовка.

Раньше весь военный опыт Ионы ограничивался тем, что он, шаля и дурачась, стрелял из малокалиберной винтовки по случайным мишеням. А теперь уже с настоящей боевой винтовкой в руках этот высокий худощавый парень во главе небольшого отряда в двадцать - тридцать бойцов участвовал в стычках с румынами, защищал окраины Кишинева и даже преследовал противника на реквизированных грузовиках.

Как я уже упоминал, много лет спустя мне удалось прочитать автобиографию моего друга и некоторые документы, характеризующие его быстрый рост как военного и политического работника. Не могу не привести выдержку из одной аттестации,

датированной февралем 1923 года. «Энергию и инициативу проявляет. Талантливый командир. Принимает большое участие в советской и партийной жизни. Великолепный администратор. Пользуется большим авторитетом, популярностью... Выдержанный, чуткий и тактичный партиец, товарищ...»

Да, именно таким и был Иона Якир, таким помнят его все, кому приходилось с ним хоть раз встречаться.

В этой аттестации есть еще одна строчка: «Здоровье плохое». Процесс в легких продолжался, туберкулез подтачивал молодой организм, но Иона не сдавался и даже отмахивался от предложений полечиться и отдохнуть.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ. А. С Шуцкевер

Ранняя весна 1915 года. Харьков - слякотный и серый, несмотря на первую зелень и уже теплые потоки солнечных лучей. Где-то на фронте солдаты русской армии, измученные бессмысленной империалистической бойней, сидят в мокрых глинистых окопах или под угрозой расстрела поднимаются в атаки против «германца». А солдатские семьи в тылу с надеждой и страхом встречают почтальонов и дрожащими руками вскрывают мятые, грязные треугольнички со штемпелем военной цензуры.

Будто нехотя дымят трубы заводов. Люди выглядят хмурыми, голодными и по улицам не идут, а плетутся, стремясь поскорее добраться до квартир. И только увеселительные заведения, словно стараясь замазать кровавые пятна войны и скрыть страдания, придавившие население, работают вовсю.

...Трудовой день в больнице для детей беженцев первой мировой войны окончен. Все сотрудники разошлись по домам, и в здании больницы остались только дежурные и живущие здесь же медицинские сестры и врачи - тоже беженцы из разных далеких мест. Среди них и я - молодая и неунывающая, хотя уже успевшая узнать, «почем фунт лиха».

Если представлялась малейшая возможность, мы старались скрасить свое трудное и безрадостное существование. Сходились по двое, по трое, тихими голосами затягивали песни, а то и отправлялись в какой-нибудь театр, где можно было отвлечься от мыслей о завтрашнем дне и посидеть час-другой в выдуманном, неправдоподобном мире театральной бутафории и наигранно-вымученного смеха.

В этот день почему-то особенно хотелось вырваться из стен больницы, и я уговорила свою подругу, фельдшерицу Симу, свободную от дежурства, пойти в театр. Но куда? После небольшого обсуждения остановились на театре миниатюр Сарматова. Там можно было услышать юмористические куплеты, правда, с легкой примесью скабрезности, увидеть смешные сценки, во всяком случае, как-то отдохнуть. К тому же билеты в этот театр стоили недорого, и мы отправились на Екатеринославскую улицу, прикупив по дороге немного яблок.

Когда вошли в зал, свет уже погас, и мы пробирались на свои места на ощупь, наступая на ноги недовольным зрителям. В темноте я не заметила, что стулья имеют откидные сиденья, и... плюхнулась прямо на пол. Яблоки рассыпались и покатились во все стороны.

Это маленькое происшествие вызвало у нас с подругой неудержимый хохот. Со всех сторон на нас шикали, требовали не мешать и не нарушать порядок, но унять смех оказалось не так-то просто. Подталкивая друг друга локтями, мы тряслись от сдерживаемого смеха, пока наконец не успокоились и стали смотреть, что же происходит на сцене.

В антракте, когда вспыхнул электрический свет, мы увидели сидевших рядом с нами солдата с погонами вольноопределяющегося и его товарища в студенческой тужурке с золотыми вензелями, обозначавшими принадлежность к какому-то учебному заведению.

Оба они охотно помогли нам собрать яблоки и тоже, за компанию, заразительно смеялись.

- Это мои земляки, - сказала Сима, разглядывая соседей,- кишиневцы. Знакомься, Аня!

Мы познакомились. Студент назвался Ионой Якиром, солдат - Мишей, а фамилии его я не разобрала. После окончания спектакля они проводили нас до Благовещенской улицы.

С того памятного вечера и началось наше знакомство с Ионой Якиром, переросшее в крепкую юношескую, а потом и партийную дружбу. Иона часто приходил к нам вместе с Мишей, и с ними, веселыми и остроумными, мы делили наш досуг и отдых.

Я и сейчас хорошо представляю себе Якира той поры. Высокий, стройный юноша с прищуренными умными глазами, с доброй привлекательной улыбкой в уголках губ. Целомудренно скромный, иногда застенчивый, честный и прямой, общительный и предупредительно вежливый... Студенческая тужурка ладно сидела на его худых плечах. На золотившиеся вензеля он посматривал иронически, а, может быть, и с недовольством. В разговорах всегда принимал живейшее участие. Рассказывая что-нибудь забавное, смешное, сам никогда не смеялся - выдерживал характер! Лишь изредка, бывало, разражался искренним, детским смехом, и тогда голос его поднимался до высоких нот. Глядя на него, таким же смехом заражались и мы.

Особенно любил Иона песни. Подняв руку, он останавливал наши шумные беседы и предлагал:

- А не споете ли, братцы, песню хорошую?..

Сам Иона петь не умел, поэтому только тихонько подпевал, но из-за отсутствия слуха всегда сбивался с мелодии. Зато его выручал Миша. Он обладал прекрасным тенором и часто исполнял «по просьбе уважаемой публики» наш любимый романс «Средь шумного бала...»

В такие минуты Иона Якир становился задумчивым, на его лицо набегала неуловимая тень грусти. Слушая пение своего

товарища, он, видимо, наслаждался и мелодией, и словами, бередившими душу.

Огорчало нас состояние здоровья Ионы. У него начинался процесс в легких, он часто температурил, на щеках появлялся неестественный румянец. Товарищи следили за ним, заставляли вечерами одеваться потеплее, оберегали от простуды. Иона был благодарен за внимание и заботу, но старался отшутиться:

- Что вы меня кутаете, как ребенка! Я могу всем вам одолжить силенок и закалки.

Но за шуткой скрывалась тревога: как бы слабое здоровье не помешало ему заниматься любимой наукой - химией.

В Технологический институт, где учился Якир, начали принимать женщин, и я по совету Ионы поступила в «техноложку». Конечно, мне приходилось нелегко: с утра до четырех работа в больнице, дежурства в палатах больных детей, а вечером - занятия в институте и библиотеке. Иона взялся шефствовать надо мной и, когда я не поспевала за курсом, помогал готовиться, заставлял повторять прочитанное, проверял мои знания.

В огромной чертежной аудитории института моя чертежная доска лежала рядом с доской Ионы, поэтому консультация на ходу была мне обеспечена. К тому же я не имела своей готовальни - не хватало средств на столь дорогую покупку,- и Иона сразу же предложил мне пользоваться его готовальней. Обычно мы чертили рядом, перебрасываясь короткими репликами-шепотом, чтобы никому не мешать. Часто Якир отрывался от своего чертежа, внимательно разглядывал мой и, заметив ошибку, тут же исправлял ее.

Об этих мелких подробностях я рассказываю только потому, что хочу подчеркнуть: Иона Эммануилович Якир с юношеских лет был внимателен и отзывчив и считал своей святой обязанностью помочь товарищу. Эти черты его характера полностью проявились позже, когда и химия, и студенческие заботы остались позади, а на смену им пришли другие, более важные, заботы и тревоги. И всегда - я знаю это от многих товарищей, работавших и сражавшихся рядом с Якиром, - он оставался таким же внимательным, отзывчивым, искренним и приветливым...

А пока мы еще учились на химическом факультете Харьковского технологического института. И студенты, и профессора любили Якира. Учился он отлично, химией увлекался по-настоящему и радовал преподавателей своими выдающимися способностями и глубокими знаниями. Студенты же видели в нем не просто сокурсника, а чуткого к любой просьбе друга, который ни в чем не откажет, во всем поможет.

В этом сугубо мирном, скромном, жизнерадостном юноше не было ничего похожего на военного. И уж, конечно, никто не мог и предполагать, что студент Иона Якир скоро станет одним из героев гражданской войны и талантливым военачальником. Не предполагала этого и я, хотя уже имела некоторый партийный опыт и «нюх» на людей, на которых можно положиться в революционной партийной работе.

Тогда Иона еще не знал, что я - член большевистской партии и работаю в Харьковской подпольной организации.

Придерживаясь нерушимых правил конспирации, я не спешила сообщить ему об этом. Но каждый наш разговор, каждая беседа убеждала в том, что в лице Якира я имею единомышленника, уже самостоятельно становящегося на правильную дорогу политической борьбы. Иона ненавидел самодержавие, угнетение, эксплуатацию, национальную рознь, зло отзывался о царском правительстве, гнавшем на войну миллионы рабочих и крестьян, и не раз бросал такие реплики: «Все это долго продолжаться не может... Скоро всему придет конец... Народ не будет молчать и заговорит...»

В общем, политических разногласий у нас не было, и я понимала, что этот милый юноша-студент скоро пополнит наши большевистские ряды.

Так оно и случилось.

Поражение царской армии на фронте, острая разруха в стране, нехватка самых необходимых продовольственных товаров, удлинение рабочего дня и обесценение денег вызывали непрерывный рост недовольства и войной, и правительством, и самодержавием. Вновь, как и в 1905 году, высоко взметнулась по всей России мощная волна забастовок. Не оказался в стороне и Харьков. В 1916 году рабочие паровозостроительного завода, например, бастовали семь раз, рабочие завода Гельферих-Саде - три раза, волнения и забастовки вспыхивали и на других предприятиях. Все требовали остановить надвигавшийся голод и прекратить войну. Экономические требования перерастали в политические.

Во главе нарастающего революционного движения стояли большевики. Они развернули напряженную, полную опасностей работу не только на предприятиях, но и в воинских частях. Были подготовлены и изданы антивоенные листовки, призывавшие солдат не подчиняться офицерам и не проливать кровь ради прихотей и прибылей буржуазии. Члены подпольных большевистских организаций распространяли листовки в частях харьковского гарнизона, и каждая такая листовка делала свое дело - усиливала недовольство царизмом и империалистической

войной.

Постепенно росли революционные настроения и среди харьковского студенчества. После лекций в аудиториях и коридорах разгорались горячие, страстные споры, возникали стихийные митинги. Сынки богатеев или слабонервные и трусливые поспешно ретировались, но большинство не расходилось, так как считало положение в стране невыносимым, и требовало от властей покончить с войной.

Конечно, все это было опасно: везде шныряли шпики царской охранки, по улицам расхаживали усиленные наряды полиции. Сведения о настроениях студенчества быстро дошли до администрации института и харьковского губернатора Бантыша, отличившегося своей жестокостью еще во время расстрела рабочих Ленских приисков. Тогда, в 1912 году, Бантыш был иркутским губернатором, а теперь применял свой «опыт» в Харькове. По его приказу всякие митинги и демонстрации разгонялись, забастовки подавлялись, а их участники арестовывались и отправлялись в тюрьмы и ссылку.

/Старый большевик, один из руководителей забастовочного движения на Ленских приисках в 1912 году М. И. Лебедев рассказывает, что в 1920 году, когда он был председателем Курской губернской чрезвычайной комиссии, Бантыш скрывался в одном из монастырей под личиной монаха Олейника. Он был опознан, арестован и расстрелян (См. М. И. Лебедев. Воспоминания о Ленских событиях 1912 года. Изд. 2. М., Соцэкгиз, 1962, стр. 273; «Литературная газета», 7 июля 1962 г., статья «Вот и довелось свидеться вновь»). - Ред./

Но студенты - народ молодой и горячий - не желали подчиняться царскому сатрапу Бантышу. Осенью 1916 года на Университетской горке состоялась многолюдная молодежная сходка. На этой сходке мы были вместе с Ионой Якиром, приехавшим в Харьков сдавать зачеты в институте.

Вот на возвышение взобрался какой-то студент и начал призывать своих товарищей бастовать в знак протеста против войны и подавления элементарных человеческих свобод. Его сменил другой оратор - в очках, в наброшенной на плечи тужурке... И вдруг - свистки, топот копыт, злобные окрики... Налетели конные стражники, посланные Бантышем, и стали хлестать нагайками и ножнами шашек участников сходки.

Студенты не остались в долгу. Они хватали стражников за стремена, стаскивали их с лошадей, отбивались камнями и палками... Иона Якир, взъерошенный, без фуражки, вместе со всеми дрался против полицейских и все время кричал мне:

- Берегись... Будь осторожна!..

Это было «боевое крещение» Ионы Эммануиловича Якира, первая схватка - не в бою, а в ожесточенной драке со стражниками.

На следующее утро студенты, протестуя против насилия и побоев, снова собрались на митинг в городском саду. Конечно, полиция не дремала: нас немедленно окружили городовые. Повторилась вчерашняя баталия. И опять Иона Якир выкрикивал оскорбления в лицо полицейскому офицеру, опять хватал что попадалось под руку и швырял в конных и пеших городовых. Во время этой свалки я видела, как дюжий стражник замахнулся и ножнами шашки ударил Иону по спине, но тот устоял на ногах и даже успел метнуть камень в своего противника.

Обеспокоенный губернатор приказал администрации Технологического института не выпускать студентов из аудиторий. Кроме того, он распорядился ускорить отправку в Чугуевское военное училище тех студентов, которые подлежали мобилизации. Но и тут мы доставили губернатору и полицмейстеру много хлопот: на Балашовском вокзале устроили шумные проводы, вернее - обструкцию, митинговали на привокзальной площади, а потом и на перроне.

Иона Якир уже чувствовал себя «бывалым» и вместе со студентом Сонкиным в нескольких местах прорывал полицейские заслоны и выступал с антивоенными речами. Удивляюсь, как нам удалось ускользнуть тогда от охранки и не попасть в тюрьму.

Революция неудержимо надвигалась. Волнения и забастовки не прекращались. «Техноложка» бурлила. Теперь я могла со спокойной совестью открыться Ионе и сообщить о своей принадлежности к большевистской организации.

Он взглянул на меня с изумлением, восхищением и, как мне показалось, даже с некоторой завистью.

- Так вот ты какая!

- А ты разве не такой?

- Такой... Но ты уже в партии, а я...

- И ты будешь с нами. Правда?

- Буду! Обязательно буду!..

Этот короткий сбивчивый разговор скрепил нашу дружбу.

- Так ты, наверное, много знаешь,- сказал Якир, несколько успокоившись.- Если доверяешь...

- Конечно доверяю,- перебила я и познакомила Якира с ленинской оценкой текущего момента и планом подготовки революции в России. Якир слушал очень внимательно, заинтересованно, иногда, желая лучше понять мысль Ленина, задавал вопросы. Я отвечала и объясняла как могла, а в заключение спросила:

- Помогать будешь?

- Еще бы!.. В любое время...

«Любое время» наступило 31 декабря, в канун нового - 1917 года. К этому времени Харьковский комитет большевиков выпустил листовку с призывом почтить память жертв расстрела 9 января 1905 года. Мне было поручено, как и другим подпольщикам, расклеивать эти листовки везде, где удастся. Моим помощником стал Иона Якир. В новогоднюю ночь, изображая влюбленную пару, мы бродили по городу и, улучив удобный момент, клеили листовки на стены, на заборы, на ограды парков.

Помню, мы почему-то оказались у собора на Николаевской площади. Поглядев на железную дверь, Иона лукаво спросил:

- Почтим служителей бога и церкви?

- Почтим! - согласилась я.

Якир очень ловко спиной прижал листовку к двери, будто оперся на нее, спасаясь от ветра. Мы постояли немного, незаметно оглядываясь по сторонам, а потом, весело играя в снежки, удалились на Пушкинскую улицу. Постовой городовой, закутанный в большой башлык, проводил нас хмурым взглядом и даже не окликнул: ведь в ночь под Новый год по улицам бродило немало людей...

Незадолго до Февральской революции Якир решил учиться стрелять из револьвера.

- Понимаешь, пригодится, - убеждал он меня. - Забастовки забастовками, но придет время браться за оружие.

Идея вооруженного восстания владела им целиком.

Мы добыли старый револьвер системы «Смит - Вессон» и часто уезжали на окраину Харькова, где и упражнялись в стрельбе. Целями служили то засохший пень, то заржавленная консервная банка, то клочки белой бумаги, прикрепленные к дереву. Стрельнув раз-другой, мы быстро перебирались на новое место, чтобы не обратить на себя внимания. Впрочем, как правило, ни прохожие, ни тем более полицейские там не появлялись.

И вот наконец свершилось!.. Февральская революция свергла самодержавие. Народ ликовал и митинговал.

Большевики Харькова вышли из подполья 3 марта 1917 года. Ранним утром состоялась грандиозная демонстрация рабочих, солдат, студентов и сочувственно настроенных жителей. Некоторые представители царской власти оказались под арестом, из тюрем вышли политические заключенные. В городе создавались милицейские вооруженные силы для поддержания порядка. В нашем Технологическом институте тоже была создана

боевая дружина, в которую вступили Иона Якир и его двоюродный брат.

Революция свершилась, а старые порядки мало изменились. Прикрепив красные банты и быстро перекрасившись в «революционеров» и демократов, заправилы города продолжали подавлять революционные выступления пролетариата и студенчества и на всех перекрестках кричали о большевистской опасности и гибели России.

Вот по улицам Харькова шагает большая колонна демонстрантов - студентов Технологического института. Впереди - боевая дружина. В ее рядах - Иона Якир. Над нами реет красное знамя. Мы поем «Варшавянку» и выкрикиваем большевистские лозунги.

На одной из улиц дорогу нам преграждает конный отряд жандармов с шашками наголо. Кажется, сейчас произойдет избиение или кровопролитие, как «в доброе старое время».

Иона незаметно пожимает мне пальцы. Это означает: спокойствие, выдержка!.. Надо избежать ненужного кровопролития.

Жандармы не решились наброситься на нас и расступились. Все обошлось благополучно.

Неутомимо работал Харьковский комитет большевиков. Его представители выступали на предприятиях, в учебных заведениях и воинских частях, агитировали за создание Совета рабочих и солдатских депутатов. К этому же призывала выпущенная большевиками листовка. В ней излагались основные требования нашей партии: мир, хлеб, земля, восьмичасовой рабочий день!..

Уже начались острые схватки с меньшевиками и контрреволюционными элементами. Обстановка требовала размежевания с буржуазией, немедленного прекращения империалистической войны и созыва Учредительного собрания. На разъяснение массам этих жизненно важных вопросов и были брошены все силы нашей большевистской организации. Хотя Иона Якир формально еще не состоял в партии, фактически он уже был ее активным бойцом.

Конечно, учение было заброшено. До него ли, когда с утра до поздней ночи приходилось митинговать, разносить листовки, дежурить в здании комитета! Якир не чурался любой, самой рядовой работы. Можно без преувеличения сказать, что не было в то время в Харькове ни одной студенческой сходки, на которой не выступал бы со страстной большевистской речью Иона Якир. Не было такой листовки, которую Якир не распространял бы среди трудящегося населения города. Не было такого поручения, от которого бы он отказался. Бывший студент Якир стал

революционным бойцом, солдатом и активистом партии и отдавался партийному делу целиком...

10 марта 1917 года вышел из печати первый номер газеты Харьковского комитета большевиков «Пролетарий». В «Пролетарии» перепечатывались материалы из «Правды», разъяснялись решения и программные установки Центрального Комитета партии, помещались статьи на важнейшие политические темы.

Иона Якир приложил очень много усилий для распространения нашей газеты и громкой читки ее на улицах. В те бурные дни подготовки к Октябрю на улицах часто собирались группы рабочих и солдат. Люди спорили до хрипоты, а иногда и до кулаков. В гуще спорящих неожиданно появлялся высокий студент со свежей большевистской газетой или листовкой и начинал читать ее вслух. Люди затихали, прислушивались. Воспользовавшись вниманием, Якир произносил речь, просто и понятно комментируя прочитанные статьи.

Бывало, что сюда же прибегали меньшевики и эсеры, призывавшие к безоговорочной поддержке Временного правительства. Якир вступал с ними в яростную схватку, защищая и отстаивая взгляды Ленина, установки большевистской партии. В этих схватках приходилось крепко разделывать и своих вчерашних «коллег» - студентов.

Время было трудное и горячее. Юные сынки богатых родителей, дрожавших за свои капиталы, хитрые кадеты, изображавшие из себя либералов и противников царского режима, изворотливые болтуны - меньшевики и эсеры сразу же после победы Февральской революции пытались «образумить» народ и затормозить революционное движение. Для этого им надо было вырвать массы из-под влияния большевиков и подчинить себе не только рабочих и солдат, но и студенчество. Поэтому меньшевики и их прихвостни направили свои усилия на то, чтобы наладить занятия в институте и тем самым оторвать студентов от участия в революционных событиях.

Даже больше, меньшевики, эсеры и кадеты призывали студентов идти в военные училища, так как, мол, теперь революция закончена, а России для разгрома немцев нужны технические и военные кадры.

Наша большевистская ячейка в институте разоблачала контрреволюционные замыслы буржуазии и реакционной части студенчества. В этой борьбе Иона Якир выступал как заправский партийный агитатор и пропагандист. Особенно энергично выступал он против отправки студентов в военные училища, доказывал, что сейчас надо бороться против войны, за социализм,

убеждал колеблющихся, уговаривал сомневающихся.

Нечего говорить и о том, что Иона Якир участвовал во всех демонстрациях трудящихся Харькова. Особенно запомнилась мне демонстрация в честь дня Парижской Коммуны. Стоял чудесный теплый день, солнце щедро освещало улицы, заполненные народом, на легком ветерке полыхали знамена, плакаты, транспаранты. У всех было приподнятое праздничное настроение.

Мы с Якиром шли в колонне большевиков и чувствовали себя участниками грандиозных исторических событий. Иона всю дорогу острил, отпускал колкие реплики по адресу наших политических противников. Его молодое открытое лицо выражало неподдельный восторг, и, казалось, он был по-настоящему счастлив...

Занятия в институте так и не начались, и многие студенты разъехались по домам. Одни - чтобы готовить пролетарскую революцию, другие - чтобы примкнуть к контрреволюции. Каждый в то время выбирал свой путь, свое место в жизни.

Я уехала в Богородск, бывшей Нижегородской губернии, а Иона Якир - на свою родину, в Кишинев.

В Харьков я вернулась в конце августа, уже после того, как Апрельские тезисы Ленина стали фактической программой действий для каждого, кто хотел и готов был бороться за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Случайно встретила Якира, который тоже приехал из Кишинева в Харьков по поручению фронтового отдела Румчерода. С гордостью и радостью он сообщил мне, что еще в апреле вступил в партию и получил партбилет. Я тепло поздравила его, так как в какой-то степени считала его своим «крестником».

Иона познакомил меня и со своей невестой Саей, как он называл ее. Сая произвела на меня впечатление умной, жизнерадостной девушки, которая относилась к жениху с трогательным вниманием и нежностью.

- Чем же ты занимаешься? - спросила я Якира.- Наверно, весь Кишинев перевернул вверх ногами?..

Иона заразительно рассмеялся, а потом рассказал, что усиленно агитирует рабочих и солдат Кишинева за большевистский список по выборам в Учредительное собрание и вообще делает все, что требуется от большевика. И тут же, хохоча, показал мне остроумный призыв: «Не отдадим ни одного голоса дедушкам и бабушкам революции». Эти слова были направлены против престарелой правой эсерки Брешко-Брешковской и ее единомышленника Чайковского, выступавших против Ленина и поддерживавших Временное правительство.

Через несколько дней я опять уехала в Богородск и много лет не видела Иону Эммануиловича Якира. И только в 1934 году встретилась с ним на XVII съезде нашей партии. Мы искренне обрадовались встрече и после одного из заседаний долго гуляли по Моховой улице Москвы.

Говорили о жизни, о семьях, с делах партии и страны и, конечно же, вспоминали нашу юность, студенческую дружбу. Как быстро пролетели годы и годы!.. Как изменились и выросли люди, как изменились мы сами... Иона Эммануилович окреп, возмужал и в своей военной форме выглядел еще более стройным и подтянутым. Правда, мне он показался очень усталым, но на эту тему ему говорить не хотелось.

- Дела, дела! - отмахнулся Якир и чуть прикрыл веками глаза.

Это была наша последняя встреча

МЫ ПОМНИМ ЯКИРА. Ся Ю-Шань

1916 год... Надеясь избавиться от голода и нищеты, я покинул свою родину и вместе с тысячами таких же китайцев-бедняков в поисках заработка приехал в царскую Россию.

Мне было тогда двадцать один год. Много времени прошло с тех пор, многое забыто, но есть такое, чего не забудешь никогда.

Через два года мощный революционный поток захватил и увлек всех нас. Мы, китайские рабочие, с оружием в руках стали под Красное знамя Великого Октября. Плечом к плечу с нашими братьями - русскими рабочими и крестьянами дрались мы с общим врагом - белогвардейцами и интервентами.

Китайский батальон, в котором я служил, был создан в 1918 году в городе Тирасполе. Нас, китайских бойцов, было около тысячи человек, и, конечно, имена всех боевых товарищей запомнить невозможно. Помню только вот кого: командира батальона товарища Сун Фу-яна (затем небольшой период времени батальоном командовал Пау Ти-сан), командира взвода Ли Лу, переводчика Ян Сана и товарищей Ху До-яна, Син Ди-тана, Чу Ху-лана, Ян До-лина, Су Шина, Чин Го-нана, Ван Дин-бана, Ван Фан-цея, Ти Хо-тина, Лю Сун-дуна, Ян Зу-шаня, Ли Шаня, Ли Бина, Е Чжи-цуна, Тин Лана.

После успешных боев, проведенных с различными бандами, наш батальон влился в состав 397-го полка 45-й дивизии, которая в то время стояла под Одессой. 2-й бригадой этой дивизии командовал Г. И. Котовский. Часто на марше конники Котовского, обгоняя нас, подбадривали дружеским, веселым возгласом: «Ваня, вперед!»

Начальником 45-й дивизии был И. Э. Якир.

При наступлении наша дивизия вошла в город Александровск. Когда мы, пять человек, пошли на отдых в один дом, то совершенно неожиданно встретили там вооруженных людей. И каково же было наше удивление, когда выяснилось, что это махновцы!

Такая встреча нам, конечно, не понравилась, и мы насторожились. А вскоре на станцию прибыл штаб-вагон 13-й армии, в котором приехал член Реввоенсовета товарищ Орджоникидзе.

На городской площади был организован митинг, на котором выступили с речами представители советского командования и представители махновцев. Орджоникидзе и Якир призвали махновцев порвать со своим прошлым и вступить в ряды защитников власти Советов.

Эти призывы пришлись не по вкусу Махно, и он стал призывать свою банду не слушать комиссаров и оказать сопротивление. Настроение накалялось, и митинг мог превратиться в вооруженное столкновение. Тогда наши части, в том числе и китайский батальон, окружили банду и разоружили ее, но при этом сам «батько» удрал.

Своими решительными действиями, смелостью и преданностью делу революции наш батальон заслужил похвалу начдива. И вот однажды, уже после разоружения махновцев, на одном из привалов в расположение нашего батальона в сопровождении командиров пришел товарищ Якир.

Внимательно глядя в лица китайских бойцов, начдив спрашивал нас о самочувствии, настроении, питании. Подоспевший переводчик товарищ Ян Сан помог объясниться, и разговор стал более оживленным.

К концу беседы начдив обратился и ко мне:

- По родине скучаете?

Я сразу ответил:

- Сильно скучать некогда, надо хорошенько бить контру, - и, энергично махнув рукой в сторону врага, добавил, стараясь говорить чисто по-русски: - Нужно, надо прямо туды.

Эта неожиданная в устах китайца фраза вызвала у многих улыбки на лицах.

Попрощавшись и уже уходя, начдив что-то сказал командирам. Как мне потом передали, товарищ Якир сказал:

- Плохо знают китайские товарищи русский язык, но отлично знают, за что бьются с врагами и проливают кровь.

И действительно, мы знали, с кем и за что дрались.

В настоящее время я нахожусь на пенсии после сорока лет трудовой деятельности. Из них девятнадцать я работал в системе «Союзгосцирка». Как и я, в жанре китайского циркового искусства работают на эстраде мой сын Юрий и внучка Тин Лана. Второй сын Юлан в настоящее время служит в рядах Советской Армии.

И я радуюсь великой русско-китайской дружбе и горжусь, что на заре Советской власти с оружием в руках защищал Страну Советов от ее врагов под командованием героя-полководца товарища Якира.

В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ. С. И. Аралов

Впервые об Ионе Эммануиловиче Якире я услыхал, когда на Украине, как в бурлящем котле, кипели классовые бои, страсти накалились до предела и Советской власти и лично Ленину приходилось принимать решительные меры для спасения завоеваний революции. Украинские части под напором вооруженных до зубов полчищ германских оккупантов покинули пределы «ридной маты Украины» и постепенно расформировывались. Но командный состав, уже прошедший, как правило, суровую боевую школу; вливался в ряды молодой Красной Армии. Лучшие бойцы и командиры - украинцы, русские, молдаване, евреи и другие выходцы с Украины героически сражались потом и под Царицыном, и на Восточном фронте, и с белоказаками на Дону, и с Юденичем под Петроградом - везде, где требовалось дать отпор силам контрреволюции и интервенции. Среди этих лучших и преданнейших воинов, уже нашедших свое место в строю революции и в рядах ленинской партии, был и Якир - 22-23-летний молодой человек, еще юноша, с горячим сердцем большевика и железной волей командира.

Вести о Якире дошли до меня так.

В ноябре 1918 года в районе Лиски - Коротояк - Острогожск завязались упорные бои с белоказаками. Против них дралась наша 8-я армия. Особенно стойко сражалась 12-я дивизия, в которой все время находился член Реввоенсовета 8-й армии товарищ Якир. Его выдержка и воля, его беспримерная личная храбрость вызывали уважение и восхищение всех бойцов и командования дивизии. Якир твердо, что называется железной рукой, наводил порядок в частях, воодушевлял красноармейцев пламенным большевистским словом, а когда нужно было, поднимал бойцов в атаки и сам шел впереди. В этих трудных и кровопролитных боях Иона Эммануилович, больной, еле державшийся на ногах, был ранен, но из строя не ушел и продолжал руководить боями.

Как раз к этому времени был учрежден статут ордена боевого Красного Знамени, и командование 12-й дивизии представило в Реввоенсовет ходатайство о награждении товарища Якира орденом. Достаточно прочитать текст представления, краткий, лаконичный (тогда не было времени писать длинные бумаги и все сообщалось почти телеграфным языком), чтобы убедиться, что Якир действительно совершил подвиг, а точнее - несколько подвигов. Помню, все члены Реввоенсовета единогласно высказались за награждение Ионы Эммануиловича. Вскоре ему

был вручен орден под номером 2.

А примерно год спустя мне уже пришлось встретиться с Якиром лично.

После VIII съезда партии, принявшего по предложению Ленина директивы по вопросам военного строительства, я, как член Реввоенсовета Республики, был направлен на Украину с поручением помочь формированию из украинских соединений регулярных армий - 12-й и 14-й.

Приехал я в Киев и сразу же убедился, что дело обстоит не так-то просто. Социального состава украинских частей мы не знали или знали его плохо, точной дислокацией частей не располагали. А иные командиры, на которых мы надеялись, заняли, мягко выражаясь, странную позицию. Например, в ответ на нашу телеграмму с указанием переформировать 3-ю Украинскую армию в 45-ю стрелковую дивизию Красной Армии поступил такой краткий, но весьма выразительный «меморандум»: «Бывшим генералам не подчинялся и подчиняться не буду. Командарм-3 Худяков».

Уклончивый, а по существу такой же недоброжелательный ответ поступил и от Щорса из Житомира.

Дело в том, что командующим 12-й армией был назначен бывший царский генерал Семенов. Это назначение состоялось с ведома и согласия Владимира Ильича Ленина, знавшего Семенова как честного и преданного Советской власти человека. Не для всех такой шаг оказался понятным. Иные командиры демонстративно не желали подчиняться недавнему «золотопогонному» генералу.

Но мы твердо выполняли указания Ленина и добивались своего. Семенов принял командование армией. Затонский, Сафонов и я были назначены членами Реввоенсовета, На коротком совещании решили, что я выеду в Одессу, где должна была формироваться 45-я дивизия, и ознакомлюсь с обстановкой на месте.

Представьте себе прифронтовую Одессу времен гражданской войны - шумный многонациональный портовый город, залитый нестерпимо ярким солнцем и заполненный толпами экспансивных жителей, спешащих, спорящих, жестикулирующих... Картину дополняли маршировавшие по всем улицам разношерстно одетые вооруженные отряды, неизвестно кому подчиненные и куда идущие. От пестрых красок, шума и гама, от толчеи и неразберихи все перед глазами плясало и кружилось.

По случаю моего приезда - все-таки я был представителем высшего командования Красной Армии - на огромном Куликовом поле состоялся парад войск. Мне предоставили отличного

племенного коня, и так, с высоты кавалерийского седла, я наблюдал, как мимо проходили и проходили подразделения, старавшиеся даже в своих обносках блеснуть выправкой и молодцеватостью.

С парада я возвращался по центральной улице Одессы, кажется Дерибасовской. Ехал верхом все на том же коне, обдумывая план дальнейших действий. Из задумчивости меня вывел чей-то громкий возглас:

- Товарищ Аралов!.. Не проезжайте мимо... Заходите к нам...

Я поднял голову и увидел на балконе небольшого серого здания (возможно, это была гостиница) группу военных. Они приветливо махали руками и приглашали зайти.

Я спешился и невольно оглянулся: куда деть «казенное имущество» - коня? И тут опять чей-то веселый голос подсказал:

- Привязывайте коняку к воротам, за ней присмотрят. Привязав лошадь, я поднялся наверх. Меня окружили

молодые, загорелые, с обветренными приветливыми лица-ми командиры, а один из них, высокий, улыбчивый, в ладно сидевшей на худощавой фигуре гимнастерке, протянул руку и доложил:

- Товарищ Аралов, разрешите представиться - Якир. Вслед за ним представились Княгницкий, Гарькавый, Левензон, Гусарев и еще человек пятнадцать - фамилий их не запомнил.

- О вас уже давно слыхал,- сказал я Якиру, вспомнив о его подвигах в боях под Лисками и Коротояком. - Поздравляю с орденом.

Якир застенчиво и смущенно оглянулся на своих товарищей, но встретил одобрительные взгляды, как бы говорившие: ну чего ты, как юная девица, краснеешь... Ведь воевал по-настоящему!..

- Рад познакомиться с вами,- обратился я к командирам.- Но что вы все здесь делаете?

- О, такой вопрос весьма кстати,- ответил за всех Якир.- Представьте, мы - безработные.

- Как - безработные? Что-то не пойму.

- Сейчас поймете,- уверил меня Якир.- Видите ли, нас сюда прислали формировать правительство Бессарабии, но все это сейчас откладывается. Сами знаете, Деникин наступает, не унимается Петлюра. Заниматься созданием правительства некогда. И мы, не по своей вине, оказались безработными.

- Так что же вы хотите?

- Воевать!

Это слово Якир произнес твердо и категорично. И тут же с подкупающей искренностью предложил:

- Дайте нам, пожалуйста, какую-нибудь часть, а еще лучше

дивизию. Не беспокойтесь, сделаем ее первоклассной и боеспособной. Уверен, что товарищ Ленин ругать нас не будет.

Мы сели и разговорились. Оказалось, что большая группа товарищей по указанию Совета Народных Комиссаров прибыла сюда, на Украину, с заданием создавать и укреплять местные органы Советской власти и партийные организации. Но обстановка действительно сейчас требовала всех людей, тем более боевых командиров, направлять на фронт.

Несмотря на молодость и юношескую порывистость, Иона Эммануилович Якир произвел на меня очень хорошее впечатление. В каждом его слове и предложении проявлялись искренность и стремление не сидеть сложа руки, а действовать, работать, воевать. Я сразу проникся к нему симпатией, так как почувствовал в нем человека, безусловно преданного делу революции и Коммунистической партии. Говорил Якир спокойно, обдуманно, убедительно, и все участники беседы внимательно прислушивались к его мнению. Видимо, он пользовался у своих друзей уважением.

Признаться, эта неожиданная встреча даже обрадовала меня. Вот, подумалось, и есть у нас готовое командование 45-й дивизии. А то, что на эту дивизию намечали товарища Савицкого, ничего, ему можно дать другую должность.

- Что ж, ваше предложение вполне разумно,- сказал я.- Попытаюсь вашу просьбу выполнить. Как вы смотрите, товарищ Якир, если мы дадим вам сорок пятую дивизию?

- Лучше и не придумаешь. Давайте, не пожалеете. На том мы распрощались. Я сел в седло и поехал на узел связи. По прямому проводу связался с Киевом, пригласил командующего армией Семенова и предложил ему назначить Якира начальником 45-й дивизии, а вместе с ним командировать туда и несколько его товарищей. Семенов заколебался, сославшись на то, что уже послана телеграмма о назначении Савицкого, а Якиру предлагают дать 14-ю армию. Но я под впечатлением недавнего разговора с Якиром настаивал на своем.

В начале июля 1919 года Иона Эммануилович Якир был назначен начальником 45-й дивизии. Собственно, дивизии еще не существовало, но Якир очень быстро из разрозненных полупартизанских отрядов и частей создал вполне организованное и боеспособное соединение, которое впоследствии прославило себя на многих фронтах. Рядом с ним грудились его боевые соратники Гарькавый, Левензон и Княгницкий. Позже Княгннцкий принял командование 58-й дивизией.

К августу положение на Украине резко осложнилось.

Назревала опасность захвата ее вражескими войсками. Владимир Ильич, обеспокоенный угрожающим развитием событий, 9 августа направил Реввоенсовету 12-й армии и Украинскому правительству специальную директиву. Он настойчиво требовал приложить все силы для защиты юга Украины, так как дело идет о судьбе революции.

Ленинскую директиву обсуждали военные и партийные руководители Одессы, Херсона, Николаева и приняли решение создать Южную группу войск Красной Армии, которая должна была стать нашим щитом и мечом в этом районе. На должность командующего войсками группы выдвигался товарищ Якир, о чем Реввоенсовет 12-й армии получил срочную радиограмму. Якира мы все уже хорошо знали как великолепного организатора и боевого командира, поэтому Реввоенсовет его назначение немедленно одобрил, утвердив одновременно членами Реввоенсовета стойких, проверенных большевиков - Гамарника, Затонского и Картвелишвили.

Обстановка продолжала осложняться. В конце августа мы вынуждены были оставить Киев. Реввоенсовет 12-й армии перебазировался в Новозыбков. Но еще до этого, несколько ранее, связь с Южной группой, осуществлявшаяся исключительно по радио, прервалась. Мы успели только передать приказ войскам группы наносить противнику мощные концентрированные удары и во что бы то ни стало пробиваться на север, на соединение с остальными частями армии.

Все эти дни и ночи были заполнены тревогами и ожиданиями: авось от Якира дойдет до нас хоть какая-нибудь весточка. Но, к величайшему огорчению, вестей не было. Что происходит с Южной группой, как дерутся 45, 47 и 58-я дивизии, какие несут потери - мы ничего не знали. И все же верили, надеялись, что Якир не подведет и боевое задание выполнит.

Так в томительном ожидании прошло больше десяти суток. По нескольку раз в день мы «мучили» нашу радиостанцию, вызывали начальника радиослужбы и требовали от него установить связь с Якиром. Но тщетно! Якир молчал...

И вдруг, совершенно неожиданно, пришла радостная весть: начдив-44 Дубовой сообщил, что связь с Южной группой установлена. Мы, конечно, забросали Дубового вопросами, стремясь поскорее выяснить интересующие нас подробности, перепроверяли сообщение, уточняли, что именно передал Якир, в каком состоянии находятся части, где они сейчас... Иона Эммануилович, оказывается, все время пробивался с боями на север и просил разрешить ему двигаться к Житомиру, на соединение с 44-й дивизией.

Мы согласились, и теперь непрерывно любыми способами поддерживали связь с Южной группой и следили за ее героическим походом.

23-летний командующий группой Якир, с которым считались и которому беспрекословно подчинялись бывший контр-адмирал Немитц, опытный офицер Княгницкий и такие храбрецы, как Котовский, привел из Одессы и Николаева в район Киева три дивизии. Он вырвал их из, казалось бы, плотного и непроницаемого кольца противника, действовавшего очень активно. С Левобережья наступали отборные деникинские части, с запада рвались вперед петлюровцы и белополяки. А внутри этого небольшого и своеобразного «коридора» оперировали многочисленные банды - и конные, и пешие, и даже с артиллерией.

Иона Эммануилович Якир и члены Реввоенсовета Южной группы проявили в эти дни высокую дисциплинированность, инициативу и преданность делу революции. Например, Якир очень удачно занял позиции в тылу вражеских войск, отбросил их на запад и вместе с 44-й дивизией захватил Житомир. 20 суток продолжались непрерывные бои. Оперативно-тактический замысел командующего Южной группой был подкреплен смелой инициативой, большой партийно-политической работой среди бойцов и их массовым героизмом.

Вскоре Якир появился в штабе 12-й армии в Новозыбкове. Да как появился - прикатил на паровозе в сопровождении своих боевых друзей Гарькавого и Голубенко. Вошли они в штаб веселые, улыбающиеся, будто и не было за их плечами этого изумительного марша - трудного, кровопролитного, но победного!

Радость нашей встречи передать трудно. Мы обнимались, целовались, жали друг другу руки и с законной гордостью победителей подсчитывали: какими же силами теперь располагаем? В наши ряды вливалось несколько тысяч обстрелянных, закаленных бойцов.

Отвечая на паши нетерпеливые вопросы, Иона Эммануилович меньше всего говорил о пережитых трудностях, а больше всего - о результатах. Он выполнил задание Реввоенсовета, задание Ленина - и был по-настоящему счастлив. Худющий, почти черный от загара и походной пыли, он все время улыбался и спешил порадовать нас новыми и новыми подробностями.

- Люди!.. Золотой народ!.. Как дрались, как дрались!.. На одного колеблющегося или труса приходились тысячи героев. Если бы мог, каждого прижал бы к своему сердцу... Принимайте и подарки наши - продовольствие и трофеи. Противник нас и

кормит, и одевает, и вооружает. Ему, конечно, неохота, да ничего не попишешь...

Десять тысяч овец и большое количество крупного рогатого скота нам очень и очень пригодились, так как продовольственные запасы армии уже иссякали и мы сидели на голодном пайке.

Когда прошли первые минуты восторгов и расспросов, Якир, погасив улыбку, категорически заявил:

- Теперь мы пойдем на Киев.

- Не спешите, вам надо отдохнуть...

- Нет, нет, - перебил Якир. - Еще в походе, узнав, что деникинская сволочь захватила Киев, мы вынашивали мысль отбить его. Разрешите нам ударить... Уверен, что деникинцам не поздоровится.

Это предложение выглядело весьма соблазнительно, однако директива Главного командования Красной Армии обязывала нас отвести 45-ю дивизию в резерв. Как же поступить? Приказ есть приказ, к тому же дивизия действительно нуждалась в отдыхе и пополнении.

Мы связались с Москвой, с Главкомом, но получили подтверждение прежней директивы, о чем сообщили Якиру. Это его очень огорчило.

Будучи человеком дисциплинированным, Иона Эммануилович и не помышлял о том, чтобы не подчиниться приказу Главкома. Вместе с тем ему очень хотелось «ударить на Киев». Бойцы 45-й тоже были полны наступательного порыва, и призыв «Даешь Киев!» находил в частях горячий отклик.

- Как же мне убедить бойцов? - сокрушался Якир. - Честное слово, это почти невозможно.

Я понимал Якира, сочувствовал ему, но помочь ничем не мог. Под Петроградом в боях с Юденичем истекали кровью наши немногочисленные части и требовалось, приведя 45-ю в порядок, направить ее на помощь тем, кто дрался на севере.

- Хорошо, - сказал Якир и встал. - Приказ будет выполнен.

Он прошелся по комнате, поглаживая свою черноволосую голову ладонью, потом остановился передо мной и с обычной милой застенчивостью попросил:

- Семен Иванович, мы все сделаем, как приказывает Главком. Но разрешите, не нарушая сроков выполнения этого приказа, помочь нашим частям, наступающим на Киев. Поддержите нас, товарищ Аралов! Это будет такая неожиданность для Деникина, что его может кондрашка хватить.

Просьбу Якира мы удовлетворили. Лицо Ионы Эммануиловича засветилось, и он поспешил к своим друзьям передать: сначала «Даешь Киев!», а потом - под Петроград.

Свои части Якир быстро переформировал и привел в порядок. На усиление 58-й дивизии выделил отряды Княгницкого и Гуляницкого. Это был молниеносный рывок и столь же молниеносный удар. Деникинцам пришлось хоть на краткий срок, но «драпать» из города.

Сейчас нет нужды разбирать оперативную сторону, успехи и недостатки этого удара. Отмечу только, что задуманное удалось. Деникинцы почувствовали слабость своего тыла, а мы еще раз доказали не только генералу Деникину, а и всей международной буржуазии героизм и отвагу воинов Красной Армии.

Еще хочу отметить, что за блестящее осуществление похода Южной группы 45-й и 58-й дивизиям по решению Совета Труда и Обороны были вручены Почетные Революционные Знамена, а Якир, Федько, Немитц и другие командиры награждены орденами Красного Знамени. Владимир Ильич Ленин прислал приветствие участникам похода. Это приветствие зачитывалось в частях на митингах и вызвало непередаваемый энтузиазм и восторг бойцов. Ленинское поздравление они считали высшей боевой наградой. Нечего говорить о том, что Якир и члены Реввоенсовета чувствовали себя именинниками.

Вскоре 45-я дивизия погрузилась в эшелоны –уезжала на север, под Петроград, и теперь уже бойцы скандировали новый лозунг: «Добьем Юденича!»

Тепло, по-братски мы простились с Ионой Эммануиловичем Якиром. Я вглядывался в юношески восторженное лицо талантливого командира-самородка, в его по-прежнему улыбчивые глаза и думал про себя: «Нет, такой не подведет! Это - настоящий боец нашей партии!»

И не ошибся. Якир был верным сыном и пламенным бойцом партии и в годы гражданской войны, и в годы, когда, залечивая раны войны, Советская страна поднимала хозяйство и укрепляла свои, овеянные боевой славой Вооруженные силы. Большевик-ленинец, он на всех ответственных военных постах считал себя прежде всего представителем партии. Для нее он жил, для нее трудился, ей отдал весь жар своего сердца, всю силу своего ума и таланта.

АКАДЕМИЯ БОЕВ И ПОХОДОВ. Д. М. Коренблит

Уже четвертый год я, рядовой 56-го пехотного Житомирского полка, на фронте. В сырых, залитых водой и грязью окопах румынского фронта застает меня февральская революция. Измученные, проклинающие все и вся солдаты, товарищи по роте, выбирают меня в полковой комитет.

В Румынии мы были оторваны от бурных революционных событий, потрясавших Россию, правдивой информации не имели и питались всякими слухами через «солдатскую почту». Поэтому полковой комитет решил направить двух фронтовиков в тыл, в Москву, чтобы все самим поглядеть, обо всем узнать и привезти самую что ни на есть правду.

В необычной роли делегатов в Москву выехали я и поручик Рябов - молодой офицер выпуска военного времени, бывший инспектор народных училищ, революционно настроенный интеллигент.

В то время вся Россия была на колесах - все куда-то ехали, куда-то спешили, никаких графиков и расписаний не признавали и каждый поезд брали приступом. Пришлось и нам с боем влезать в вагон. Несколько раз толпа отшвыривала нас прочь, наконец мы влезли через окно и оказались в уборной, где до нас таким же способом устроились три летчика. Так мы стоя и доехали до Москвы.

На второй день пребывания в Москве я заболел сыпным тифом и поднялся на ноги только в августе. Рябов куда-то исчез, в свою часть возвратиться я не мог, так как фронт уже развалился и румынские генералы вместе с царскими генералами Щербачевым, Калединым и Сахаровым разоружили революционные войска. Все вокруг бурлило и кипело, и я решил податься в Кишинев. Здесь явился в Кишиневский Совет рабочих и солдатских депутатов и стал работать в военной секции исполкома.

В Кишиневе размещался фронтовой отдел Румчерода, то есть Совета рабочих и солдатских депутатов румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. В Румчероде работали А. Каменский - позже начальник штаба 134-й бригады 45-й дивизии, а затем и комбриг-134, П. Княгницкий - впоследствии командующий 9-й армией.

Фактически вся власть в Кишиневе принадлежала Совету, во главе которого после Октябрьской революции встали большевики и сочувствующие им беспартийные солдаты и рабочие. В состав

исполкома Совета входили: И. Гарькавый, Ф. Левензон, В. Гарский, А. Гринштейн, Зельвянский, а также солдаты Милешин, Кокарев, Гуровой, Рожков, Степанов, Годунов и председатель губернского Совета профсоюзов Рубинштейн. Позже к ним присоединился прибывший из 6-й армии румынского фронта Григорий Иванович Котовский.

Совет работал в очень трудных условиях. В Кишиневе и ближайших городах и местечках на складах хранились большие запасы виноградного вина, рядом возвышались здания спиртоводочных и коньячных заводов. Агентура боярской Румынии не без участия французской военной миссии, остававшейся еще в Кишиневе, провоцировала пьяные погромы и дебоши. Борьба с этими погромами отвлекала у Кишиневского Совета и преданных ему воинских частей много сил.

Беспорядки прежде всего вспыхнули в Кишиневе. Их ликвидацией занялись Якир, Котовский и Левензон. Они долго уговаривали пьяных громил не позорить революционную честь солдат, но страсти не утихали. Тогда Котовский с помощью солдат 16-й автороты и Заамурского полка начал вылавливать зачинщиков, связывать их и на автомашинах отправлять в милицию. Все удалось проделать без выстрелов и кровопролития. Утром комиссия по охране города - Гарькавый, Левензон и Котовский - вместе с начальником милиции А. И. Строевым судила погромщиков. Правда, это был своеобразный суд. Виновных увещевали, агитировали и, отобрав оружие, отпускали под честное слово.

Такие же погромы произошли в Ганчештах и Дубоссарах.

Помню, в Дубоссарах, посреди большой пьяной толпы солдат 3-го конногорного дивизиона, на каком-то возвышении стоял Иона Якир и призывал не слушаться подстрекателей и провокаторов, которые толкают солдат на то, чтобы в бочках с вином и спиртом утопить завоевания революции. Но шум, гул и выкрики заглушали его слова. Небольшая группа конногорцев пыталась успокоить толпу, и она стала затихать. Однако заводилы и горлопаны не смирились, начали пробиваться к месту, где стоял Якир, и толпа опять разбушевалась. Озверевших в пьяном угаре людей утихомирить не удалось. Однако Якир выиграл время. Пока он митинговал, Котовский организовал местную молодежь и вооружил ее, а старики похватали железные засовы, ломы, лопаты...

Почти всю ночь самооборона боролась с бродячими группами громил. Разгоряченный, потный, Якир старался поспеть всюду. Его слову повиновались, его распоряжения выполнялись, и уже тогда мне подумалось, что из этого высокого парня, не то

студента, не то учителя, выйдет толк.

В те дни так называемый «Сфатул цэрий» - краевой национальный совет, ставший прибежищем буржуазно-помещичьей интеллигенции и кулачества, и его директорат вели тайные переговоры о вводе в Бессарабию румынских воинских частей. Одна рота румынских солдат даже двинулась из Киева в Кишинев под видом «выздоравливающих», возвращающихся на родину, но на подходе к городу, на железнодорожных путях, была своевременно разоружена и отправлена дальше, в Румынию.

Большую тревогу вызывали подозрительные действия чванливых румынских генералов. Стало ясно, что в той сложной и противоречивой обстановке большевикам в Бессарабии не удержаться. Части старой царской армии были деморализованы и не могли служить опорой в борьбе с румынами. Еще меньше мы надеялись на молдавские и украинские национальные формирования. Поэтому военная секция Совета начала организованную демобилизацию. Вместе с тем во всех частях велась энергичная агитация за добровольное вступление в революционный отряд, создававшийся под командованием товарища Венедиктова. Вскоре в этот отряд вошли 5-й и 6-й Заамурские полки, одна батарея 14-й артбригады, мортирная батарея, 16-я авторота и автоброневой отряд. Но не было, к сожалению, пехоты.

Иона Якир сменил студенческую тужурку и фуражку на военное обмундирование и ничем не отличался от бывалых фронтовиков. Все свое время он проводил в воинских частях, выступал на митингах, горячо убеждал несознательных и колеблющихся... В общем, превратился в заправского большевистского агитатора. Кроме того, Якир на ходу тщательно изучал военное дело. Он часто бывал у пулеметчиков, и те наблюдали, как молодой большевик разбирал и собирал пулемет, стрелял по мишеням, упражнялся с винтовкой.

- Ты, кажись, студент, на кой ляд тебе вся эта музыка?- бросал кто-нибудь шутливую реплику, и Иона Эммануилович вполне серьезно отвечал:

- Был студент - и нет его. Революция!.. Теперь нужно самому знать военное дело и других учить. Иначе контрреволюция раздавит нас.

И он действительно не только учился, но и обучал рабочую роту во дворе бывшего дома губернатора, называвшегося теперь Дворцом Свободы.

В ноябре 1917 года началось наступление румынских интервентов на Бессарабию. Много недель на подступах к Кишиневу шли бои, и Якир не раз поднимал в атаки рабочую

роту. В жарких схватках, под пулеметным и артиллерийским огнем начал свой славный путь красноармеец, командир рабочей роты, будущий начдив-45 и командарм 1 ранга Иона Эммануилович Якир.

В перерывах между боями почти непрерывно заседал Кишиневский Совет. Важно было до конца разоблачить предательскую роль буржуазных националистов Молдавии, гнавших народ под ярмо румынских бояр. Мне запомнились пламенные речи Якира, Котовского, Гарькавого, Левензона. Все друзья Якира говорили по-русски, и только Котовский выступал на молдавском языке.

Когда стало известно, что румыны подтягивают к Кишиневу усиленную дивизию и предстоит неравная борьба с большими жертвами и без всяких шансов на успех, Кишиневский Совет совместно с Румчеродом решили оставить город, переправиться на левый берег Днестра, в Тирасполь, и там, накопив силы, продолжать борьбу против оккупантов.

В Тирасполе началось формирование трех пехотных приднестровских полков. В них стекались добровольцы из местных жителей. Позже матрос Околотин привел бронепоезд, подошел пехотный батальон. Кроме того, Якир сформировал из китайцев, работавших у румын и перебежавших на нашу сторону, китайский батальон и стал его командиром. Со своими бойцами он объяснялся с помощью одного из китайцев. Тот ходил в синей кофте, поверх которой крест-накрест натянул пулеметные ленты, и никогда не выпускал из рук винтовки. Имени или фамилии этого китайца никто не знал, а сам он называл себя исковерканным русским словом «Васика». Конечно, переводчик из него был никудышный, однако все приказания Якира понимал и быстро переводил своим товарищам.

Китайские бойцы очень быстро привязались к Ионе Эммануиловичу и старались заслужить его одобрение или похвалу. Караульную службу несли исправно, в бою проявляли стойкость, дрались храбро и на удивление спокойно. Своего командира они называли «Я-ки-ла» или «капитана».

Тираспольский отряд громко именовался Особой армией, хотя до армии - по количеству бойцов и вооружения - ему было очень далеко. Командовал отрядом Венедиктов, а при нем состоял Военный совет из выборных командиров частей. Штаб возглавляли Гарькавый и Левензон. Секретарями Военного совета назначили И. Рожкова и И. Якира. Кроме того, Якир работал в редакции отрядной газеты, писал заметки, статьи, зарисовки и подписывал их псевдонимом «Ионыч».

Военный совет отряда ставил перед собой задачу - освободить

Бессарабию от румынских оккупантов. Поэтому к официальному наименованию Особой армии обычно добавлялись слова: по борьбе с румынской олигархией. Смысл последнего мудреного слова бойцы не понимали, зато непримиримости и ненависти к боярской Румынии у всех хватало с избытком.

Однако освобождение Бессарабии было нелегким делом. Румыны накопили большие силы, имели мощную артиллерию, непрерывно обстреливали нас и наносили большие потери. Мы тоже не хотели оставаться в долгу. Темными ночами, когда все замирало и затихало и только кое-где вдалеке вспыхивали и гасли костры дозорных, группы храбрецов бесшумно переправлялись через Днестр, подползали к румынским заставам и внезапно и быстро уничтожали их. Такие вылазки заставляли румын нервничать и опасаться любого шороха и всплеска. А когда мы произвели два налета на город Бендеры, оккупанты поспешно отошли на 30-40 верст. Закрепиться на новых рубежах у нас не хватало сил, но румыны заметались в панике.

Румынское правительство вынуждено было обратиться к Совнаркому Одесской области с предложением заключить мир и вывести свои войска из Бессарабии. В начале марта 1918 года стороны подписали так называемый протокол об освобождении Бессарабии.

Казалось бы, теперь можно вздохнуть свободно. Однако на смену румынским оккупантам пришел новый враг - хорошо вооруженные и вышколенные части кайзера Вильгельма. Тираспольский отряд, оказавшись под ударом крупных сил немцев, вынужден был уходить из родных мест.

Отходили мы тремя колоннами. Правая и левая колонны вели бои с наседавшим противником, да и впереди действовали многочисленные банды анархистов. Приходилось выделять силы для разгона и уничтожения их. Отдых мы получили только в Мариуполе. Якир тогда на некоторое время выбыл из отряда - был ранен в бою, кажется, под Екатеринославом.

Вскоре из Мариуполя нас направили в Луганск, но немцы уже приближались к городу, и нам пришлось двигаться дальше - на Миллерово и через казацкие степи на Калач. На Дону верховодили казачьи генералы и офицеры. Когда после заключения Брестского мира поступил приказ о разоружении всех украинских отрядов, проходивших через российскую границу, белоказаки начали расправу с большевиками.

Одну из колонн вел командир Ставропольского полка товарищ Борисевич. В нее входил отряд Илларионова, китайский батальон Якира и артиллерийская батарея под командованием Рыкова. И Борисевич и Рыков - бывшие полковники царской

армии - оказались истинными патриотами, сроднились со своими солдатами и честно служили революции. Этого им не могли простить белогвардейцы.

На ночлег колонна остановилась в станицах, кажется, Мигулинской и Вешенской. Бойцы, утомленные длинными переходами и боями, разместились в хатах и сараях и заснули крепким сном. Ночь прошла тихо, мирно. Утром Борисевича вызвали в станичное правление и показали телеграмму из Москвы о разоружении. Борисевич отдал приказ по колонне сдать все оружие и двигаться дальше на Калач. Но как только бойцы сняли с себя винтовки, гранаты, пулеметы, внезапно выскочившие на конях казачьи сотни стали рубить безоружных красноармейцев. Борисевич, не успевший сдать револьвер, выстрелил в казачьего сотника, но тот снес ему голову шашкой. Такая же участь постигла и Рыкова. Многих наших бойцов порубили казаки, и лишь некоторым удалось спастись.

Так же предательски были убиты командующий отрядом Венедиктов и председатель ревтрибунала Меерсон, которые выехали из Богучара по приглашению казачьего начальства якобы для улаживания каких-то продовольственных дел.

И все же нам удалось сохранить основные силы. Заамурские полки и другие части Тираспольского отряда, шедшие на Богучар, миновали Дон и с оружием пробились к Калачу.

Припоминается еще одна встреча с казаками - мирная и довольно комическая.

Мы получили приглашение на съезд Советов Усть-Хоперского округа в станице Урюпинской. Военный совет выделил делегацию в составе Якира, Гарькавого, Гусарева и Левензона. С делегацией выехал и я.

Мы держались настороже и приняли меры предосторожности. На станции Калач под парами стоял бронепоезд, которым командовала миловидная, но по-военному подтянутая женщина - Марковецкая. Мы договорились, что бронепоезд подойдет к Урюпинской «для психологического воздействия».

В зале окружного Совета нас встретили сдержанно, но вежливо, и лишь старые казаки, с серьгой в одном ухе, поглядывали весьма недружелюбно. Мы делали вид, что ничего не замечаем и приемом очень довольны.

Все дальнейшее походило на театрализованное представление под руководством опытного и хитрого режиссера.

Сначала на возвышение, предназначенное для президиума, поднялись в полном церковном облачении поп с дьяконом и, размахивая кадилом, начали: «Господу богу помолимся!..» Церковная служба длилась минут двадцать. Потом поп произнес

«вступительную речь», призвав верующих с уважением относиться к новой власти. Говорил он густым, сочным басом, пересыпал свою речь церковными словечками, но вместе с тем старался произвести на нас впечатление своей лояльностью.

После «вступительной речи» поп запел... «Интернационал». Зал поддержал его. И лишь после этого съезд приступил к работе. Доклад и выступления были посвящены чисто местным казачьим делам, и мы, не теряя зря времени, собрались обратно в Калач.

Накануне дождило, небо заволокло тучами, а сейчас выдался яркий солнечный день, и все мы невольно повеселели. Душевная боль за погибших товарищей немного утихла, молодость брала свое, и, возвращаясь к себе, мы даже шутили и смеялись над процедурой открытия съезда с участием попа. Необычно хмурый и молчаливый, Якир тоже приободрился, смеялся и острил.

- О-хо-хо!.. Литургия с «Интернационалом» - смешнее комедии и не придумаешь. Хитры, черти, хотели задурить нам головы и произвести впечатление: мы, мол, за Советскую власть, - вслух рассуждал Иона Эммануилович. - Надо бы еще гак, - и, подражая басовитому голосу попа, он гнусаво забубнил:

Осенив себя крестным знамением,
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...

- Из тебя получился бы неплохой поп, - заметил Левензон. - Остается научиться махать кадилом.

- Кадило! - усмехнулся Якир. - Наше кадило - ручная граната.

В начале лета 1918 года бойцы Тираспольского отряда слились в части молодой Красной Армии. Илья Иванович Гарькавый был назначен военруком воронежского губернского военкомата, я - секретарем военкома, других товарищей направили в формировавшиеся дивизии. Иона Якир стал комиссаром Южного участка завесы на линии Поворино - Камышин. Здесь создавался фронт против наглевшей донской контрреволюции.

Китайский батальон пришлось доукомплектовать. Теперь им командовал бывший офицер сербской армии большевик Гойко Павлович. Это было образцовое по тому времени воинское подразделение и по дисциплине и по боеспособности. Любимец Якира - «Васика» чудом спасся от казацкой расправы и стал младшим командиром. По-русски он уже говорил сносно, во всяком случае, мы его понимали. Он много помогал Павловичу, но старался почаще встречаться со своим первым «капитаном» Якиром.

В Воронеже я вместе с двумя товарищами жил в гостинице «Бристоль». До выезда в Поворино Якир часто заходил ко мне.

Нас волновало тогда многое: лево-эсеровский мятеж в Москве, борьба с Колчаком и чехословацким корпусом, красновский мятеж на Дону, голодный паек в Воронеже, бесчинства банд и кулацкие восстания...

- Ничего, выстоим! - убежденно говорил Якир. - Выстоим и победим!

Помню, он, как бы отбрасывая прочь все тревоги и заботы, провел ладонью по волосам, расправил плечи и вышел на балкон.

- Смотри, смотри!.. - воскликнул он улыбаясь. Какая-то тетка, подобравши юбки, бежала по мостовой за вагоном конки, который тянула худющая лошаденка.

- Соловьев, останови! - кричала женщина.

Кучер Соловьев, неторопливо помахивая кнутом, «по требованию» остановил свой старый дребезжащий вагончик. Тетка влезла в конку, Соловьев флегматично дернул вожжами, а вслед ему уже несся новый возглас:

- Соловьев, останови!..

Усмешка неожиданно исчезла с лица Якира, он задумался и медленно проговорил:

- И это в век пара и электричества...-После минутной паузы он энергично тряхнул головой и добавил: - Скорее бы справиться с врагами. А нищету одолеем, и выйдет Россия на большую дорогу!

Светлый оптимизм и непоколебимая вера в будущее были характерны для Якира.

...В октябре 1918 года начались боевые действия против донской контрреволюции. Формировались 8-я и 9-я армии. В Воронеже появился П. Е. Княгницкий, наш старый знакомый, назначенный заместителем командующего 9-й армией. Все такой же энергичный, неугомонный, он разыскивал бессарабцев, соратников по Тираспольскому отряду. Ему очень хотелось служить вместе с Якиром.

Но Иону Эммануиловича назначили членом Реввоенсовета 8-й армии. Гарькавого, Левензона, Базарного, Шабалина и меня перевели в штаб 9-й армии.

Весной 1919 года Красная Армия освободила Украину от германских оккупантов; рассеялись потрепанные войска гетмана Скоропадского и «головного атамана» Петлюры. В Одессе началось формирование частей для освобождения Бессарабии. Одновременно подбирался кадр руководящих работников для налаживания советских порядков в Бессарабии. Реввоенсовет Республики прислал в Одессу многих бессарабцев. Из 8-й армии приехала группа командиров и политработников во главе с Якиром, из 9-й армии - Гарькавый, из 13-й - Левензон.

Однако общая обстановка на юге Украины сложилась так, что освобождение Бессарабии от румынской оккупации затянулось. Поднял антисоветский мятеж Григорьев, увлекший за собой части 6-й Украинской дивизии, которой он командовал. При поддержке панской Польши опять поднял голову Петлюра. Под Одессой стояла в боевой готовности французская эскадра. В небе проплывали черные силуэты английских самолетов. В тылу «гуляли» многочисленные кулацкие банды. Вспыхивали восстания немецких колонистов и сектантов-старообрядцев.

В этих условиях на базе формировавшейся Бессарабской дивизии и 5-й дивизии 3-й Украинской армии создавалась 45-я стрелковая дивизия под командованием И. Э. Якира. Создавалась она на ходу, в сущности, под огнем врага, и начальнику дивизии нужно было проявить много выдержки и мужества, чтобы выполнить задание Реввоенсовета Республики.

45-я дивизия действовала против Петлюры на сильно растянутом фронте и несла большие потери; много сил отвлекала борьба против контрреволюционных восстаний. Все части нуждались в пополнении. Лучшие бойцы из партизанских и красногвардейских отрядов уже ушли в Красную Армию. Но в Одессе еще оставались мелкие группы и крупные отряды, не признававшие дисциплины и власти и причинявшие одесскому ревкому много хлопот и неприятностей. С большими усилиями отправляли их на фронт. Конечно, воспитать их и дисциплинировать не было времени, и это грозило всякими эксцессами и дезертирством. Но другого выхода тоже не было.

Прибыл тогда из Одессы отряд Мишки Япончика. Крупный вор и аферист, совершавший дерзкие налеты на магазины и банки, Мишка Япончик (это его воровская кличка) собрал ораву своих единомышленников и стал изображать из себя сочувствующего Советской власти. Свой отряд он именовал полком. Все вагоны и теплушки этого «полка» были забиты мягкой мебелью, роялями и всякой рухлядью, именовавшейся трофеями. О происхождении этих «трофеев» догадаться было нетрудно.

«Полк» Мишки Япончика состоял из двух батальонов. Ревком влил в него третий батальон - студенческий, надеясь превратить отряд в советскую воинскую часть.

Иону Эммануиловича заботило одно: как справиться с этой разгульной вольницей? Посылать сразу на фронт - опасно. Заниматься воспитанием - нет времени... И все же Якир попытался сделать максимум возможного. Он поручил назначенному комиссаром полка Фельдману и командиру роты красных курсантов Ивану Базарному вывести людей из вагонов и

заняться обучением их.

Мишка Япончик, хоть и неохотно, но подчинился.

- Моя братва может и без всяких учителёв буржуйскую сволочь бить, - самоуверенно говорил он, наблюдая за усилиями Базарного и Фельдмана привести полк в надлежащий вид, И смачно, с одесским шиком сплюнув, отходил в сторону и постукивал плеткой по деревянной коробке маузера.

Через несколько дней обстановка на фронте настолько ухудшилась, что Якир вынужден был прекратить обучение полка при штабе дивизии и приказал Базарному подготовиться к отправке на передовую.

Полк выстроился на площади для смотра. Это было уморительное зрелище. Синие, голубые и красные галифе, лакированные сапоги и модные туфли, офицерские кителя и гражданские пиджаки, сюртуки, фуражки, кепки, папахи... Люди увешаны патронташами, пулеметными лентами, за поясами торчат кинжалы, на портупеях болтаются шашки, ниже колен свисают револьверы... Пестрая толпа ухмыляется, переговаривается, гремит оружием...

Иона Эммануилович вышел на середину и в краткой речи объяснил положение на фронте. Понимая, кто стоит перед ним, Якир закончил речь суровым предупреждением:

- На фронте существует жесткий закон: нещадно бить врага, выручать товарищей справа и слева, а в труса, если он побежит назад, стрелять, не жалея на него пули. Помните это и постарайтесь оправдать доверие командования Красной Армии.

Но, как потом оказалось, при первом же натиске петлюровцев это пополнение панически бежало. И Якиру пришлось принимать решительные меры, чтобы ликвидировать прорыв.

Возникла опасность образования в тылу 45-й дивизии бандитской шайки. Надо было изолировать от «храброго воинства» Мишку Япончика. Якир решил выдать Япончику бумаги о том, что «полк» направляется в штаб армии для получения нового назначения, в пути Япончика арестовать, батальоны разоружить.

Я подготовил необходимые бумаги, выдал их Япончику и сообщил, что для поездки ему предоставляется отдельный вагон.

Якир принял Мишку Япончика вместе с военкомом Фельдманом и, казалось, во время беседы рассеял возможные подозрения. Хитрый и изворотливый «атаман» сделал вид, что всему верит, а на станции Вознесенск, где поезд долго ожидал отправления, Япончик попытался скрыться и был убит.

В августе 1919 года в Одессе под прикрытием англо-французского флота высадился десант деникинцев. Махновцы

захватили узловую станцию Помошная. Три наши дивизии-45-я, 58-я и остатки 47-й - попали в окружение и потеряли связь с 12-й армией. Последний полученный нами по радио приказ Реввоенсовета армии гласил: из окруженных дивизий создать Южную группу войск и командование возложить на И. Э. Якира. Членами Реввоенсовета назначались Я. Б. Гамарник, В. П. Затонский и Л. И. Картвелишвили. Штаб группы войск возглавил бывший контр-адмирал, перешедший на сторону революции, А. В. Немитц. Начальником 45-й дивизии временно стал боевой друг Якира - Гарькавый.

Не буду подробно излагать оперативную обстановку того времени. Скажу только, что попытка удержаться на юге Украины грозила войскам Южной группы не только неисчислимыми потерями, но и полной гибелью. И Якир, поддержанный членами Реввоенсовета, принял смелое, единственно правильное решение - вырваться из вражеского кольца, пробиться на север и соединиться с войсками Южного фронта.

Вновь, как полтора года назад при отходе из Бессарабии, приходилось взывать к революционному сознанию бойцов, убеждать их в необходимости временно оставить родные места, требовать организованности, дисциплины и напряжения всех сил. Пламенное большевистское слово, обращенное к людям, испытавшим горечь временных поражений, буквально преображало их, вызывало бодрость и веру в свои силы, в своих командиров. Авторитет командующего Якира, появлявшегося днем и ночью в самых трудных и опасных местах, стал непререкаем.

Вся живая сила 45-й дивизии была поставлена в строй. Люди даже из тыловых служб получили винтовки. По пути к нам присоединялись небольшие гарнизоны, партийные и советские работники, многие железнодорожники.

Первая задача, поставленная командованием Южной группы перед 45-й дивизией, сводилась к тому, чтобы нанести противнику решительный удар в тыл - между Фастовом и Переяславлем и затем двигаться на Житомир.

В погожий сентябрьский день мы выступили из Балты. Теплая мягкая осень окрасила деревья в желтые и красные цвета; на небе - ни облачка.

3 и 4 сентября 133-я и 144-я бригады 45-й дивизии вели жестокие бои с петлюровскими «куренями» в районе станции Попелюхи. Несколько раз станция переходила из рук в руки, петлюровцы отчаянно сопротивлялись, но в конце концов победа осталась за нами. Выиграв этот бой, мы открыли путь дальнейшему движению остальных частей дивизии.

Через два дня, 6 сентября, левая колонна дивизии опрокинула противника на подходе к Бершади и, обманув петлюровское командование, двинулась на юг, переправилась через Буг и благополучно вышла из-под удара. Этот сложный и смелый маневр дал нам возможность сохранить живую силу и боеспособность частей.

Боевой марш Южной группы под командованием Якира продолжался безостановочно. Рассеивая и уничтожая противника, войска группы - и 45-я дивизия в ее составе - двигались на север, не зная точно, где находятся войска, с которыми предстояло соединиться. На каждой стоянке Якир и Гарькавый долго и безрезультатно бились у маленькой полевой радиостанции, и только в середине сентября им удалось наконец установить радиосвязь с 44-й дивизией.

В эти дни, когда все радовались и ликовали, наша 135-я бригада снова атаковала противника в районе станции Бровки - Попельня и после ожесточенного боя захватила 600 пленных и неплохие трофеи - 7 орудий, 14 пулеметов, много, военного имущества. Петлюровцы поспешно отходили к Казатину и Житомиру. А наши силы удвоились, так как части 44-й дивизии заняли Радомысль и пробивались нам навстречу к Житомиру. Одновременно к городу подошла резервная колонна под командованием Котовского и вместе с 135-й бригадой с ходу овладела им.

Войска Южной группы вырвались из кольца окружения и соединились с частями 44-й дивизии.

Вскоре 58-я дивизия совместно с 44-й дивизией и при поддержке части сил 45-й стремительным ударом захватила Киев. Положение петлюровцев и деникинцев стало критическим.

За этот героический поход И. Э. Якир, А. В. Немитц, И. Ф. Федько (начдив-58) были награждены орденом Красного Знамени; славные 45-я и 58-я дивизии удостоены Почетного Революционного Красного Знамени; командиры и красноармейцы получили денежные награды. Кроме того, Реввоенсовет Южной группы особо отличившихся бойцов наградил золотыми часами с надписью «Красному Герою».

В частях 45-й дивизии было много бессарабцев и украинцев. «Поход окончен, теперь можно и по домам...» Такие голоса стали раздаваться чаще и чаще. Бойцы бригады Котовского рвались освобождать Бессарабию. Пришлось потратить немало усилий, чтобы красноармейцы поняли: войска должны находиться там, где требуют интересы революции. И все же многие с неохотой и грустью ехали в Вязьму и Рославль, где дивизия - ею опять стал командовать И. Э. Якир - должна была пополниться людьми и

вооружением, всем необходимым для будущих боев.

Осень девятнадцатого года была особенно тяжелой. Хозяйственная разруха довела страну до крайнего истощения. Командование дивизии столкнулось с большими трудностями: где взять продовольствие, фураж, обмундирование? Люди раздеты, разуты, начались простудные заболевания, вспыхнула эпидемия тифа. Госпитали не успевали справляться с больными, прибывавшими десятками, сотнями... В эти дни Якир, командиры и политработники трудились до изнеможения: заботились о лечении больных и возвращении их в строй, пополняли части, занимались их обучением и политическим воспитанием.

В разгар этой работы 45-ю дивизию срочно перебросили под Петроград, чтобы помочь 7-й армии добить Юденича.

Против Юденича действовала 135-я бригада нашей дивизии, а остальные части продолжали пополняться в Детском селе (ныне город Пушкин) и заниматься боевой подготовкой. Здесь я заболел тифом, и меня в тяжелом состоянии отправили в город Глухов.

В начале 1920 года войска Южного фронта успешно громили белогвардейские войска Деникина. 45-я дивизия вместе с кавалеристами Котовского дралась под Одессой и Тирасполем, била отборные деникинские дивизии Стесселя, Мамонтова, Мартынова, захватила много орудий, обозов и бронепоездов.

Но вот панская Польша начала новый поход против Советской страны. Войска белополяков вторглись на Украину. 45-й дивизии, измотанной в боях с деникинцами, пришлось сразу же, без передышки идти навстречу новому противнику в район Проскурова и Деражни. Да надо были еще ликвидировать бандитские шайки Тютюника в районе Балты и Ананьева. Выбитые из этих районов, они ушли в пределы Подольской губернии, там рассеялись и укрывались в лесах и болотах.

В нашем тылу, между Одессой и Винницей, находились части галицийского корпуса. Во время похода Южной группы галичане вместе с петлюровцами воевали против нас. Потом они откололись от петлюровцев, но остались на юге, в тылу деникинских войск, а после изгнания Деникина застряли в нашем тылу. Галичане внешне держались лояльно, начали переговоры с нашим командованием и даже участвовали в ликвидации банд Тютюника.

Реввоенсовет 12-й армии договорился с галичанами, чтобы они приняли участие в действиях против панской Польши. Нашей дивизии была придана одна галицийская бригада, сохранившая свою внутреннюю организацию и свой командный состав. Но очень скоро эта бригада изменила нам - перешла к белополякам, а разные «запасные» части и «команды выздоравливающих»

галичан стали нападать на наши тыловые учреждения.

Тем временем на Юго-Западном фронте развернулись кровопролитные бои с белополяками, которые захватили Киев и, перейдя на левый берег Днепра, стремились развить наступление на Екатеринослав. 21 мая из 45-й, 44-й дивизий и Днепровской военной флотилии была создана группа войск под командованием Якира. На фланге ее действовала бригада Котовского.

В результате внезапных и стремительных ударов Фастовская группа Якира отбросила белополяков юго-восточнее Белой Церкви. Белополяки яростно контратаковали, изматывая наши ослабевшие части. Иона Эммануилович все время находился в гуще боев. Он воодушевлял уставших й растерявшихся, ободрял бойцов и командиров, добивался дружного взаимодействия и сам вел людей в атаку.

Отмечу лишь некоторые моменты боевой деятельности Фастовской группы и 45-й дивизии.

9 июня 1920 года. Главные силы группы ворвались в Фастов и Романовку.

20 июня. 45-я дивизия вышла на линию Житомир-Бердичев.

27 июня. Наши войска переправились через реку Случь и вышли на рубеж Рогачев - Шепетовка.

28 июня. 45-я заняла Дубровку, в 35 километрах юго-западнее Новоград-Волынска.

1 и 2 июля. Упорные бои. Противник получил пополнение. Наша дивизия вынуждена оставить местечко Грицев.

4-8 июля. 45-я дивизия вместе с кавгруппой Осадчего помогла частям 14-й армии окружить и разгромить старо-константиновскую группу белополяков.

10 июля. Мы заняли город Острог.

11 июля. Части группы Якира совместно с конармейцами выбили противника из города Дубно. 135-я бригада ворвалась в Кременец, но вынуждена была отступить.

18 июля. Поляки засели в сильно укрепленном форте Тараканов, в 8 километрах юго-западнее Дубно. Сюда приехали Якир и Гарькавый и лично повели 134-ю бригаду на штурм форта.

21 июля. 135-я бригада 45-й дивизии совместно с кавбригадой Осадчего отбила Кременец. Якир лично руководит окончательным разгромом кременецкой группы противника.

С августа и до конца боев с белополяками Иона Эммануилович командует Золочевской группой войск, потом Львовской, а в ноябре опять повел свою 45-ю дивизию на окончательный разгром войск Петлюры и Врангеля. В этих боях Иона Эммануилович, уже дважды награжденный орденом

Красного Знамени, показал себя не только умелым военачальником, но и храбрым воином.

Сотни, тысячи километров прошла в гражданскую войну славная 45-я дивизия. В боях закалились многочисленные кадры бойцов, командиров и комиссаров, которых растил, берег, учил и водил на врага любимый начдив-45 Иона Эммануилович Якир. Вспоминая бои и походы, вижу перед собой высокого, худощавого, всегда подтянутого и неугомонного Якира. И с болью думаю о том, что его уже давно нет среди нас.

ДЛЯ ЭТОГО НАДО БЫТЬ БОЛЬШЕВИКОМ. В. В. Попов

В XXXIV Ленинском сборнике есть такой документ 1919 года:

«Совет Рабоче-Крестьянской Обороны в заседании от 1 октября с. г. постановил:

1. Наградить славные 45 и 58 дивизии за геройский переход на соединение с частями XII армии почетными знаменами революции.

2. Выдать всей группе за этот переход как комсоставу, так и всем красноармейцам, денежную награду в размере месячного оклада содержания.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны

В. Ульянов (Ленин)».

В этом постановлении идет речь о знаменитом переходе Южной группы войск из района Бирзула (г. Котовск)- Голта (г. Первомайск) на соединение с войсками 12-й армии в район Киев - Житомир. Почти все те, кто сыграл тогда выдающуюся роль в этом действительно героическом походе, в годы культа Сталина были зачислены во «враги народа» и пали жертвами чудовищного произвола. Был уничтожен весь Реввоенсовет Южной группы: И. Э. Якир, Я. Б. Гамарник, В. П. Затонский, Л. И. Картвелишвили, а также многие замечательные командиры - начальник 58-й дивизии И. Ф. Федько, исполнявший обязанности начдива-45 И. И. Гарькавый - и даже люди, занимавшие в то время более скромные должности, такие, как начальник оперативного отделения штаба 58-й дивизии С. П. Урицкий, комиссар бригады В. Е. Погребной. Иные, как комбриг -Л. А. Маслов, комиссары бригад М. К. Губанов и А. С. Турецкий, начальники оперативных отделений штабов бригад И. Ф. Скорик и Ф. И. Абраменко, командир бронепоезда А. П. Цупенко-Шапильский, либо оказались несправедливо опороченными и приговоренными к длительным срокам заключения, либо, как комбриг А. В. Мокроусов, затертыми и отрешенными от активной военной и общественной деятельности. Меня, бывшего тогда начальником штаба 58-й дивизии, тоже не обошла зловещая рука сталинского произвола.

Думаю, эти чудовищные расправы явились главной причиной того, что героический поход Южной группы, так высоко оцененный В. И. Лениным, был вычеркнут из нашей истории, и, кажется, последним добрым словом о нем была статья И. Ф. Федько и С. П. Урицкого в «Красной звезде» в декабре 1934 года.

Только после разоблачения культа Сталина можно стало опять называть этот поход тем именем, которое он заслужил, - героическим.

Чтобы яснее представить, в какой обстановке начинался поход, я должен коснуться предшествовавших ему событий.

После оставления Крыма под натиском деникинских войск наша Крымская армия, которой командовал П. Е. Дыбенко, была свернута в дивизию, сохранившую наименование Крымской. Поредевшие в боях части дивизии пополнились восставшими против гетманщины украинцами - партизанами Херсонщины и Таврии, среди которых были самые разношерстные по своим политическим убеждениям элементы, в значительной части зараженные влиянием махновщины. Чтобы превратить эту массу в дисциплинированный боевой организм, нужна была большая воспитательная работа. Но ожесточенная борьба не предоставляла времени для такой работы.

Состояла дивизия из трех штатных и четвертой нештатной бригад. Располагаясь по левому берегу Днепра, от Херсона до Александровска, и почти не имея связи с северными войсками, дивизия активной обороной прикрывала от вторжения деникинцев Херсонщину и Николаевщину, а противник, давя на ее левый фланг, пытался совсем отрезать нам путь на север. В начале июня 1919 года после упорных боев деникинцы заняли Екатеринослав, и левый фланг дивизии оказался обнаженным. Частью своих сил под командованием И. Ф. Федько дивизия выбила их из Екатеринослава и овладела городом, но лишь на несколько часов: в результате повторного наступления белые опять заняли Екатеринослав и сильно потеснили наши части. Тогда командование дивизии вынуждено было отказаться от обороны левого берега Днепра и отвести части на линию ст. Долинская - река Ингулец, опираясь правым флангом на Херсон. Тут П. Е. Дыбенко получил новое назначение, и командование дивизией перешло к его помощнику И. Ф. Федько, а сама она получила номер 58-й и была включена в состав 12-й армии.

Противник успешно развивал наступление от Екатеринослава в глубь Правобережной Украины - на Елисаветград-Знаменку - Николаев, а также вдоль побережья Черного моря-на Херсон - Николаев - Одессу. В первой половине июля деникинцы заняли Елисаветград, и это заставило нас оттянуть левый фланг и центр дивизии на линию Бобринец - Новый Буг, а нештатной бригаде Г. А. Кочергина была поставлена задача нанести удар из района Долинской в тыл елисаветградской группе противника. Но удар не получился. Непрерывное отступление, уход из родных мест, попытки командования укрепить дисциплину отрицательно

повлияли на малосознательных и нестойких бойцов, они поддались махновской агитации, процветавшей в Северной Таврии и на Херсонщине. В бригаде тов. Кочергина вспыхнуло махновское восстание, мятежники разгромили штаб бригады, арестовали командный состав и комиссаров. Помню, я попытался вызвать Кочергина к прямому проводу, чтобы передать ему приказ о намеченной перегруппировке, и получил из Долинской ответ: «Бригады Кочергина нет - она перешла в распоряжение главнокомандующего батьки Махно. Скоро доберемся до вас». С помощью оставшихся верными красноармейцев Кочергин бежал из-под ареста, вскоре были освобождены и остальные командиры, за исключением нескольких расстрелянных, но бригаду мы потеряли. А мятеж перекинулся в части, расположенные в районе Бобринец. Семь бронепоездов, команды которых были заражены махновщиной, прибыли в Николаев с намерением ликвидировать командование и штаб дивизии. Был критический момент, когда на митинге, организованном махновцами, мятежники уже арестовали начдива Федько и военкомдива Михеловича, но положение спас батальон связи дивизии: в образцовом порядке связисты, в большинстве московские рабочие - красногвардейцы, явились с оружием на митинг и разогнали мятежников.

Перешли к Махно и части, стоявшие в Бобринце. В общем, мы потеряли почти две бригады. Остальные же силы дивизии под новым натиском деникинцев после ожесточенных боев пришлось отвести от Херсона к Николаеву, а потом и на правый берег Южного Буга. В это время мы узнали по радио, что под Одессой англо-французская эскадра высадила белогвардейский десант, Одесса занята врагом, а оборонявшая ее 47-я дивизия разбита. Таким образом, получалось: с юга, юго-востока и востока напирают деникинцы, захватившие уже Одессу и Вознесенск; на северо-востоке, у Помошной, - махновские банды; на северо-западе, за Бирзулой и Крыжополем, - петлюровско-галицийские банды, от которых с трудом отбивается 45-я дивизия Якира; на юго-западе - мятежные немцы-колонисты, за ними белые румыны. Стоило еще деникинцам развить успех на Голту - и они отрезали бы нам путь на север, а мы оказались бы в плотном кольце врагов - без связи со штабом армии и какими-либо другими войсками (45-я дивизия находилась не в лучшем положении и вот-вот могла быть смята галицийскими корпусами). А позже наша радиостанция перехватила радиограмму генерала Драгомирова из Киева генералу Шиллингу в Одессу: «Киев - мать городов русских - взят доблестными войсками Добровольческой армии». После захвата Одессы в бугский фарватер вошел английский корабль и из тяжелых морских орудий начал обстреливать наши

позиции. Деникинцы заняли Николаев, и оставаться в заготовленной нам ловушке на правом берегу Южного Буга не имело никакого смысла - мы начали отходить на север, держа направление на Голту.

Вдруг из штаба 12-й армии получаем по радио приказ: из частей 45-й, 58-й и остатков 47-й дивизий создается Южная группа войск, командующим назначается тов. Якир. Иван Федорович Федько, узнав, что Якир со своим штабом в Бирзуле, выехал туда. Вернулся он вместе с членом Реввоенсовета группы Владимиром Петровичем Затонским. Затонский разъяснил нам, что группе поставлена задача вести борьбу в тылу противника, объединяя вокруг себя трудовой народ юга Украины. В случае же, если окажется, что противник может совершенно отрезать дивизии от северных войск и над ними нависнет угроза гибели, разрешалось отступать на север, оказывая упорное сопротивление и памятуя, что тем самым мы будем отвлекать силы белых с других участков фронта, где решается очень важная задача борьбы с деникинщиной.

В Голту к нам пришли остатки 47-й дивизии - всего 500-600 человек. Они влились в нашу дивизию и составили 1-ю бригаду (двухполкового состава). Такой же примерно по численности была и 2-я бригада (Л. А. Маслова). В самой же сильней нашей бригаде - 3-й, которой командовал бывший балтийский матрос А. В. Мокроусов, насчитывалось до 3 тысяч штыков. Положение осложнялось тем, что вместе с дивизией двигались обозы с тысячами беженцев - женщин, детей, стариков. Их нельзя было оставить на расправу деникинцам, и это очень затрудняло выполнение боевых задач. В обозах ехали и семьи многих бойцов и командиров. А беженцы уводили с собой и скот, да еще много коров и овец дивизия забрала в имении Фальцфейнов «Аскания-Нова», с одной стороны, чтобы они не достались белым, а с другой, чтобы обеспечить продовольствием части. Так что вместе с походными колоннами двигались многотысячные гурты скота, и их нужно было охранять от налетов всяких банд. И все это в глубоком тылу противника, на расстоянии 400-500 верст от ближайших советских войск, при все ухудшающейся оперативкой обстановке.

Прямо скажем, на плечи командующего группой И. Э. Якира была возложена задача не из легких, ответственность громадная. Приходилось решать очень сложные вопросы без каких-либо указаний сверху, самостоятельно, полагаясь на собственное разумение и на мнение Реввоенсовета группы. Как выйти, например, из такого противоречия: чтобы спасти дивизии, надо, не теряя времени, прорываться на север, выходить из вражеского

кольца, готового замкнуться, - а многие бойцы, вчерашние неорганизованные повстанцы, далекие и сегодня от понимания великих задач революционной войны, думают только о защите своих родных мест и легко поддаются агитации махновцев? А те внушают: большевики, мол, уводят вас неведомо куда, а вот батька Махно остается защищать ваши края, он и есть ваш настоящий радетель. Почва для такой агитации была тем более благоприятной, что Махно располагал довольно значительными по сравнению с нашими силами. На серьезность этой проблемы указывал урок мятежа в бригаде Кочергина. Провозгласи поход на север и, как знать, не потеряем ли еще бригаду, а может быть, и больше.

Реввоенсовет группы и лично товарищ Якир имели достаточно силы воли, чтобы пренебречь этими сомнениями и принять единственно разумное решение - пробиваться на север, полагаясь в остальном на революционно сознательный костяк 45-й и 58-й дивизий. В эти трудные дни своей непреклонностью и неустрашимо твердым духом все больший авторитет завоевывали И. Э. Якир, Я. Б. Гамарник, В. П. Затонский, Л. И. Картвелишвили, И. Ф. Федько, Н. В. Голубенко, А. В. Мокроусов и приглашенный Якиром на должность начальника штаба группы бывший контр-адмирал А. В. Немитц. Опираясь на пролетарское ядро обеих дивизий, и прежде всего на коммунистов, руководящий состав группы надеялся преодолеть все сопряженные с выполнением принятого решения трудности и опасности.

Штаб Южной группы разработал план прорыва на север, который заключался в следующем: учитывая, что войска наших противников привязаны к железным дорогам, двигаться походным порядком в промежуток между Балтой и Голтой; одна бригада 45-й дивизии, находящаяся в соприкосновении с войсками Петлюры, в течение еще двух дней должна драться с ними, создавая видимость, что мы имеем намерение пробиться на Вапнярку, и, когда главные силы группы достигнут Умани, эта бригада ночью отрывается от петлюровцев и составляет арьергард группы, следующей на удалении 30-35 верст от главных сил.

20 августа командующий Южной группой разослал в части приказ, в котором со всей прямотой говорилось о сложности обстановки. Якир указывал, что под натиском врага нам приходится отступать и идти на соединение с нашими братьями-красноармейцами, сражающимися под Киевом, и что враг, конечно, будет всеми силами препятствовать нашему движению, но наше дело правое, и, несмотря ни на какие жертвы и трудности, оно должно победить. «Вперед, герои! К победе, орлы!» - призывал командующий всех бойцов.

Вряд ли мы добились бы успеха, если бы сразу был объявлен этот категорический приказ. Но тут проявилось необыкновенное умение Якира зажигать массу революционной идеей. Было указано провести в частях митинги, поставить на обсуждение всех красноармейцев и командиров вопрос: как лучше поступить - прорываться ли на север, на соединение со своими братьями, или оставаться здесь, на юге, и партизанить, воюя за свои поля и хаты? Нужно было разъяснить красноармейцам все плюсы и минусы того и другого решения, нарисовать перспективу борьбы, вероятный ее исход. Этим и занялись комиссары и все коммунисты. Владимир Петрович Затонский, находившийся все время в нашей дивизии, энергично развернул разъяснительную работу: собирал коммунистов, командиров, сам выступал на митингах. И в результате вся масса бойцов приняла решение: идти на север - другого выхода нет. Тогда-то и был объявлен приказ командующего группой. Но он уже воспринимался как собственное решение каждого, как решение всей массы.

В довершение разъяснительной работы Реввоенсовет группы распространил в частях «Памятку бойца Южной группы», составленную тов. Гамарником. Она предупреждала о новых тяжелых испытаниях и боях по пути на север, призывала к выдержке и хладнокровию, будила у бойцов уверенность в конечной победе трудящихся над врагами, в окончательном освобождении родной Украины. Так был политически подготовлен поход Южной группы.

На меня, офицера старой армии, такой удивительно быстрый перелом в настроениях тысяч бойцов произвел неизгладимое впечатление. Ничего подобного в царской армии не могло произойти. Дивизию, в которой был возможен такой прецедент, как махновский мятеж, столь мало надежную после мятежа, неизбежно пришлось бы списать со счета как боевую силу - расформировать, а ее начальника отдать под суд за неумение держать в повиновении подчиненных. А тут мы все убедились, какими изумительными возможностями обладает революционная армия и ее командный состав. То, чего добились Якир и Федько, не под силу ни одному генералу старой армии - для этого надо быть поистине большевиком. И вот почему бывший студент Якир оказывался способным бить генералов, познавших всю премудрость военного дела в лучших академиях.

Дивизия выступила в поход: справа бригада Мокроусова, посредине - бригада Маслова с полком в авангарде, левее - остатки 47-й дивизии, а в 20 верстах за ними - штаб дивизии с арьергардом, составленным из разных команд. Левее двигалась 45-я дивизия под началом Гарькавого, при ней - штаб Южной

группы. Под Уманью обе дивизии должны были соединиться, вместе атаковать занимавшего город противника и, если будет возможно, погрузиться там в эшелоны, чтобы продолжать путь на Киев по железной дороге Христиновка - Казатин - Фастов, а не удастся, - пробиваться по шляхам дальше.

Были короткие стычки с петлюровцами, которые нисколько не задержали нашего движения. Предстоял серьезный бой с двумя петлюровскими дивизиями, занимавшими Умань и Христиновку. Но дело обернулось неожиданно очень удачно. Комбриг Мокроусов, рассчитывая, что местечко Голованевск уже занято нашим авангардом, влетел туда на автомобиле с начальником своего полевого штаба Рябовым и попал, что называется, прямо в лапы петлюровской комендатуры, но не растерялся, а, изобразив из себя деникинского полковника, арестовал весь комендантский наряд и узнал, что невдалеке, в селе Покотилове, стоит штаб петлюровской дивизии. Внезапным налетом одной роты этот штаб был захвачен в плен вместе со всеми документами и печатями. Целых два дня мы говорили по прямому проводу с частями Петлюры и, давая им ложные сведения и приказания, без особого труда выиграли операцию в районе Голованевска. Петлюровские войска, находившиеся в Умани и Христиновке, решили, что идет «несметная большевистская рать», и при первой нашей попытке обойти город дрогнули. Одна бригада Мокроусова, заняв Умань, обратила в бегство 5-ю и 12-ю петлюровские дивизии. Победа эта имела большое значение для укрепления морального духа красноармейской массы. Теперь уже ясно было, что дивизия обрела высокую боеспособность, и всякие сомнения в успехе поставленной перед нею задачи рассеялись. Всех охватил боевой энтузиазм.

Дав дивизии отдых в Умани, приведя части в порядок и пополнив добровольцами, главным образом молодежью, Федько через несколько дней повел ее на Фастов. О передвижении по железной дороге, конечно, речи не могло быть - дорога оказалась в руках противника. Так же успешно шла и 45-я дивизия, с которой мы поддерживали самую тесную связь.

4 сентября под местечком Тальное нас атаковал отряд деникинцев, но был отброшен с большими для него потерями. Взятые в плен белогвардейские офицеры дали интересные показания. Оказалось, петлюровский атаман Тютюник уже начал переговоры с командованием Добровольческой армии о совместных действиях против войск Южной группы. Удар нашей 3-й бригады на Тальное помешал объединению сил контрреволюции.

К 11 сентября передовые части Южной группы подошли к

Белой Церкви и Сквире. Казалось, что теперь мы выйдем из окружения. Но разведка установила, что Белая Церковь и Казатин заняты деникинцами, а севернее Казатина, у Попельни, - петлюровско-галицийские части. Таким образом, прорвав вражеское кольцо в районе Умани, войска Южной группы снова оказались в окружении. Обстановка усложнялась тем, что противник уже определил направление движения Южной группы и подготовился к встрече, стремясь не пропустить нас на север. В тот же день нам удалось связаться по радио со штабом 12-й армии. Командующий армией С. А. Меженинов приказал Южной группе наступать между Казатином и Фастовом на Житомир.

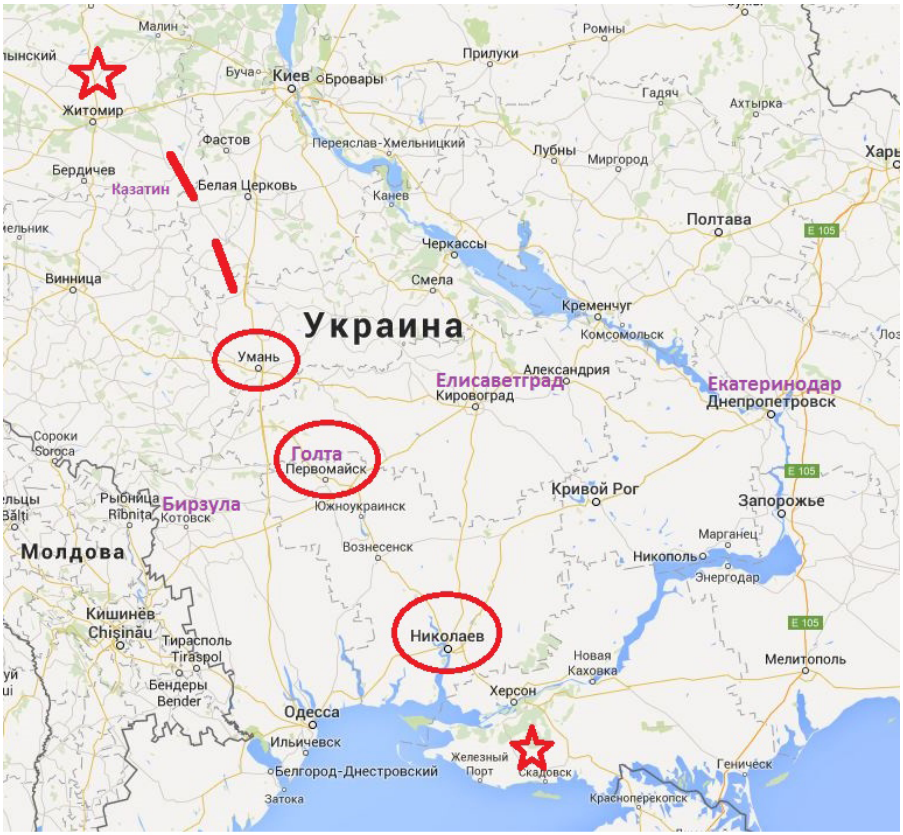
Наконец радиостанция 45-й дивизии приняла адресованный нам сигнал начальника 44-й дивизии И. Н. Дубового. Иона Эммануилович Якир вступил с ним в переговоры. Договорились вместе наступать на Житомир: мы с юга, 44-я с севера. Смяв петлюровский гарнизон Житомира, 45-я и 44-я дивизии с двух сторон ворвались в город. Одновременно 58-я заняла г. Радомысль. Кольцо вокруг Южной группы было прорвано, и мы соединились с северными войсками 12-й армии. Встреча с 44-й дивизией была непередаваемо радостной. В подарок 12-й армии, испытывавшей острый недостаток продовольствия, мы привели 15 тысяч овец и 7 тысяч быков, да еще привезли большое количество сахара и муки. Сахар мы забирали по пути на сахарных заводах. Во время нашего похода везде шла молотьба хлеба; выбивая из населенных пунктов петлюровские отряды, мы домолачивали хлеб, мололи его и забирали, чтоб не доставался петлюровцам. В числе наших трофеев было до 40 орудий и около 70 пулеметов.

20 сентября во всех ротах, эскадронах и батареях командиры зачитали приказ, которым Реввоенсовет Южной группы поздравил доблестные части 45, 58 и 47-й дивизий с окончанием героического похода. Реввоенсовет выражал уверенность в том, что воинские части, вписавшие свое имя этим славным походом в историю революционной войны и вышедшие из похода могучие духом и верой в победу, будут и впредь лучшими бойцами за Советскую власть и понесут вперед Красное знамя на страх врагам трудового народа. Приказ заканчивался словами: «Реввоенсовет Южной группы благодарит вас, товарищи, и зовет к новым славным боям, к новым победам!»

За время похода я наслышался от Ивана Федоровича Федько и других командиров о доблестях Ионы Эммануиловича Якира. Те распоряжения, которые мы получали от него, подтверждали эту характеристику, а когда войска Южной группы подошли к Киеву, в большом селе Кочерово, лежащем на Житомирском шоссе, я

познакомился с нашим командующим. Он произвел на меня впечатление умного и сердечного человека, требовательного и общительного командира. Это впечатление укрепилось еще более, когда я стал уже командиром 58-й Краснознаменной стрелковой дивизии, а затем начальником оперативно-разведывательного управления штаба Украинского военного округа. Часто встречаясь с ним в будни боевой учебы войск, я не мог не заметить и того, что И. Э. Якир, кроме всего сказанного, еще и талантливый воспитатель подчиненных.

Поход Южной группы, который с таким блеском провел Иона Эммануилович, был для меня, как и для многих других, большой школой служения своему народу в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Следующим классом этой школы была служба под руководством товарища Якира в Украинском военном округе. Но мне дорог Иона Эммануилович еще и потому, что в один из трудных моментов моей жизни он, скажу без преувеличения, спас меня. В 1930 году по абсурдному обвинению была арестована группа бывших офицеров, служивших в Украинском военном округе. В числе арестованных оказался и я. Знаю, что Иона Эммануилович специально ездил в Москву, рассеял вздорные обвинения, и мы получили свободу и полную реабилитацию. Правда, не все: несколько человек Якир не застал в живых - они уже тогда стали жертвами необоснованных репрессий. В период культа Сталина я во второй раз подвергся необоснованным репрессиям и пережил их с незапятнанной совестью, со скорбью о невинно погибших товарищах, о дорогом Ионе Эммануиловиче. Верю, что Коммунистическая партия и советский народ воздадут должное его памяти.



Иона Эммануилович Якир:
1919, 18 августа - Назначен командующим Южной группой войск 12-й армии в составе 45, 47 и 58-й стрелковых дивизий
1919, 28 августа - Начало легендарного похода Южной группы.
1919, 17 сентября - Занятие частями Южной группы совместно с 44-й стрелковой дивизией Житомира

ВСЕ МЫ С ВАМИ – КОММУНИСТЫ А. Е. Гандельсман

В 1922 году я работала в Киеве, в комиссии помощи голодающим и беспризорным детям. Возглавлял ее председатель губисполкома Ян Гамарник. Но так как товарищ Ян был занят множеством и других очень важных дел, фактически руководить работой комиссии приходилось мне, его заместителю.

В августе или сентябре 1922 года меня пригласили на заседание бюро губкома партии, где рассматривался вопрос о состоянии детской беспризорности. Когда я пришла в здание бывшей городской думы на Крещатике - там размещались губкомы партии, комсомола и губисполком - в зале заседаний скопилось много народу. Повестка была большой, и я, ожидая своей очереди, присматривалась к присутствующим, искала знакомые лица.

Меня поразило одно, странное на первый взгляд, обстоятельство: по многим абсолютно «гражданским» делам выступал высокий, черноволосый командир Красной Армии. Поражала страстность, искренность, убежденность его коротких, но содержательных речей.

Фамилию Якира я, конечно, слыхала и раньше - ведь он был начальником 45-й стрелковой дивизии, очень популярной в Киеве. Но лично его не знала и, помнится, подумала: странно, военный, а выступает, как заправский партийный работник.

Я наклонилась к сидевшему рядом товарищу и спросила:

- Кто это?

- Разве ты не знаешь? Якир!

И столько уважительности прозвучало в слове «Якир!», что мне стало даже неловко.

Наконец подошла и моя очередь докладывать. Видимо, доклад мой обеспокоил членов бюро губкома: детвора раздета, разута, беспризорники из детских домов разбегаются, да и там радости мало - нет продовольствия, топлива, одежды, не хватает воспитателей, зачастую верховодит «шпана» - разнузданная и развращенная, щеголяющая своими лохмотьями и не желающая подчиняться никаким увещеваниям, просьбам и приказам.

Все меня слушали, покачивали головой, о чем-то тихо переговаривались. Я и сама разволновалась.

После доклада слово попросил Якир. Прошло сорок лет, а я до сих пор отчетливо помню, с каким волнением, страстностью говорил он о нашей детворе, о бедах, свалившихся на нее в

результате гражданской войны и хозяйственной разрухи.

- Борьба с детской беспризорностью должна стать всенародным делом,- заявил Якир, обращаясь к членам бюро. Мы должны, обязаны добиться, чтобы ни один ребенок, попавший на улицу, не остался без внимания и заботы. Кто будет продолжать начатое нами дело? Нынешние дети! Маленькие граждане Советской страны, они впоследствии станут большими людьми и принесут такую пользу, о которой сейчас трудно и догадаться. Как же можно равнодушно проходить мимо сотен и тысяч ребят, которых постигло несчастье и они лишились семьи и ласки...

Если бы в эти минуты я закрыла глаза и не видела на Якире военной формы, я бы подумала, что выступает старый опытный педагог, всю свою жизнь посвятивший воспитанию детей.

После заседания Якир подошел ко мне и заговорил так, будто мы были давно знакомы и не однажды встречались:

- Товарищ Анна, речи говорить нетрудно. Мне надо все это посмотреть. Поедемте, пожалуйста, в какой-нибудь детский дом.

Я удивилась и... обрадовалась.

- Пожалуйста, товарищ Якир. Только...- Я невольно замялась.- Что вы там будете делать? Красноармейцев набирать?

- А может быть, и так,- отшутился он.- Во всяком случае, хочу познакомиться и потолковать с будущими красноармейцами.

В переполненном трамвае мы поехали на окраину города. И все время, пока ехали, а потом шли пешком, Якира не оставляло выражение задумчивости и озабоченности.

Наконец мы добрались до детского дома. Пустые комнаты, мебели почти нет, окна выбиты, кое-где стекла заменены фанерой...

Нас встретила галдежом толпа оборванных, грязных, завшивевших ребят. Все они прошли «огни и воды», поэтому держались зло, развязно, вызывающе.

- Сейчас забузят,- шепнула я Ионе Эммануиловичу, ожидая нового приступа матерщины, топота и свиста.

- Ничего, не беспокойся,- ответил он и шагнул в самую гущу толпы.

- Здравствуйте, ребята! - громко и отчетливо произнес Якир.

Никто не ответил на приветствие, кто-то свистнул, кто-то зашикал, но шум немного стих.

- Здравствуйте, ребята! - еще громче повторил Якир.- Вы что, немые или глухие?

- Не глухие... Слышим... Здравствуйте... - послышались голоса.

Ребята внимательно разглядывали военную форму неожиданного гостя: три ярко-красных клапана на груди (их

тогда называли «разговорами» или «разводами»), петлицы на воротнике и еще один клапан с какими-то знаками различия на рукаве гимнастерки. Один из пареньков насмешливо спросил:

- Вы, дядя, военный? Небось пришли командовать нами?

- Командовать не собираюсь, а пришел к вам узнать, как вы тут живете... А если кто захочет служить в Красной Армии, пожалуйста... Когда подрастете, конечно,- добавил он с хитроватой улыбкой.- Хотите?

- Хотим!.. Хотим!..- раздался нестройный хор голосов.

- А служить будете честно? Дисциплину соблюдать будете?

- Отчего же?.. Будем!

Эти ответы прозвучали уже не очень уверенно и не так громко.

- Вот и отлично! - воскликнул Якир. - Значит, мы с вами станем друзьями, а если придется, вместе будем бить буржуев. По рукам?

- По рукам!

- Вот и отлично! - повторил Якир. Лицо его посветлело, глаза засветились нежностью. - Значит, мы уже друзья. А сейчас давайте-ка, ребята, табуретки, присядем и поговорим по-свойски. Выкладывайте мне, как другу, все свои желания и секреты.

Мы уселись на табуретках, а вокруг нас на поломанных скамьях, на подоконниках, а то и просто на полу, «по-турецки», расположилась «братва». Завязалась дружеская беседа, которая, к моему изумлению, как бы преобразила ребят. Хулиганистые, недисциплинированные беспризорники внимательно и терпеливо слушали Якира, отвечали на его вопросы и сами без стеснения спрашивали обо всем, что их интересовало.

- Скажем прямо, - говорил Якир, - ведете вы себя не очень хорошо, порядка не соблюдаете и доставляете много хлопот вашим воспитателям. Но я вас не виню. Вы многого не понимаете или не знаете. Виноваты главным образом буржуи и империалисты заморские, всякие белогвардейцы и петлюровцы, которые столько лет разоряли и грабили нашу страну, загубили тысячи семей, а вас выбросили на улицу, заставили жить в котлах и пустых теплушках, красть все, что попадется под руку. Правду говорю я, ведь воруете?

- Случается, - раздался чей-то хриплый голос.

- У кого же вы крадете, вы подумали? У тех, кто сам нуждается. У рабочего, у крестьянина...

- А жрать-то надо, - снова раздался возглас из дальнего угла.

- Жрут только животные и звери, - спокойно отпарировал Якир. - Согласен, есть-пить надо, без этого не проживешь.- Он похлопал себя по поясному ремню. - Советская власть только-

только становится на ноги, но она скоро, очень скоро даст вам все, что нужно. А вы уж постарайтесь отблагодарить Советскую власть хорошим поведением и честным трудом.

Прошло каких-нибудь 20-30 минут, и Иона Эммануилович полностью завоевал доверие ребят. С их лиц исчезли отчужденность, недоверие, неприязнь, многие улыбались, даже обнимали «хорошего дяденьку», садились ему на колени и смотрели на него широко раскрытыми глазами. Якир поглядывал на часы - ведь его ждали неотложные дела,- а ребята не хотели расставаться с ним.

- А когда возьмете нас в Красную Армию? - спросил кто-то.

- Как только подрастете. Всех, кто захочет и заслужит, возьму. Из вас, наверно, выйдут хорошие бойцы, будете защищать Советскую власть. А пока учитесь, работайте и не бузите. И обещайте мне никогда больше не воровать. Даете слово?

- Даем!.. Обещаем!..

Теперь все голоса звучали дружно, уверенно. К Якиру потянулись десятки грязных, но доверчивых рук. И он пожимал эти руки, встряхивал их, иных ребят гладил по голове, похлопывал по плечу...

Шагая вслед за Якиром к трамвайной остановке, я удивленно и обрадованно поглядывала на него. Как быстро нашел он дорогу к огрубевшим сердцам ребят! Какие простые и душевные слова говорил им и заставил поверить в их правдивость...

К председателю губисполкома Яну Гамарнику пришел директор завода старый большевик Алексеев и попросил помочь к празднику Октября деньгами. Завод не имел сырья и заказов, цеха простаивали, рабочие уже давно не получали заработной платы. А тут подходит праздник - годовщина Октябрьской революции. Алексееву очень хотелось хоть чем-нибудь подбодрить и порадовать рабочий коллектив, но заводская касса пустовала.

Алексеев с Гамарником долго прикидывали, где взять деньги, и наконец товарищ Ян посоветовал:

- Иди в детскую комиссию. Попроси у Гандельсман в долг.

Алексеев нашел меня, подробно рассказал о нуждах рабочих, не забыв несколько раз упомянуть, что пришел по совету моего шефа - Гамарника. Но я очень дорожила небольшими средствами комиссии, держала на учете каждую копейку и не могла расходовать ее не по назначению.

- Очень сочувствую, товарищ Алексеев, - ответила я, - но наши деньги - а их не так уж много - предназначены только детям...

- Знаю, товарищ Анна... Ты помоги мне сейчас, выручи в трудную минуту, а потом мы вернем долг с процентами: сделаем

для детских домов кровати. Вот и рассчитаемся.

- Не могу... Не имею права отдавать детские деньги,- упорствовала я.

Так и ушел от меня Алексеев - злой и возмущенный.

Вскоре пришел посыльный и сказал, что меня вызывает Гамарник. Я пошла, открыла дверь кабинета предгубисполкома и удивилась: за столом вместо Гамарника сидел Якир. Рядом с ним нервно ерзал на стуле Алексеев.

- Заходи, заходи, товарищ Анна,- пригласил Якир.- Дело ведь очень серьезное, Алексееву надо помочь. - И неожиданно, наклонившись вперед, Иона Эммануилович приглушенно спросил:-Неужели ты, Анна, не понимаешь? Рабочему классу надо выдать зарплату.

Я стала доказывать, что все понимаю без агитации, но расходовать детские деньги не имею права, так как дорога каждая копейка.

- Ты же был со мной в детском доме и сам все видел. Ребят надо одеть, обуть, накормить...

- Да, все это так, - ответил Якир. - Но бывают обстоятельства, когда требуется маневрировать. Вот давай мы с тобой и сманеврируем.

Он положил на стол руки с тонкими, гибкими пальцами, задумчиво помолчал и тихо, даже, как мне показалось, грустно, проговорил:

- Наступает большой праздник, а рабочему человеку нечего поставить на стол, нечем порадовать своих детей. Можно ли допустить это? Нельзя, никак нельзя!.. Поэтому прошу тебя, одолжи деньги товарищу Алексееву, он скоро тебе их вернет. Если не веришь ему, поверь мне. Неужели не веришь?

Деньги я, конечно, выдала. Алексеев вскоре вернул их, а Якир, встречая меня, не раз весело спрашивал:

- Ну что, не обманули тебя? Молодец, Анна, хорошее дело сделала.

И говорил это так, будто я сделала что-то лично ему.

В крупном промышленном районе Киева - Соломенском было много неполадок. Предприятия лихорадило, рабочие волновались, даже среди коммунистов находились такие, что не понимали обстановки и предъявляли руководству нереальные требования. Райком созвал партийный актив. На собрании было многолюдно и шумно. Многие горячились, вскакивали с мест, прерывали докладчика, кричали...

И вот на трибуне появился Якир. Он дождался, пока в зале наступила тишина, и начал говорить. Говорил о положении в стране после гражданской войны, о необходимости соблюдать

организованность и не допускать разгула враждебных революции элементов. Иона Эммануилович призывал отличать друзей от врагов и смело разоблачать тех, кто мешает нам строить новую жизнь. Свою речь он закончил словами:

- Все мы с вами - коммунисты, ученики и соратники Ленина. Значит, все трудности преодолеем и - победим!

Собравшиеся долго и дружно аплодировали Якиру, а я, аплодируя вместе со всеми, была поистине растрогана: как быстро он утихомирил страсти и помог партийному активу!

В то время многие из нас, партийных работников, жили в здании бывшей гостиницы «Националь». Теперь это здание называлось Домом Советов. Здесь мы встречались после трудового дня, здесь же питались в тесной, переполненной до отказа столовой - бывшем ресторане.

В Доме Советов жили секретарь губкома партии Картвелишвили и Гамарник, которых я почти каждый день навещала. Навещал их и Иона Эммануилович.

В дружбе Якира с Яном Борисовичем Гамарником и Лаврентием Картвелишвили было так много сдержанной, но глубокой сердечности, что порой казалось, будто разговаривают родные братья. Их сдружила еще гражданская война. А теперь они говорили о положении в стране, о работе партийных организаций, о вчерашних митингах, о завтрашних заседаниях... А потом вдруг страстно и горячо начинали спорить о молодой советской литературе, о стихах Маяковского, о музыке...

Иона Эммануилович, несмотря на огромную занятость, внимательно следил за литературой - военной и художественной, много читал, интересовался музыкой и обо всем рассуждал свободно, весело спорил и заразительно смеялся.

Пробежали годы. Я уже работала в Москве. Приезжая по своим служебным делам в столицу, Иона Эммануилович обязательно навещал Яна Гамарника, который стал начальником Главного политического управления Красной Армии. В летнее время семья Гамарника жила на подмосковной даче в Зубалово, и я в свободное время приезжала туда. Там неоднократно заставала Якира.

Несмотря на то что Иона Эммануилович был уже крупным военачальником, членом Центрального Комитета партии и на груди у него сверкали столь редкие тогда ордена, он оставался все тем же милым, общительным и сердечным товарищем. Как и раньше, в Киеве, они с Гамарником много и оживленно беседовали, спорили, шутили, пели. Но главной их темой оставалась жизнь партии.

Мне запомнилась последняя встреча в квартире Гамарника в

феврале 1934 года. На улице завывала вьюга, снежные хлопья бились о стекла окон, а в квартире было тепло и уютно. Якир сидел у стола, его умное красивое лицо освещала небольшая настольная лампа.

Только что закончился XVII партийный съезд, и оба они, избранные в состав ЦК, делились впечатлениями о съезде и с особой теплотой отзывались о Сергее Мироновиче Кирове. Они восхищались его ораторским талантом, вспоминали его страстное выступление на съезде против троцкистов и зиновьевцев.

- Я понимаю ленинградцев, - говорил Якир, - Кирова нельзя не любить. Каждое его слово поднимает и вдохновляет людей. Таким и нужно быть коммунисту, руководителю, если он хочет не плестись в хвосте, а идти впереди и вести за собой массы.

КОММУНИСТА ВСЕ КАСАЕТСЯ Н. Д. Чередник-Дубовая

В самые трудные годы гражданской воины, 1919-1921, я служила политруком роты 388-го Богунского полка. В октябре девятнадцатого года наш полк перебросили под Киев, и тогда я впервые услыхала фамилию Якира. Богунцы - народ храбрый, обстрелянный и скупой на похвалы - говорили, что Якир - человек огромного мужества и сильной воли, что он не только умеет драться, но сможет провести противника и спасти от верной гибели людей...

Наслушавшись рассказов о Якире, я почему-то представляла его себе пожилым человеком, старым большевиком, знавшим царское подполье, прошедшим ссылки и каторгу. Седой, морщинистый, со следами усталости на строгом, суровом лице - вот каким рисовался Якир, чье имя богунцы произносили с уважением и почтительностью. И до дня личного знакомства - а оно состоялось через три года ь- у меня не возникало сомнений в правильности нарисованного или созданного мной заочно образа этого человека.

Летом 1922 года - я тогда уже демобилизовалась и вела партийную работу в Киеве - в городе Белая Церковь отмечалась третья годовщина 45-й дивизии. Мой муж, Иван Наумович Дубовой, предложил поехать вместе с ним на этот праздник.

Небольшой зеленый городок встретил нас ярким солнцем и белыми, будто только что покрашенными домиками с палисадниками и узорчатыми ставнями окон.

Мы вошли в один из таких домиков и сразу очутились в тесном кругу веселых, радостно оживленных людей. Кто-то меня обнимал, целовал, кружил на месте, кто-то крепко пожимал руку... Шумные голоса, смеющиеся лица, жизнерадостные шутливые восклицания... Я немного растерялась и искала глазами мужа, но он уже исчез в толпе друзей.

Со всех сторон до меня доносились возгласы: - Иона!.. Ионыч!

Где же он? Каков собой этот боевой начдив? Ко мне подошел стройный, подтянутый командир и дружески пожал руку:

- Ну, давайте знакомиться. Значит, это и есть Нина Чередник, взявшая в плен бородатого вояку Ивана Дубового?.. Рад, очень рад. Якир!

Я взглянула на него. Совсем молодое, чисто выбритое лицо, темные густые волосы и удивительные, слегка прищуренные глаза, проникавшие в душу.

- А я-то думала... - не удержалась я.

- Что я тоже бородатый, как Дубовой?

- Нет, не в бороде дело...

И я рассказала, каким представляла себе Якира. Он расхохотался - искренне, заразительно.

- Эй, Ваня, - крикнул Якир мужу, - что же ты жену не подготовил?! Меня бы предупредил, и я бороду приклеил бы.

...Пятнадцать лет длилась наша дружба. Уже давно нет в живых Ионы Эммануиловича. Но на всю жизнь остались в памяти его удивительные глаза - пытливые, ласковые. В них порой было так много света и внимания к товарищам, друзьям, знакомым, что все невольно как-то добрели и старались хоть в чем-то быть похожими на своего молодого и в то же время старшего друга.

В тот первый день нашей встречи со всеми гостями знакомил меня Иона Эммануилович и для каждого находил свои шутливые меткие характеристики.

- Меня ты уже знаешь, Нина. А вот это Сайка, спутница моей беспокойной жизни... По секрету скажу: держит меня в ежовых рукавицах...

Невысокая женщина со смеющимися глазами и светлыми волнистыми волосами крепко обняла меня.

- А это Белка, моя единственная сестра; правда, похожа на меня? Но сходство только внешнее, а характер у нее - брр!.. Вот Илыоша Гарькавый, хитрый дядька, но человек и вояка хороший, дай бог ему жизни вволю!.. Представляю Колю Голубенко...

Все «представления» сопровождались шутками, смехом, прерывались танцами, приглашениями к столу, на реку, в лес. Не прошло и получаса, а мне показалось, будто и Якира, и всех его товарищей я уже знаю многие годы - так со всеми было легко, просто и хорошо.

Такое же настроение охватывало меня всегда и в последующие годы, когда я приходила к Якирам. Трудно передать словами ту искреннюю и дружескую обстановку, которая царила в этой семье. Ее незаметно, естественно создавал Иона Эммануилович. Создавал - даже не то слово. Она, эта обстановка, эта атмосфера сердечности и дружелюбия была неотделима от самого Ионы Эммануиловича, являлась его неотъемлемой частью. А его чудесный заразительный смех! Так смеяться могут только очень хорошие, очень добрые люди с чистой совестью и щедрым сердцем.

Я иногда даже удивлялась и раздумывала про себя: такой высокий пост, такая огромная ответственность, требующая непреклонной воли, и вместе с тем - простота, доступность, полное отсутствие зазнайства, позы, фразы...

Якир, прекрасный рассказчик, умел живо и образно рисовать внешность, характеры людей, их настроения и поступки и заставлял слушателей то волноваться, то хохотать до слез.

В Киеве мы поселились в одном доме (на улице Кирова) и свободные вечера - они случались не часто - проводили вместе. Ни карты, ни домино в доме не привились. Собирались тесным кругом за столом, и начинались беседы о делах партийных и хозяйственных, завязывались споры о новых книгах, о статьях в газетах и журналах, о театральных постановках. А потом кто-нибудь просил:

- Иона, расскажи что-нибудь.

Он не заставлял себя упрашивать. Запомнились его увлекательные рассказы о детстве, о бродячем цирке-балагане, куда хозяин пропускал мальчишек только за «работу»- надо было помогать разгружать имущество.

- Мы, кишиневские ребята, охотно помогали цирковым уборщикам, называвшимся униформистами, зато потом наслаждались великолепием и блеском циркового представления, ахали и охали при виде силачей и акробатов. А афиши!.. Вот примеры наглядной агитации с обманом публики. Представьте себе огромную красочную афишу, на ней нарисован великан, пролезающий в игольное ушко. Или, например, такую широковещательную афишу: «На глазах уважаемой публики будет зарезан живой человек».

Иона Эммануилович изображал толстого хозяина, потом силача-великана, и перед нами вставали, как живые, персонажи дореволюционных бродячих балаганов. Случалось, что наш хохот прерывался вскользь брошенной фразой Якира:

- А было ли у нас настоящее детство?..

И все вдруг чувствовали за юмором рассказа и сожаление о быстро пробежавших детских годах, и возмущение уродливым прошлым, и мечту о лучшей, доле для наших, советских детей.

Много раз мы просили Иону рассказать о боевых делах. И он начинал рассказывать то о геройском командире полка Попе, в полумертвом состоянии захваченном в плен врагом и отказавшемся отвечать на вопросы, то о начальнике дивизионной школы Ване Базарном, тоже отдавшем жизнь за революцию, то о любимой своей «Стальной черепахе» (бронепоезде), то просто о каком-нибудь пулеметчике, косившем вражеские цепи... И ни слова о себе.

От своего мужа я знала о безмерной личной храбрости Якира, о его отваге в боях, о тяжелых испытаниях во время похода Южной группы войск. Хотелось узнать какие-либо эпизоды от него самого. Но в таких случаях, чтобы положить конец просьбам,

Иона Эммануилович переводил разговор на другую тему.

Иона Эммануилович очень любил детей и относился к ним с трогательной заботливостью. Детишки тоже любили этого высокого смешливого дядю и, завидев его, кидались к нему шумной гурьбой. Якир мог часами, если позволяло время, возиться с малышами, играть с ними, импровизировать, экспромтом сочинять сказки. Бывало, глянешь со стороны - малыши весело возятся с ним, увлеченно что-то мастерят, слышится радостный смех ребят и самого рассказчика. Ни дать ни взять - образцовый детский садик с умным и заботливым воспитателем.

Вместе со своим сыном Петей Иона Эммануилович сделал какие-то приспособления к детскому «конструктору» и искренне радовался, если «изобретенные» ими механизмы действовали.

Поражала разносторонность, энциклопедичность знаний Ионы Эммануиловича. Он много читал, легко запоминал и «переваривал» прочитанное, откладывая все необходимое в тайниках своей памяти. А при случае, когда требовалось, этими знаниями пользовался в интересах общего дела.

В 1935 году на заседании Политбюро ЦК КП(б)У обсуждался план работы Гослитиздата Украины на 1936 год. Я тогда работала директором издательства и поэтому присутствовала на заседании.

Мы показали членам Политбюро несколько изданных нами книг и доложили план на следующий год. По докладу взял слово Иона Эммануилович, и я, откровенно говоря, была удивлена, как хорошо он знает классическую и современную украинскую литературу. Якир предложил переиздать некоторые книги Яновского и Смолича, а также выпустить в массовой серии отдельные произведения Ивана Франко и Марко Вовчок. Его предложения были приняты, и книги включены в издательский план.

Домашний кабинет Ионы Эммануиловича всегда был завален книгами - новинками художественной и военной литературы, советскими и зарубежными. Военные журналы он читал систематически, на полях многих изданий я видела его карандашные пометки, а некоторые наиболее заинтересовавшие его книги и статьи конспектировал. Помню, Якир сделал обширный конспект книги Пилсудского, в которой было много неверных и спорных оценок событии советско-польской войны.

Иона Эммануилович не пропускал ни одного случая, чтобы не освежить или не пополнить свои знания по географии. В этом он соревновался с секретарем ЦК Компартии Украины Николаем Николаевичем Поповым - человеком весьма эрудированным.

Как-то в свободный вечер Попов предложил такую игру. Все присутствующие - нас собралось человек десять - выезжают, условно, конечно, из Ленинграда во Владивосток вокруг Европы, через Суэцкий канал. Каждый по-очереди обязан назвать по пути следования моря, проливы, острова, полуострова и большие портовые города. Тот, кто допустит три ошибки, из игры выбывает.

Я застряла где-то в Немецком море. Вместе со мной выбыли из игры остальные. Только Попов и Якир двигались все дальше и дальше. Иона Эммануилович добрался до Японии и лишь там «потонул» в проливах. Попов достиг Владивостока, но мы уличили его в путанице. Смех и острые шутки в тот вечер не умолкали.

С не меньшим увлечением мы занимались кроссвордами и викторинами. Иона Эммануилович мастерски разгадывал самые сложные головоломки, причем дружески ободрял нас:

- Незаметно для самих себя вы освежаете и обогащаете свою память или, как говорят докладчики, расширяете кругозор.

Случалось, что мы усталые поздним вечером возвращались с работы. За окнами уже ночь, хочется поскорее лечь спать. И вдруг пронзительно звонит телефон, вызывая досаду. Но в трубке слышится знакомый голос Ионы Эммануиловича:

- Еще не спите?.. Что делаете, чем занимаетесь?.. Хотите отдохнуть? Великолепно! Сейчас же шагайте к нам, есть замечательный кроссворд.

И мы шли и находили действительный отдых, разрядку после большого трудового дня. Иона Эммануилович выкладывал свою последнюю шараду или кроссворд и, обшучивая наши промахи и ошибки, охотно подсказывал различные термины, названия, понятия...

Черствость, равнодушие, невнимание были чужды характеру Якира. «Какой же это коммунист, если он думает только о себе, а до других ему и дела нет», - рассуждал он. И всегда, при всех обстоятельствах показывал пример душевной чуткости и товарищеской заботы.

Однажды тяжело заболел мой муж, ему сделали серьезную операцию. Как много заботы, внимания и тепла проявил Иона Эммануилович! Он успокаивал меня, доказывал, что такого, как Дубовой, сама смерть испугается и отступит. Поддержка Якира дала мне силы пережить трудные дни болезни мужа.

А трагическая авиационная катастрофа, в которой погиб друг Ионы Эммануиловича начальник Военно-воздушных сил Петр Баранов и его жена. Всю заботу об осиротевших детях Баранова взял на себя Якир и сделал все, что смог, лишь бы ребята не

чувствовали себя одинокими, потерянными.

«Ну хорошо, могут сказать мне, ведь речь идет о друзьях Якира, его близких знакомых...» Нет, Иона Эммануилович так же относился и к незнакомым или малознакомым людям, если видел, что они нуждаются в его помощи.

Не знаю, по какому поводу к Якиру обратился бывший красноармеец, участник Южного похода Гершанек. У него хворала жена, не ладилось с жильем. После беседы с ним Иона Эммануилович уступил Гершанеку одну комнату в своей квартире и заставил его туда переселиться. Жена Гершанека действительно оказалась больной, нервной женщиной. Как осторожно и ласково относился к ней Якир, как старался развеселить ее, втянуть в круг своих друзей и семьи, лишь бы успокоить и отвлечь больную от грустных мыслей и не дать ей возможности «уйти в себя».

Таких примеров можно привести десятки, сотни.

Якир отлично знал не только своих помощников и сослуживцев, многих командиров и политработников, но и их семьи, знал и разделял их радости и тревоги. Потому-то тысячи людей знали и любили его, искали встреч с ним, наперебой приглашали в гости.

Мне хочется рассказать об одном событии, которое еще и еще раз показало Якира как глубоко принципиального и стойкого большевика-ленинца. Честных людей он в обиду не давал, хотя лично ему это грозило неприятностями.

В конце 1929 года мой муж был назначен заместителем командующего войсками Украинского военного округа, и мы переехали в Харьков. Я начала работать в аппарате ЦК КП(б)У заведующей сектором печати. В Харькове мы снова почти ежедневно встречались с семьей Якира.

В середине 1930 года ГПУ Украины арестовало группу бывших офицеров старой армии, работавших в штабе округа и в частях. Им предъявили нелепое обвинение, будто они организовали контрреволюционный заговор с целью уничтожить командование УВО - Якира, Дубового, начальника политуправления Хаханьяна, перебить армейских коммунистов, поднять восстание и отторгнуть Украину от Советского Союза.

Начальник ГПУ Украины Балицкий ознакомил Якира и Дубового с показаниями некоторых арестованных. Все выглядело убедительно, доказательно... И все же Иона Эммануилович не мог поверить в виновность людей, с которыми прошел много фронтовых дорог, которых знал как заслуженных боевых командиров, честно воевавших за Советскую власть.

- Это не укладывается в моем сознании, - говорил он, взволнованно шагая по кабинету в своей квартире. - Неужели они

стали изменниками, а мы, коммунисты, оказались столь близорукими?.. Нет, нет и еще раз нет!.. Балицкий настаивает на своем. Выход один - ехать в Москву и просить разобраться во всем подробно и объективно.

30 декабря муж пришел домой из штаба и попросил меня немедленно собрать его в дорогу.

- Нас вызывают в Москву по этому делу. Иона торопит...

Естественно, я очень расстроилась: у нас недавно родилась дочурка, Новый год хотелось встретить всей семьей, с друзьями, и вообще уезжать в канун Нового года не годится...

Иона Эммануилович - это очень характерно для него - нашел время заехать перед отъездом и успокоить меня:

- Не горюй, Нина, Новый год отметим позже, а сейчас дорога каждая минута. Люди, наши люди – и в тюрьме.

Он оперся руками о край стола и, делясь со мной своими думами, сказал:

- Большая драка будет с Балицким, большая!.. Может быть, нас с твоим Иваном стукнут крепко, но иначе поступить я не могу, не имею права. Эти товарищи за революцию дрались, Советскую власть защищали, а теперь их обвиняют черт знает в чем и, возможно, под угрозой их жизнь. Можем ли мы стоять в стороне и молча наблюдать?..

Он посмотрел на меня и, понизив голос, с горечью добавил:

- Правда, один очень ответственный товарищ советовал мне не вмешиваться. Понимаешь, не вмешиваться, если даже этих людей, советских людей, казнить будут... Не могу я так. В таком случае я бы перестал уважать самого себя.

Дорогой мой товарищ! Думал ли ты в те минуты и часы, что всего несколько лет спустя и тебе самому предъявят чудовищные обвинения в измене и поведут на расстрел. Тебя, героя гражданской войны, храбро воевавшего за родную тебе Советскую власть, безмерно любившего свой народ, свою партию, и некому будет защитить, громко крикнуть:

- Остановитесь!.. Что вы делаете?!.

Не помню, ответила ли я тогда Якиру или промолчала, но он повторил свою просьбу не печалиться и вместе с Саей, его женой, подождать возвращения из Москвы.

Когда Якир и Дубовой вернулись домой, мы узнали, что их принял Орджоникидзе, человек большого сердца и редкой отзывчивости, внимательно выслушал все сомнения и доводы, записал факты противоречий и искажений в показаниях арестованных.

Почти всех арестованных освободили, значит, их невиновность была доказана. Балицкий с Украины уехал, а в

аппарате ГПУ провели организационные мероприятия.

Характерная деталь. Я спросила мужа, кто был тот весьма ответственный товарищ, советовавший Якиру не вмешиваться в дело. Дубовой ответил:

- Думаю, что Каганович!

Ко всему этому остается добавить, что Якир после освобождения арестованных ходил веселый и радостный.

В 1933 году Украина переживала тяжелое время. Засуха сожгла во многих местах урожай, и на хлебозаготовки пошло зерно из семенного фонда. В некоторых селах крестьяне заколачивали хаты и уходили в города - искать хлеба и заработка. В штаб округа и политуправление все чаще приходили письма от красноармейцев, беспокоившихся за судьбы своих родных. Об этих письмах не раз с тревогой беседовали между собой Якир, Дубовой и работники политуправления.

Вскоре собрался пленум ЦК Компартии Украины (а может, это было расширенное заседание Политбюро, сейчас не помню, знаю только, что в Харьков приезжали тогда секретари всех обкомов партии). На квартиру к Якиру пришли посоветоваться, поделиться своим беспокойством за сельское хозяйство товарищи Демченко, секретарь Киевского обкома, и Хатаевич, секретарь Днепропетровского обкома. Пришли и мы с мужем. Какая-то тяжесть словно придавила всех. Что делать? Где и как найти выход?

Якир, Демченко и Хатаевич предложили ввиду катастрофического положения с хлебом и случаев голодной смерти просить ЦК разрешить дальнейшую сдачу хлеба приостановить, завезти семенной фонд в места, откуда он уже вывезен, и оказать помощь наиболее пострадавшим районам. Но руководители Украины не согласились с этим предложением. Тогда после заседания Якир, Демченко, Хатаевич, Вегер (секретарь Одесского обкома) и Дубовой отправили письмо в Москву. В результате дальнейшая сдача хлеба была приостановлена и засыпан семенной фонд. Что же касается продовольственной помощи, то ее изыскали на месте.

Видимо, в Москве не могли не посчитаться с мнением такой авторитетной группы товарищей. Однако, как я потом узнала от мужа, К. Е. Ворошилов сказал Якиру, что Сталин очень недоволен: почему письмо подписали и военные? Сталин якобы сказал:

- Они же не в кооперации. Военные должны своим делом заниматься, а не рассуждать о том, что их не касается.

Мне часто приходилось слышать беседы Якира и Дубового на военные темы.

Иона Эммануилович считал, что раньше или позже нам неизбежно придется столкнуться с фашистской Германией. «Фашизм по своей природе агрессивен, - говорил Якир,- и он ждет не дождется возможности вонзить свои когти в горло советского народа. Об этом надо помнить и готовиться к достойному отпору».

Иона Эммануилович прекрасно владел немецким языком, в подлинниках изучал материалы первой мировой войны и делился с нами своими мыслями о необходимости быстрее механизировать войска, так как главная роль будет принадлежать технике.

- Винтовка, штык и русское «ура» - дело хорошее,- рассуждал Якир. - Но без танков, авиации и десантных войск мы окажемся слабее противника.

Сейчас не помню точно даты, но, кажется, в 1936 году Якир, Тухачевский и Уборевич, всегда поддерживавшие тесный личный контакт и деловые связи, резко ставили перед Наркоматом обороны вопрос о максимально быстрой подготовке механизированных соединений и критиковали товарищей, по старинке отводивших первое место коннице и ее массированным ударам. Якира активно поддерживали в этом Дубовой и начальник политуправления Амелин, который тоже был частым гостем Ионы Эммануиловича.

Великая Отечественная война подтвердила, что Якир глядел далеко вперед.

Май 1937 года. Украинская природа в цвету. Вечно юный Киев бурлит толпами спешащих людей, играет солнцем и зеленью.

Идет XIII съезд Коммунистической партии Украины. Я, делегат съезда, хорошо вижу знакомое и близкое лицо Якира. Почему-то оно кажется мне необычно задумчивым, печальным, а может быть, суровым.

Второй день работы съезда. Узнаем, что Иона Эммануилович вызывается в Москву и должен уезжать немедленно. Почему так срочно? Чем вызвана спешка?.. Впрочем, такие случаи уже бывали: ждет новая работа, новое назначение...

Когда Иона Эммануилович садился в машину для поездки на вокзал, я крепко - и в последний раз - пожала его тонкую мужественную руку. Могла ли я подумать, что больше не увижу его?..

У НЕГО БЫЛО ЧЕМУ ПОУЧИТЬСЯ И. М. Цалькович

Инженер-полковник И. М. Цалькович

В феврале 1919 года в клубе коммунистов Южного фронта в городе Козлове (ныне Мичуринске) я слушал доклад о боевых действиях 8-й армии против войск контрреволюции. Докладчик особенно подчеркивал военно-организаторскую деятельность члена Реввоенсовета армии товарища Якира и его личную храбрость и отвагу.

«Какой же это Якир? -подумал я. - Уж не однокашник ли мой по Харьковскому технологическому институту?.. Он принимал тогда участие в студенческом революционном движении, и его знали многие. Но неужели за такое короткое время он превратился в столь заметного командира и политработника, что о нем теперь упоминают в докладах?»

Да, это, оказывается, был тот самый Якир. И я с особым вниманием стал относиться к сведениям о нем. А они, эти сведения, поступали почти непрерывно. В грозном девятнадцатом году, в период ожесточенных боев с белогвардейцами и петлюровцами, по всей Красной Армии уже гремела слава о многих отважных командирах. Такая слава гремела и об Ионе Якире - начальнике 45-й стрелковой дивизии и командующем различными группами войск. Во всяком случае, о нем говорили в штабах, на партийных собраниях, его имя встречалось в военной печати и информационных материалах.

Когда отпылала и ушла в прошлое гражданская война, популярность Ионы Эммануиловича Якира в Красной Армии не уменьшилась, а стала, если можно так выразиться, еще более фундаментальной.

В 1923 году мне пришлось по делам Военно-научного общества бывать в войсках Украины и Крыма, и везде о Якире говорили тепло, с уважением. Он занимал в то время должность помощника командующего войсками Украины и Крыма, работал под непосредственным руководством Михаила Васильевича Фрунзе и пользовался у него большим и заслуженным уважением.

На одном из партийных собраний я услышал выступление Якира. Говорил он негромко, спокойно, без жестикуляции, но с завидным знанием дела. В зале стояла абсолютная тишина, свидетельствовавшая о том, что никто не хочет пропустить и слова. Я вглядывался в лицо Якира, следил за ходом его рассуждений и невольно думал, с какой непостижимой быстротой

взрослеют и мужают люди в годы революции.

В 1924/25 учебном году я в числе многих других заканчивал Военно-инженерную академию РККА. Якир в то время был начальником Главного управления военно-учебных заведений Красной Армии, и слушатели, особенно партийные активисты, знали, как много труда вкладывал он в успешную подготовку советских командных кадров.

В журнале «Военный вестник», который Якир в то время редактировал, часто появлялись его статьи, и мы, члены Военно-научного общества, читали их с особым вниманием. В них всегда было что-то принципиально новое, интересное, расширявшее наш кругозор и обогащавшее нас.

Таким образом, издали, заочно я уже давно был знаком с Якиром, но не предполагал, что вскоре познакомлюсь с ним ближе.

В 1925 году, окончив Военно-инженерную академию РККА, я прибыл в Украинский военный округ на стажировку в должности командира-политрука роты саперного батальона 8-го стрелкового корпуса. «Чин» был у меня невелик, но товарищи сразу же предупредили, что Иона Эммануилович Якир очень внимательно относится к окончившим военные академии и держит их на специальном учете.

Зимой я был вызван из Полтавы, где дислоцировался батальон, в Киев на военную игру. Здесь увидел более двухсот командиров различных рангов и специальностей: начальников управлений штаба округа, начальников родов

войск и служб, командиров и комиссаров нескольких корпусов, дивизий, Днепровской военной флотилии и военно-учебных заведений, пограничников.

Я представился командиру корпуса Гарькавому, комиссару Юкамсу, начальнику штаба корпуса Пинаеву и, наконец, начальнику инженеров округа Мисюревичу. Полагал, что на этом служебные представления окончены. Но неожиданно меня вызвали к командующему войсками округа.

Якир забросал меня вопросами: где служил, воевал, где и как учился, что делал до гражданской войны... Узнав, что я бывший студент Харьковского технологического института, Иона Эммануилович еще более оживился:

- О, да мы с вами, оказывается, коллеги по «техноложке»! А теперь, выходит, опять вместе проходим курс - только уже другой. К слову сказать, из нашего института в революцию ушло немало студентов.

Он откинулся на спинку кресла и, дружески глядя на меня, предложил:

- А теперь расскажите, пожалуйста, как вам служится в восьмом корпусе.

Я начал подробно докладывать, не забыв сказать и о партийной работе в батальоне, и о делах Военно-научного общества полтавского гарнизона и 25-й Чапаевской дивизии.

Якира интересовало все, поэтому докладывать и отвечать на вопросы было удивительно легко. Разговор никак не походил ка официальную встречу командующего округом с командиром роты. Со стороны могло показаться, что встретились два старых товарища и беседуют по душам, делясь опытом прошлого и замыслами на будущее. Позже я узнал, что именно так, как правило, разговаривал Якир с подчиненными и, словно отодвигая в сторону служебные рамки, устанавливал контакт с людьми разных биографий и разных характеров.

- А не тянет ли вас после академии куда-нибудь в штаб или в управленческий аппарат? - спросил Якир.- Только, пожалуйста, будьте откровенны...

- Нет, товарищ командующий, не тянет.

- А вам предлагали что-нибудь, кроме батальона?

- Да, должность начальника строительного отдела Ленинградского округа.

- И вы отказались?

- Отказался! Еще в академии избрал оперативно-тактический уклон и твердо решил служить в войсках.

- Думаю, что вы поступили правильно, - дружески сказал Якир и обещал, как главный руководитель игры, предоставить возможность активно участвовать в ней.

Эта беседа тронула меня до глубины души. Из кабинета Якира я вышел сияющий.

Участники игры жили в весьма скромных условиях: размещались в общежитиях, спали на красноармейских койках - по 6-8 человек в комнате, питались в корпусной столовой. Высший командный состав, приглашенный на игру, никакими привилегиями не пользовался.

Игра прошла организованно, но уже в ходе ее выявилось немало слабых мест. Все с нетерпением ждали разбора.

Доклад Якира на разборе был кратким, но удивительно глубоким. В академии такие разборы обычно носили отвлеченно-теоретический характер и не всегда приучали самостоятельно мыслить и действовать. А Якир очень умело связал воедино все стороны боевых действий войск: и оперативно-тактическую, и политическую, и материально-техническую. И все это изложил целеустремленно, исходя из конкретных задач боевой подготовки частей округа, совершенствования командного состава.

Оценивая действия участников игры, он тщательно разбирал каждый промах, выпячивая все, что мешало взаимодействию частей и снижало общий успех. Называл и фамилии командиров, допустивших ошибки. Взглядывая на этих товарищей, я не замечал на их лицах ни обиды, ни недовольства, наоборот, они согласно кивали головой. Все свои замечания Иона Эммануилович делал настолько тактично, с такой неотразимой логикой, что даже самые самолюбивые не нашли бы повода для обиды.

В довершение всего я очень обрадовался, услыхав замечания Якира по адресу тех строевых командиров, которые недооценивали инженерного обеспечения боевых действий. Он напомнил участникам игры, что без инженерных войск успех современного боя немыслим.

Разбор закончился. Командиры тесной толпой окружили Якира. А я вышел в коридор и, переполненный впечатлениями, почему-то вспомнил девятнадцатый год, клуб коммунистов Южного фронта и теплые слова докладчика о личной храбрости и боевом мастерстве Якира. Я и сам теперь мог бы многое рассказать о нем: и личная беседа, и игра, и разбор раскрыли мне высокие качества Ионы Эммануиловича как военного руководителя и человека.

В 1927 году в числе делегатов 25-й стрелковой дивизии я поехал в Харьков, на партийную конференцию Украинского военного округа. Там увидел многих прославленных командиров и политработников, и меня охватило чувство приподнятости и праздничности. Вот стремительно прошел командир - комиссар 17-го Приморского корпуса Ян Фрицевич Фабрициус. Худой, высокий, с длинными усами и бородкой-эспаньолкой, внешне хмурый и неразговорчивый, с четырьмя орденами Красного Знамени на гимнастерке, он обращал на себя общее внимание. Фабрициус подошел к Ионе Эммануиловичу Якиру. Они долго и оживленно о чем-то говорили, на суровом лице Фабрициуса появилась улыбка, и он сдержанно кашлял в кулак. В конце коридора член Военного совета округа Дегтярев беседовал с большой группой политработников. Медленно прохаживались, разглядывая портреты и диаграммы, командиры-кавалеристы.

Прозвенел звонок, все поспешили в зал, заняли свои места, и конференция началась.

Открыл ее член Военного совета - начальник политуправления округа Дегтярев. Потом с докладом о борьбе с бюрократизмом выступил заместитель начальника политуправления округа Кучмин. После доклада разгорелись горячие прения. Выступавшие отмечали случаи бюрократизма в

своих соединениях и частях, вносили предложения, как быстрее покончить с этим злом.

Иона Эммануилович сидел в президиуме, внимательно слушал, а иногда делал в своем блокноте какие-то пометки. К нему подходили то адъютант, то работник штаба или политуправления, клали перед ним телеграммы, бумаги. Услышав что-нибудь очень интересное, он отодвигал бумаги в сторону и поворачивался всем корпусом к очередному оратору.

Когда слово предоставили Фабрициусу, товарищ Якир стал особенно внимательным и сосредоточенным. Фабрициус привел несколько ярких примеров борьбы с бюрократизмом, вызвавших хохот и аплодисменты.

А когда на трибуну вышел Якир, весь зал, как один человек, встал и приветствовал командующего продолжительными аплодисментами. В то время на партийных собраниях и конференциях такие приветствия и овации были явлением очень редким. Но Якира все так уважали и любили, что овация возникла стихийно. А он, смущенный, слегка покрасневший, стоял на трибуне и оглядывался на президиум, как бы упрашивая поскорее успокоить зал.

Не знаю, сохранилась ли где-нибудь стенографическая запись выступления Якира, да и вообще велась ли тогда стенограмма, но говорил он, как помню, так:

- От бюрократизма и формализма - этого наследия прошлого - мы еще не избавились. Эти болезни особенно опасны в боевой подготовке войск и в политической работе среди красноармейцев. Давайте же приложим усилия, чтобы у нас Украине, где не так давно бушевала кулацко-бандитская и анархистская стихия, где НЭП зачастую принимает уродливые формы, бюрократизму, формализму и всем подобным извращениям был положен конец.

Значительную часть своей речи он посвятил укреплению воинской дисциплины, работе партийных и комсомольских организаций. Говорил Иена Эммануилович неторопливо, чуть наклонившись вперед и вглядываясь в лица делегатов. Только иногда слегка повышал голос - и это означало, что приводимый им факт или пример волнует и возмущает его. А затем опять ровное, неторопливое изложение мыслей, похожее на раздумье вслух, на откровенный разговор с друзьями и единомышленниками.

Я взглянул на часы: Иона Эммануилович говорит уже 55 минут, а на лицах делегатов нет ни усталости, ни усыпляющего равнодушия. Когда он закончил и сошел с трибуны, ему вновь устроили восторженную овацию, даже раздавались возгласы «ура!» - так велико было обаяние 32-летнего командующего, так

высок был авторитет этого примерного коммуниста и опытного политического деятеля.

Меня назначили командиром сводного саперного батальона, выделенного для постройки лагерей в районе Житомира. Во время погрузки батальона в эшелон на станции Полтава я почувствовал себя очень плохо, и меня прямо с платформы отправили в госпиталь, а затем в Ессентуки, в военный санаторий. И надо же было случиться так, что по дороге у меня выкрали деньги. Я остался, как говорится, гол как сокол.

Мой сосед по палате, командир полка 44-й дивизии Николай Андреевич Прокопчук присел рядом и стал успокаивать:

- Не журись, товарищ. Есть выход.

- Какой? Пока мой рапорт по начальству дойдет до финчасти, я тут, наверное, без курева пропаду, а там и срок выписки из санатория подойдет. Да и в дороге деньги нужны.

- Вот я и даю тебе верный совет.

- Какой?

- Напиши письмо Якиру.

- Командующему? Что вы!

- Значит, не знаешь ты Якира, - усмехнулся Прокопчук.-Тебе дело советую. Разве Якир оставит человека в беде? И результат будет намного скорее.

Прокопчук в конце концов уговорил меня, и я не стал посылать рапорт в батальон или штаб корпуса, а написал частное письмо Ионе Эммануиловичу: сообщил ему о неприятности, приключившейся со мной, и просил распорядиться выслать аванс в счет моей заработной платы. Письмо отослал, а сам все время корил себя: зачем поддался уговорам Прокопчука? У командующего столько забот, а тут еще какой-то командир роты со своей просьбой докучает...

И что же вы думаете? Через несколько дней получаю денежный перевод на 75 рублей - это был месячный оклад командира полка. На почтовом бланке Иона Эммануилович своей рукой написал: «Поправляйтесь, отдыхайте, лечитесь. С коммунистическим приветом - Якир».

Вернувшись из отпуска, я хотел рассчитаться с финчастью, но оказалось, что деньги мне были высланы из фонда командующего и возврату не подлежали.

Не могу не рассказать еще об одной замечательной черте Якира: как командующий, он брал на себя лишь главные, принципиальные решения и ни в коем случае не связывал инициативу подчиненных. На маневрах войск округа в конце лета 1926 года, проводившихся в районе села Триполье, в 50 километрах юго-восточнее Киева, разыгрывалось форсирование

широкой водной преграды – Днепра. На одном из этапов учений я был участковым посредником на переправе.

На этом этапе 3-я Бессарабская кавалерийская дивизия «синих» скрытно совершила форсированный марш и вышла на берег Днепра прежде, чем успели отойти арьергардные части «красных». Понтонеры лишь разбирали мосты и готовили паромы для переправы последних частей «красных».

Командарм «синих» Криворучко решил внезапной атакой конной дивизии захватить понтонные парки «красных». Но понтонные средства Якир объявил нейтральными. Тогда Криворучко, чтобы не упустить «противника» и на его плечах ворваться в Киев, приказал частям переправляться вплавь с помощью мешков Иолшина.

Переправа таким способом грозила напрасными жертвами. Я предупредил об этом Криворучко, а затем доложил Якиру.

Иона Эммануилович был согласен со мной, но ответил: - Раз Криворучко так решил - пусть сделает попытку переправиться без понтонных средств. Ведь вы как специалист предупредили его о возможных последствиях? Не хочу лишать его самостоятельности. Пусть он сам и его командиры убедятся в ошибке. А вас прошу принять все возможные меры, чтобы предупредить несчастные случаи.

Попытка переправиться, конечно, не удалась. Жертв не было, так как для спасения людей мы выслали паромы и лодки. Криворучко с огорчением убедился, что действовал опрометчиво.

Выбирая все самое поучительное из опыта руководимых им войск, И. Э. Якир разрабатывал тактические задачи, которые служили отличным подспорьем в обучении высшего командного состава.

Зимой 1935/36 года Инспекция высших военно-учебных заведений проводила в помещении Центрального Дома Красной Армии сбор начальников штабов и руководителей военных циклов и кафедр академий московского гарнизона. Сбором руководил помощник инспектора Виталий Маркович Примаков, в прошлом организатор частей Червонного казачества на Украине. На занятия собрались высококвалифицированные операторы, тактики, руководители многих академий. Задачи решались на картах и ящиках с песком, разыгрывались односторонние боевые действия в масштабе стрелковой дивизии.

Всего мы отработали, если не ошибаюсь, десять задач с учетом организации и тактики немецкой армии. Из них мне особенно запомнились две - разработанные И. Э. Якиром и уже разыгранные ранее на сборах командующих войсками округов и начальников академий.

Темой первой задачи явился отход дивизии с форсированием реки в собственном тылу под давлением противника. Она была составлена великолепно, с учетом самых разных вариантов и многочисленных подробностей. Я, конечно, сразу же вспомнил трипольские маневры в 1926 году под руководством Якира. Опыт этих маневров он и вложил в задачу.

Вторая задача воспроизводила бой дивизии в подвижной обороне с применением заграждений. Это была очень важная тема для начального периода возможной войны.

Обе темы, безукоризненно разработанные Якиром, стали полезным учебным пособием для слушателей академий - общевойсковых и специальных. Обе они вошли в сборник, подготовленный к печати Военным издательством. В начале 1937 года я даже вычитывал гранки этих двух задач. Увы, сборник так и не вышел из печати. Иона Эммануилович Якир, Виталий Маркович Примаков и многие другие видные военачальники были оклеветаны, а их труды объявлены вредительскими, вражескими. Чудовищные обвинения предъявлялись честным и преданным партии и советской Родине людям. А как много они могли бы еще сделать на благо нашего Отечества!

ИНЖЕНЕРЫ -ЗОЛОТОЙ ФОНД АРМИИ Е. В. Леошеня

генерал-лейтенант инженерных войск Е. В. Леошеня

Советская Армия ныне богата кадрами квалифицированных военных инженеров. А ведь примерно тридцать пять - сорок лет назад их насчитывались единицы. Небольшой круг специалистов - саперов, понтонеров, фортификаторов состоял главным образом из офицеров и генералов старой армии, перешедших на сторону революции.

Нужда в специалистах была очень велика. И как только утихли бури гражданской войны, Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство потребовали от Реввоенсовета Республики ускорить подготовку своих, пролетарских краскомов - военных инженеров.

В числе красных курсантов, которым предстояло получить инженерное образование, оказался и я, молодой, но понюхавший пороху боец. Меня послали учиться в 3-ю Киевскую военно-инженерную школу. Строгий распорядок дня, лекции, практические занятия по расписанию - все это было необычным для вчерашних красноармейцев, только что вышедших из порохового дыма и пламени боев. Тем настойчивее мы учились.

Осенью 1921 года на одном из собраний коммунистов нашей второй роты комиссар школы товарищ Заика представил нам нового члена партийной организации - командующего Киевским военным районом товарища Якира.

Многие курсанты, конечно, уже слыхали эту фамилию и знали, что воевал Якир храбро и умело. В зале возникло оживление. Всем хотелось посмотреть на командующего.

Якир поднялся и вышел вперед. Мы увидели молодого командира с красивым и волевым лицом. Два ордена Красного Знамени украшали его гимнастерку. Он дружелюбно смотрел на нас, мягко, еле заметно улыбался и терпеливо ждал, пока комиссар закончит свое вступительное слово.

- Иона Эммануилович Якир, - говорил товарищ Заика,- член нашей партии с апреля семнадцатого года. За короткое время он прошел большой боевой путь: был красногвардейцем, командиром сводного отряда Особой армии, членом Реввоенсовета восьмой армии, начальником сорок пятой дивизии, командующим войсками Южной группы двенадцатой армии, затем командовал разными группами войск на Юго-Западном фронте. Два раза ранен. За боевые заслуги и личное мужество

товарищ Якир, как вы видите сами, награжден двумя орденами. Сейчас он назначен командующим Киевским военным районом и временно становится на учет к нам до создания партийной организации в штабе района. Есть ли к коммунисту Якиру вопросы?

- Нет... Все ясно... - послышались дружные возгласы.

Мне запомнилась речь Якира на этом собрании, даже не речь, а дружеская популярная беседа с единомышленниками, рядовыми большевистской партии. Иона Эммануилович подробно рассказал нам о ленинских установках в проведении новой экономической политики, о перспективах восстановления народного хозяйства и лишь после этого перешел к задачам, стоящим перед Красной Армией, и в частности перед военно-учебными заведениями. Особенно врезалась в память заключительная часть его выступления.

- Дорогие товарищи! - сказал он. - В трудных битвах отстояли мы завоевания Советской власти. Впереди - непочатый край работы. Чтобы эта работа была успешной, мало одного энтузиазма и только специальных знаний. Вы должны хорошо усвоить ленинское учение о диктатуре пролетариата и отчетливо представлять себе, как эту диктатуру защищать. Короче говоря, хорошим красным командиром сможет стать лишь тот, кто воспитает в себе лучшие качества и черты характера большевика-ленинца: принципиальность, твердость, идейную убежденность и понимание партийной политики во всех областях нашей жизни.

Ничего необычного в этих словах не было. Но произносились они так искренне, с такой страстностью, что их нельзя было слушать без напряженного внимания.

Когда собрание закончилось, Якира окружили курсанты-коммунисты, и он, улыбаясь и подшучивая, терпеливо отвечал на их вопросы.

Из этой беседы мне запомнились слова Якира:

- Военные инженеры - золотой фонд нашей армии!

Надо сказать, что некоторые курсанты не совсем ясно представляли себе свою будущую роль в войсках и считали, что лучше бы идти в пехотное или артиллерийское училище. Там, мол, готовят настоящих командиров, а мы что - не то командиры, не то производственники. Но после выступления Якира и беседы с ним все сомнения рассеялись. Куда бы ни забросила меня потом военная служба, я всегда помнил его слова, ставшие для меня как бы девизом: «Инженеры - золотой фонд армии».

В 1925 году меня направили в Москву на военно-инженерные курсы усовершенствования командного состава. Здесь собрались командиры, уже имевшие некоторый опыт и стаж службы в

войсках. Среди них оказались и бывшие питомцы киевской школы, хорошо помнившие Якира.

На одну из военных игр приехал он сам - уже начальником Главного управления военно-учебных заведений. Вместе с ним в классе появились начальник учебно-методического отдела ГУВУЗа товарищ Суворов, начальник курсов товарищ Подосек и комиссар товарищ Назаров.

Игра «Инженерное обеспечение действий стрелковой дивизии в обороне» потребовала от нас большого напряжения и внимания. Занятия были в самом разгаре. Слушатель Горбунов в роли дивизионного инженера докладывал командиру дивизии предложения, как лучше оборудовать оборонительную полосу, причем настаивал на такой системе фортификационных работ, которая отражала взгляды сторонников так называемой «фортификационной диктатуры». Некоторые военные инженеры отстаивали тогда «самостоятельность» фортификации, отрывали ее от боевых действий войск и стремились навязать общевойсковым командирам решения применительно к шаблонному расположению укреплений.

Занятиями руководил опытный специалист – бывший генерал русской армии Шильдбах-Литовцев. По окончании игры он сделал разбор.

Я издали поглядывал на Якира. Ни одним словом не перебил Иона Эммануилович Горбунова, ни одного замечания не сделал по адресу преподавателя. Только после выступления Шильдбах-Литовцева попросил разрешения сделать несколько своих замечаний.

И Шильдбах, и слушатели знали, что Якир - не инженер, но все то, что мы услышали, убедило нас, что начальник ГУВУЗа довольно хорошо разбирается в инженерных вопросах.

- Организация игры мне понравилась, - сказал Якир. - Именно таким методом вы, участники гражданской войны, можете закрепить и обновить свои знания и практические навыки. Именно обновить. Это означает, что в современных условиях надо уметь наиболее полно использовать в бою специальные войска. Ведь советская военная доктрина - а вы, командиры, должны быть с ней хорошо знакомы - и новые уставы требуют тесного взаимодействия всех родов войск.

Иона Эммануилович отыскал глазами слушателя Горбунова, потом оглядел всех нас и как можно мягче продолжал:

- Мысли и предложения товарища Горбунова вряд ли могут нас удовлетворить. Он пытался навязать командиру дивизии шаблонные решения по фортификационному оборудованию оборонительной полосы без учета обстановки, характера

местности, времени и общей задачи, стоящей перед стрелковой дивизией.

Горбунов смущенно потер ладонью щеку. Шильдбах в знак согласия кивнул головой. А Якир, оживившись, начал так свободно рассуждать, будто имел за плечами многолетний опыт военного инженера.

- Тысячу раз прав военный инженер Карбышев. Вы читали его статью «Фортификационная диктатура»? Обязательно прочитайте, да повнимательнее. Товарищ Карбышев осуждает навязывание войскам фортификационных схем, составленных без учета конкретной тактической обстановки и поэтому сковывающих боевые действия войск.

Иона Эммануилович подробно изложил нам мысли Карбышева, потом обратился к преподавателю:

- Ваш разбор, товарищ Шильдбах, по-моему, поучителен и принесет пользу слушателям. Вы правильно учли опыт оборонительных и наступательных действий гвардейского корпуса старой армии на Западном фронте. А сами вы, если не ошибаюсь, командовали в мировую войну лейб-гвардии Литовским полком?

- Совершенно точно, - ответил Шильдбах.

- Но позволю себе дать вам один совет, - снова обратился к нему Якир. - Надо использовать и опыт гражданской войны. Ведь в силу своего маневренного характера она дала столько поучительных примеров инженерного обеспечения боя. Эти примеры пригодятся слушателям, в особенности тем, кому не пришлось воевать. Как вы, согласны со мной?

Шильдбах смущенно пожал плечами:

- Согласен-то согласен. Но, к сожалению, я не располагаю примерами действий частей Красной Армии. Думаю, для вас не секрет, что в гражданскую войну я был по другую сторону фронта и даже укреплял перекопские позиции белых.

- Знаю, но это делу не помеха. Такому опытному специалисту, как вы, под силу решить эту задачу. Начните хотя бы со своих же слушателей. Пусть каждый расскажет или запишет известные ему боевые эпизоды: когда, где и как использовались инженерные войска. Посмотрите на аудиторию...- Иона Эммануилович протянул руку в зал.- Здесь и кавалеры ордена Красного Знамени. Значит, им есть что рассказать. Найдутся и участники первой мировой войны... Соберите примеры, отредактируйте записи и издайте. Вот вам и учебное пособие.

- Пожалуй, вы правы, - согласился Шильдбах.

- И вам, товарищ Суворов, рекомендую включиться в работу. - Эти слова относились к начальнику методического отдела

ГУВУЗа. - Ведь вы - мастер этого дела... А пока, если вас интересует, я расскажу вам, товарищи, как применялись инженерные средства во время боевых действий сорок пятой дивизии...

И мы выслушали поучительный рассказ, в котором боевые эпизоды анализировались теоретически, а успех наступления в немалой степени объяснялся инженерным обеспечением.

Многие из нынешних инженеров, командиров, преподавателей с благодарностью вспоминают советы начальника ГУВУЗа. Кстати, предложение Якира позднее было реализовано. Богатый фактический материал из опыта гражданской войны стал основой инженерного раздела пособия А. Суворова «Тактика в примерах».

К тому времени, о котором я рассказываю, Красная Армия значительно сократилась; сократилась и сеть военно-учебных заведений. План ее реорганизации был разработан и доложен на Совете по подготовке РККА И. Э. Якиром. Все ускоренные курсы расформировывались: основой подготовки среднего командного состава становилась военная школа; высшие школы превращались в курсы усовершенствования. В проекте постановления Реввоенсовета Республики была четко определена схема подготовки кадров. «Для ясного представления о том, какое назначение имеет каждое из военно-учебных заведений, признать целесообразным установить следующие наименования: 1. Подготовительная военная школа; 2. Военная школа; 3. Окружные повторные курсы; 4. Курсы усовершенствования; 5. Академии». В этой новой системе нашли свое место и учебные заведения по подготовке военных инженеров. В материалах реорганизации были разработаны и указания по партийно-политической работе и содержанию учебных планов.

Интересна установка Якира, зафиксированная в специальном приказе об обязательном разборе занятий в школах: «Всякий разбор хорош и полезен, если ведется продуманно, серьезно и углубленно, если в суждениях, в критике отсутствует верхоглядство». Иона Эммануилович не терпел «мероприятий» только для отчетов, а требовал все делать основательно и смело критиковать недостатки. И сам он охотно прислушивался к советам и замечаниям любого командира, политработника или красноармейца. Это знают все, кому приходилось встречаться с Якиром.

Конечно, за три десятилетия многое изменилось, перед армией и военно-учебными заведениями встали новые задачи. Но, касаясь материалов, ставших достоянием архивов, я не могу не подчеркнуть, как далеко видел И. Э. Якир и как правильно

ориентировал начальствующий состав и преподавательские кадры. За короткое время руководства ГУВУЗом Иона Эммануилович немало сделал, чтобы инженерное дело в войсках развивалось и крепло. Он добивался, чтобы инженерным обеспечением боевых действий занимались не только инженеры, но и все общевойсковые командиры. В одной из инструкций, подписанных Якиром, прямо говорится, что вопросы полевой фортификации и устройства легких переправ должны быть основательно усвоены будущими красными командирами, так как пехота обязана сама себя обслуживать.

Все, что он предлагал, вытекало из глубокого знания им армейской жизни и ясного понимания путей развития и дальнейшего укрепления Советских Вооруженных Сил. И какие бы установки он ни давал, какие бы предложения ни вносил, никогда не забывал о подготовке понтонеров, саперов, фортификаторов - инженеров всех специальностей. Думаю, что такое же внимательное отношение с его стороны чувствовали представители всех родов войск.

Когда Иона Эммануилович стал командовать войсками Украины и Крыма, а затем Киевским военным округом, он буквально пестовал 1-й и 3-й понтонные батальоны, из которых образовался впоследствии 1-й понтонный полк, подчинявшийся непосредственно штабу округа. Различные учения и маневры чаще всего проводились в районе Днепра, и здесь командующий лично наблюдал за десантными или паромными переправами, за наводкой понтонных мостов.

Старые военные инженеры, представители Наркомата обороны и даже иностранные военные делегации, бывавшие на таких учениях, весьма положительно отзывались о работе саперов и понтонеров. А мы, командиры-инженеры, знали, что своими успехами во многом обязаны повседневной заботе и помощи товарища Якира.

Я не отношусь к друзьям или хотя бы близким знакомым Якира. Однако всегда чувствовал себя как бы его ближайшим соратником и единомышленником - так хорошо знал он военно-инженерное дело и так много внимания уделял ему.

В июне 1930 года Иона Эммануилович приехал в лагерь 1-го понтонного полка, располагавшийся тогда на живописном, известном всем киевлянам Трухановом острове, и произвел смотр. Понтонеры блеснули выправкой, сработанностью, темпами. После смотра товарищ Якир присутствовал на инженерном учении, внимательно следил за действиями бойцов и командиров, причем сам не остался на берегу, а перебрался на наблюдательный пункт, оборудованный на мотопонтоне.

На разборе командующий поблагодарил понтонеров за четкую слаженную работу, указал на недочеты и в заключение подчеркнул:

- Теперь, товарищи, старайтесь лучше овладевать новой техникой. На вооружение поступают новые парки. Оснащение Красной Армии инженерным оборудованием увеличивается количественно и улучшается качественно. Наша армия моторизуется и механизируется. Значит, возрастает ваша роль и ваша ответственность. Вам придется много поработать, чтобы научиться быстро, не теряя драгоценных минут, обеспечить форсирование войсками водных преград. Что в связи с этим могу вам посоветовать? Не относитесь спустя рукава к опыту первой мировой и гражданской войн - дело, мол, прошлое, а мы теперь сами с усами. Нет, изучайте этот опыт тщательно и глубоко. Тренируйтесь в наводке мостов днем и ночью. Учитесь преодолевать болотистые речные долины. Пора подумать и о конструкции подводных мостов и об улучшении маскировки переправ. Ведь если вспыхнет война, вам будет мешать авиация противника. Придется работать под обстрелом и бомбежкой.

Иона Эммануилович посоветовал понтонерам изучать средства тяги - автомобили и тракторы.

- Вы вступаете - и это очень важно! - в новый этап развития своих войск - пересаживаетесь с лошади на автомобиль и трактор. Понтонерам Красной Армии принадлежит почетное место среди всех родов наших войск.

Да, Якир знал цену саперам и понтонерам. В наших сегодняшних достижениях и успехах есть доля и его труда.

ЕГО ТЯНУЛО К ЛЮДЯМ С. А. Калинин

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ С. А. Калинин

- Жалею, очень жалею, но придется нам расстаться.

- Ничего не попишешь - приказ! Идешь на выдвижение. В штаб Украинского военного округа, начальником управления.

Так говорил мне весной 1926 года командующий войсками Приволжского военного округа Александр Игнатьевич Седякин, срочно вызвав меня в Самару (теперь Куйбышев) из Казани, где я командовал стрелковой дивизией.

Сообщение было неожиданным, лицо Седякина, как мне показалось, в самом деле выражало сожаление, и я тоже пожалел, думая, что это выдвижение ни к чему, тем более что со строевой службы мне предстояло перейти на штабную.

А Седякин продолжал:

- Дивизию пока сдай комиссару Якубу Джангировичу Чанышеву, пусть похозяйствует до назначения нового комдива. А сам выполняй приказ, отправляйся к новому месту службы.

Официальная часть была закончена, поэтому Седякин позволил себе поделиться со мной своими личными соображениями.

- Понимаешь, Украинский округ очень большой, работа тебя ждет ответственная. Правда, командующий там Якир... - с еще большим сожалением сказал Седякин и, заметив мое недоумение, добавил: - Воевал, конечно, да кто тогда не воевал... Но ведь образования-то военного у него нет. Зато с начальником штаба тебе повезло. Павел Павлович Лебедев в гражданскую войну был начальником штаба Республики, умница, опытный штабист. Приглядывайся к нему, учись у него, набирайся ума-разума.

Якира я видел до этого всего один раз, и по случайной встрече не мог составить определенного представления о нем.

В 1922 году в Москве в кабинете начальника Главного управления формирований я увидел худощавого, болезненного на вид молодого командира с двумя орденами Красного Знамени на груди.

Начальник Главупраформа, знакомя нас, представил его:

- Иона Эммануилович Якир.

Якир встал и оказался выше среднего роста, довольно широким в плечах, а рукопожатие его было крепкое и энергичное.

Наш общий разговор был недолгим, потому что никаких общих дел у нас в то время не было, и даже не помню, о чем шла

тогда речь. И вот через четыре года, находясь в пути на Украину, я пытался представить своего случайного знакомого в роли командующего округом и раздумывал: узнает ли меня и за какие достоинства он так быстро стал крупным начальником?

Но с первых же минут встречи я убедился, что Якир не забыл.

И разговаривал он, как со старым знакомым, так что чувство некоторой натянутости и настороженности, вызванное не столь уж лестной рекомендацией Седякина, у меня постепенно рассеивалось.

Беседовали мы долго. Иона Эммануилович расспрашивал о службе в Приволжском округе, о людях, которых он знал раньше. Оказалось, что командующему обо мне многое известно и он, собственно, уточняет и проверяет то, что написано в аттестациях и прочих документах, хотя ни в какие дела не заглядывал.

Так же спокойно, естественно, без всякой официальности Якир перешел к делам штаба округа и посоветовал, с чего, по его мнению, мне следовало бы начинать службу в штабе. Управление, которое мне предстояло возглавить, ведало строевой и боевой подготовкой войск, и вполне понятно, что об этом мы беседовали больше всего.

- Главное - непрерывная полевая выучка, - говорил Якир, глядя на меня открытым и умным взором. - Но она неразрывно связана с очень многим, начиная от свежих портянок для красноармейцев и кончая их политической сознательностью. Для политической работы есть, конечно, специальный аппарат, но ни строевые, ни штабные командиры не могут стоять в стороне от нее.

И неожиданно с какой-то сердечностью, глубоко тронувшей меня, добавил:

- Знаете, я всегда очень рад, когда на строевую или штабную должность прибывает коммунист. Итак, в добрый час!.. - И он крепко пожал мне руку.

Эта продолжительная беседа, задушевность командующего, его тонкое знание дел в войсках произвели на меня самое приятное впечатление. Выходя из кабинета Якира, я вспомнил напутствие Седякина и подумал: «Нет, не прав был Александр Игнатьевич, совсем не прав».

Своего прежнего начальника А. И. Седякина я уважал. Это был человек честный, справедливый, безусловно знавший свое дело. Сравнивая его и Якира, можно было найти у них общие черты - оба глубоко знали дело, были целиком поглощены службой, требовательны к себе и подчиненным, не признавали «мелочей», считая, что на военной службе все важно и ко всему нужно относиться серьезно; но по складу характера они

отличались друг от друга.

Александр Игнатьевич Седякин был, пожалуй, излишне педантичен, сух в общении с людьми, а на полевых учениях, на стрельбищах, в штабе его педантизм создавал даже впечатление придирчивости, а все потому, что был он резок и делал замечания даже по самому несущественному поводу, не заботясь об их форме и не щадя самолюбия командиров. К нему, замкнутому и недоступному, командиры не всегда решались обращаться, а красноармейцы и вовсе не приближались. Его не просто уважали - за ум, опыт, знания, - но, откровенно говоря, и побаивались. Ему трудно было угодить, и всякая оплошность влекла за собой сердитую, а то и брезгливую мину.

Якир был полной противоположностью Седякину. С одинаковой мягкостью, тактичностью, теплотой и уважением относился он к людям и в штабе, и в казарме, и дома, и в поле. При всем том в его отношениях с подчиненными никогда не проскальзывало ни намека на панибратство, ни стремления завоевать дешевый авторитет «доброго начальника». Все у него выходило как-то естественно: простота и доступность в общении с людьми сочетались с постоянной требовательностью как две взаимопроникающие стороны одного целого. Это возвышало Якира в глазах подчиненных, и они, мало сказать, уважали, - любили его так, как редко могут любить воины своего командира и начальника.

Видимо, Якир и сам хорошо понимал, насколько важен тесный контакт с подчиненными. Его доклады и выступления на разборах учений походили скорее на товарищеские собеседования. Хорошо зная достижения и недочеты частей и соединений округа, Иона Эммануилович своими меткими и в то же время тактичными замечаниями стремился вызвать у людей не только умение критически оценить собственную работу, а и желание как можно быстрее устранить все, что мешает росту боевой выучки войск. Расшевелить людей, зажечь их интересными мыслями, идеями, задачами, раскрыть увлекательные перспективы ближайшего будущего - это он делал мастерски. Ему удавалось как опытнейшему партийному работнику, пропагандисту и агитатору мобилизовать командиров на здоровое соревнование.

Бывало, вызовет к себе Иона Эммануилович кого-либо из командиров дивизий и с легкой лукавинкой и добродушием спросит:

- Слыхали, что придумал для лучшей подготовки младших командиров ваш сосед Петр Сергеевич Иванов?

- Слыхал, товарищ командующий.

- Вот это хорошо. Мне кажется, его начинания принесут пользу. Как вы думаете? Смотрите, как бы не отстать от Петра Сергеевича. - И, будто рассуждая вслух с самим собой, скажет: - А может, есть смысл побывать у соседа, посмотреть, как он организовал подготовку младших командиров?

- С вашего разрешения, поеду к Иванову на несколько дней.

- Поезжайте, пожалуйста, на здоровье. Одно дело - слух, другое - своими глазами посмотреть. А когда вернетесь, приходите, расскажите-ка и мне поподробнее.

А случалось и так. Иона Эммануилович приезжает без предупреждения в дивизию и, приказав дежурному не докладывать начальству, сначала обойдет казармы, отделы штаба, поговорит с людьми, а уж потом приходит в кабинет командира дивизии. Поздоровается, побеседует о работе, о питании красноармейцев, о порядках в штабе, не забудет расспросить про семью и вдруг предлагает:

- Вот что, товарищ Лукин (командир 23-й дивизии), прикажите-ка доставить сюда пулемет.

И вот пулемет на столе командира дивизии.

- А теперь, товарищ Лукин, пригласите сюда начальника штаба, что-то я забывать стал устройство «максима». Помогите-ка мне, пожалуйста, вдвоем побыстрее разобрать и собрать пулемет, да расскажите, какие могут быть неисправности при стрельбе и как устранять задержки.

Командир и начальник штаба начинают «объяснять», а Иона Эммануилович своими многочисленными вопросами прямо-таки вгоняет их в пот, а под конец «благодарит»:

- Ну спасибо вам. Теперь мне все ясно. Странное дело, до сих пор я не мог понять, почему у такого опытного командира дивизии неважнецки стреляют пулеметчики. - Минутная неловкая пауза заканчивается вопросом: - Как вы думаете, товарищ Лукин, ваши пулеметчики научатся лучше стрелять или нужна помощь штаба округа?

- Научатся, товарищ командующий. Обязательно научатся. Зачем беспокоить штаб округа, сами справимся.

- Вот и чудесно. Я тоже думаю, что сами справитесь. А мне пора. Через месяц заеду опять и побываем с вами на стрельбище. До свидания!

После такого урока командир дивизии и начальник штаба всю неделю трудятся, изучая «максим». Подготовившись, едут в полки и по примеру командующего проверяют, как знают пулемет и другое оружие командиры полков, батальонов, рот. И к следующему визиту Якира весь командный и политический состав дивизии уже знает оружие отлично.

Иона Эммануилович много времени проводил среди красноармейцев. Он не то что считал своей обязанностью побеседовать с бойцами - его тянуло к ним, его интересовали их настроения, запросы. Усаживался то ли в казарме, то ли во дворе или в клубе, и тотчас же вокруг него образовывался тесный круг бойцов. Каждый старался протиснуться поближе к командующему. Завзятый курильщик, Иона Эммануилович закуривал, угощал бойцов и вел непринужденную беседу, пересыпая ее шутками и анекдотами. И красноармейцы делились с ним своими самыми сокровенными думами.

Как-то в середине лета здоровье Ионы Эммануиловича пошатнулось, и он вынужден был поехать для лечения за границу. Отсутствовал, кажется, два - два с половиной месяца. Обязанности командующего войсками округа исполнял в это время его заместитель Василий Константинович Блюхер, тоже пользовавшийся в войсках большим авторитетом, но складом характера отличавшийся от Якира.

По плану штаба округа проводились инспекторские стрельбы и маневры. И тут случилась неприятность. Инспектирующий комкор Грязнов обнаружил на стрельбище 44-й стрелковой дивизии случаи очковтирательства. Об этом немедленно доложили Блюхеру. Василий Константинович прибыл на место и был страшно возмущен происшедшим. Он издал приказ по войскам округа, в котором осудил 44-ю дивизию за очковтирательство. Дивизией командовал герой гражданской войны Казимир Францевич Квятек. Блюхер отстранил его от должности, дав тем самым понять, что обман никому не может быть прощен.

Случай был из ряда вон выходящий. И когда вернулся Якир, ему сразу же доложили об этом. Иона Эммануилович похвалил Василия Константиновича и штаб округа за проявленную непримиримость к очковтирательству, но все же указал, что реагировать нужно было не совсем так:

- Целое соединение вы обвинили в очковтирательстве. Правильно ли это? Виноваты отдельные люди, а вы ведь наложили пятно на всю дивизию, имеющую славное боевое прошлое. Правого и виноватого различать нужно. Уверены ли вы, что к этому позорному случаю причастны товарищ Квятек, комиссар дивизии, партийная организация, комсомольцы?

С одной стороны, Ионе Эммануиловичу не хотелось ущемлять самолюбие своего заместителя В. К. Блюхера, с другой - надо было исправить ошибку. Как поступить?

Командующий объявил результаты стрельб недействительными, вызвал из Винницы опытнейшего командира

дивизии товарища Даненберга и приказал ему со всей строгостью, без всяких скидок произвести проверку 44-й дивизии по той же программе. Вскоре Даненберг доложил, что части 44-й дивизии всю программу выполнили хорошо, хотя каналы для очковтирательства были закрыты наглухо.

И. Э. Якир вернул К. Ф. Квятека к исполнению своих обязанностей и восстановил доброе имя дивизии, выразив надежду, что ее личный состав впредь не потерпит в своих рядах тех, кто нечестно относится к службе.

Василий Константинович, мне кажется, тоже был доволен, что все кончилось хорошо. Не все, может быть, тогда оценили по достоинству подход Якира к этому делу. Я, например, воспринял это как известный либерализм. И только позже понял, насколько прав был командующий. На войне большое значение имеют славные традиции соединения. Ими должны дорожить и бойцы и командиры. И, конечно, с уважением к доброй славе дивизии должен относиться и вышестоящий военачальник, если он хочет, чтобы эти традиции укреплялись.

Возвращаясь к напутствию А. И. Седякина перед моим отъездом на Украину, должен сказать, что Александр Игнатьевич, дав односторонний отзыв о Якире, правильно оценил Павла Павловича Лебедева. Этот опытный и высококультурный начальник штаба хорошо сработался с Ионой Эммануиловичем. К Якиру Лебедев относился с глубоким уважением и считал его авторитет непререкаемым. Да, Якир не получил в свое время военного образования, но благодаря своему таланту и трудолюбию, он встал в один ряд с виднейшими военачальниками нашего времени. Это был самородок, раскрывший свои способности в бурях гражданской войны и в кипучей деятельности по строительству Советских Вооруженных Сил. Натура творческая, Якир не мог беззаботно относиться к накопленному опыту и знаниям. Он все чего-то искал, что-то изучал, не ограничиваясь при этом потребностями узкопрактическими. Это был разносторонне образованный, высокой культуры человек.

Однажды мы ехали из Харькова в Киев на большие учения. В салон-вагоне командующего находились член Военного совета Кучмин, начальник штаба Лебедев, его помощник Бажанов, начальник оперативного отдела Ивановский и я. С нами ехал и наш гость, начальник Военно-воздушных сил Красной Армии Петр Ионович Баранов, которого Якир очень любил.

Павел Павлович углубился в чтение какого-то нового романа и изредка обменивался репликами с Бажановым. Ивановский склонился над картой и что-то обдумывал. Кучмин зарылся в

газеты. А Якир и Баранов, удобно устроившись в креслах, оживленно беседовали.

Помнится, разговор шел о путях развития Советского Союза, и собеседники то и дело обращались к истории России. Иона Эммануилович называл государственных деятелей прошлых веков, и все эти люди представлялись мне живыми, занятыми интригами или планами спасения России от иноземных врагов. И сам Иона Эммануилович предстал передо мной в новом свете. Чтобы так свободно извлекать из глубины веков факты и имена, сопоставлять их и противопоставлять, нужна огромная эрудиция. Раньше мне казалось, что я неплохо знаю историю, а теперь понял, что мои знания чисто школьные, поверхностные, почувствовал зависть к Якиру и его собеседнику. Баранов то соглашался, то спорил со своим другом. А я, как зачарованный, слушал беседу двух талантливых, по-своему замечательных людей.

Оба они не дожили до Великой Отечественной войны. Баранов погиб при авиационной катастрофе, Якир пал жертвой клеветы и произвола. Родина, партия потеряли преданных бойцов-ленинцев в расцвете их сил и способностей.

ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК ПОНЯЛ. И. С. Стрельбицкий

Генерал-лейтенант артиллерии И. С. Стрельбицкий

В средине тридцатых годов, в один из приездов Якира в нашу дивизию - мы стояли в Котовске - я долго прохаживался возле казарм, поджидал его к себе в 95-й артиллерийский полк.

Но к артиллеристам Иона Эммануилович в этот приезд не зашел, и я его прождал напрасно.

Вечером, после объявления результатов проверки, с обидой сказал Якиру:

- Товарищ командующий, мы вас двое суток ждали, а вы так и не зашли в артполк.

Якир улыбнулся:

- На этот раз я поступил так, как делаете вы. Командир дивизии рассказал мне: когда вы приходите в военный городок, то заглядываете в одну батарею, проверяете ее, учите, а затем проходите мимо остальных девяти батарей и направляетесь в штаб.

Я покраснел, чувствуя в этом намек на мою неорганизованность. На помощь мне пришел командир дивизии Павел Васильевич Сысоев:

- Стрельбицкий в личном плане на каждый день намечает проверить лишь одну батарею. Одну, но уж досконально, товарищ командующий.

- А почему же я должен заходить в каждый полк? - с лукавинкой спросил Якир и, повернувшись в сторону командира 283-го стрелкового полка, сказал: - Товарищ Артеменко, мне докладывали, что вы каждый день бываете во всех ротах. Зачем? Всех проверить тщательно вы не в состоянии. Чего-то не заметили, прошли мимо недостатков, а командир роты спокоен: мол, командир полка все нашел в порядке. Такие прогулки по ротам вряд ли полезны.

Вспоминаю далекие годы, когда мне было 25-26 лет и я командовал батареей. Как-то в лагерях начальник артиллерии округа, бывший полковник царской армии Николай Михайлович Бобров разговаривал в столовой со своим сверстником, тоже бывшим полковником старой армии, начальником Ржищевского полигона Николаем Павловичем Павловым. Оба они, как истые артиллеристы, были туговаты на ухо, а потому разговаривали громко, не стесняясь присутствующих. Полковники вспомнили своего кумира генерала Драгомирова и согласились на том, что

если бы он был жив, то гордился бы молодым командующим округом Якиром и считал бы его своим последователем.

- Недавно, - говорил Бобров, - я с Ионой Эммануиловичем приехал во второй кавалерийский корпус, к Криворучко. Сами знаете, какой Криворучко своенравный. Ему не по душе пришлись указания командующего. И вот в присутствии командиров дивизий, на совещании, он стал возражать командующему: «Конница - это вам не пехота. Надо оставить все как есть». Меня, доложу я вам, возмутил такой тон. Я посмотрел на Иону Эммануиловича. На его лице не дрогнул ни один мускул, хотя в душе, вероятно, кипело.

- Да, - согласился Павлов, - выдержка у него железная.

- Ну, знаете, дорогой Николай Павлович, - продолжал экспансивный Бобров, - будь я на месте командующего, разделал бы Криворучко за такую недисциплинированность. А Якир спокойно - даже с улыбкой! - подошел к доске и начал сопоставлять новый вариант со старым и доказал полную несостоятельность доводов Криворучко, так что даже и этот упрямец вынужден был согласиться. В перерыве я подхожу к командующему и шепотом спрашиваю: «Зачем вы, Иона Эммануилович, миндальничаете с Криворучко? Ведь он же такой недисциплинированный!» Якир берет меня под руку и говорит: «Вы неправы, товарищ Бобров. Криворучко хороший, дельный комкор. Я бы мог приказать ему исполнять, а не рассуждать. Но ведь нам не это надо. Важно, чтобы человек понял необходимость предложенных мер. Тогда он душу вложит в это дело»... А потом, что бы вы думали? Приказал командиру корпуса разъяснить командирам дивизии те самые требования, против которых он, Криворучко, возражал. И преподнес это так, будто требования те придумал сам Криворучко. Но зато после совещания Якир задержал его. «Ограничиваюсь, - говорит, - замечанием в надежде, что вы продумаете, где докладывать свои соображения, когда и в какой форме». Знаете ли, Николай Павлович, - продолжал Бобров, - что больше всего удивляет? То, что Якир постиг сложность воспитания в каких-нибудь тридцать лет. Это же юноша, самое большее поручик по прежним временам. Мы с вами в этом возрасте дальше полубатарейного офицера не шли, а мысли наши, помните, чем были заняты?

Павлов придвинулся к нему и стариковским голосом промурлыкал: «Красотки, красотки, красотки кабаре...» Полковники расхохотались.

- Да, - сказал Павлов, - у этого все помыслы только о деле. Далеко пойдет. Если в тридцать лет он командующий округом, то как вырастет через 10-15 лет!..

В эпизоде с Криворучко, о котором рассказал Николай Михайлович Бобров, проявилось не только желание Якира убедить подчиненного, но и кое-что другое. Якир высоко ценил этого талантливого военачальника, выходца из народных глубин, хотя тот и не лишен был некоторых странностей.

На окружных маневрах в 1935 году мне пришлось быть свидетелем любопытной сценки. У штабной палатки стояли несколько высших командиров вместе с Якиром и громко хохотали, слушая начпуокра Амелина. Амелин рассказывал об очередной выходке Криворучко.

- Приезжает Криворучко в лагерь. Дело было ночью, и комкор, как завзятый конник, начал поверку с конюшни. Дежурный молодцевато докладывает: «Происшествий никаких не случилось!» Криворучко входит в конюшню и видит, как дневальные заходят в станки, пинками поднимают лошадей и дают им сено. «Ты что же это, братец, делаешь? - с возмущением спросил комкор дежурного. - Кони отдыхают, а ты их будишь и заставляешь сено жевать?»- «Все делается точно по Инструкции, товарищ комкор». Дежурный приносит инструкцию. В ней черным по белому написано: «В течение ночи суточный наряд обязан дважды давать лошадям сено». Криворучко вспыливает: «Кто составлял инструкцию?» - «Старший ветеринарный врач полка!» - «Веди меня к нему. А ты, адъютант, ступай на кухню, принеси буханку хлеба». Пришли к палатке ветврача, оттуда - храп. Адъютант входит внутрь, зажигает свет, будит врача и дает ему хлеб. Ветврач кричит: «Убирайтесь вон с вашей дурацкой шуткой!». Но в это время слышит снаружи хорошо знакомый ему голос Криворучко: «А ты не кобенись, не кобенись, сам инструкцию писал, сам ее и выполняй. Ешь хлеб два раза в ночь, как в инструкции писано про коней». Услышал комкор звон стакана о графин, кричит: «Роби все по инструкции, водопоя не предусмотрено - так ты за графин не хватайся». Потом заходит в палатку, спрашивает: «Ну, как инструкция?» Якир, дослушав рассказ, серьезно заметил:

- Поощрять такую систему воспитания мы, конечно, не будем, но и Криворучко строго судить не стоит. А при случае скажу ему, чтоб обходился без таких экспериментов.

Бывая в частях, Иона Эммануилович не упускал случая побывать на командирских занятиях. Мне не раз во время Великой Отечественной войны вспоминалось одно занятие группы командиров полков нашей дивизии, на котором присутствовал Якир.

Мы разыгрывали на картах наступательный бой стрелковой дивизии. Увидев, что дивизия у нас очень легко продвигается

вперед, командующий дал ряд вводных, и она оказалась в полном окружении в 40 километрах от своих войск. Как раз подошло время перерыва. Мы вышли покурить, к нам присоединился Иона Эммануилович.

- Такого окружения теперь не может случиться - это не гражданская война, - высказался один из командиров полков, продолжая обдумывать обстановку.

- Почему вы так думаете? - удивленно спросил командующий.

Командир полка стал обосновывать свою мысль. Его рассуждение сводилось к тому, что теперь мы лучше вооружены и никакому противнику с нами не справиться; чтобы окружил он нас - об этом нечего и думать, а если так случится, то с танками никакое окружение не страшно. Закончил же командир полка модным тогда утверждением, что, мол, воевать будем на чужой территории.

- Для того чтобы воевать на чужой территории, - возразил Иона Эммануилович, - надо знать и учитывать не только слабые стороны противника, но и сильные. Исходить нужно из того, что воевать придется с сильным, стойким врагом.

Тут в разговор вступил другой командир полка тов. Самбур:

- Гитлер может подготовить в мирное время большую армию, но как только он мобилизует массу для войны с нами, рабочий класс Германии ударит его по рукам и расчеты фашистов лопнут, как мыльный пузырь.

Многие из нас, в том числе и я, целиком разделяли мнение Самбура.

Легко было заметить, с какой досадой Якир воспринял этот ответ. Чтобы не усиливать его досаду, мы послушно принялись после перерыва производить, как потребовал Иона Эммануилович, расчеты на выход дивизии из окружения...

На учениях и любых занятиях Якир уделял большое внимание разведке. Нам, артиллеристам, часто доставалось от него.

- Вы имеете самые мощные приборы, - говорил Иона Эммануилович. - У вас и стереотрубы и звукометрические станции, почему же ограничиваетесь разведкой только для себя?

Он требовал, чтобы артиллеристы анализировали разведывательные данные, по отдельным выявленным целям определяли схему боевых порядков войск противника и докладывали командирам стрелковых дивизий.

Для нас такое требование было новостью, и оно нам не нравилось, но позже, особенно во время войны, мы поняли, насколько прав был Якир.

Все окружные конференции рационализаторов проходили при непременном участии командующего. Он стремился оживить,

развить творческую мысль рационализаторов, зажечь интерес командиров к их работе.

В 1935 году в 95-м артиллерийском полку развернулось движение за изыскание лучших способов стрельбы из орудий по танкам. В полку была разработана новая методика обучения и применены новые приемы стрельбы, в результате чего батареи полка заняли на инспекторских стрельбах первые места в округе. Успехи 95-го полка привлекли внимание командиров многих других артиллерийских полков. Они стремились перенять наш опыт. Но были, к сожалению, и такие командиры, которые, поддаваясь чувству зависти, пытались опорочить новые методы и обвиняли нас в порче орудий.

Командарм Якир, понимая роль танков в будущей войне, лично проверил на окружном артиллерийском полигоне стрельбы 95-го артполка по танкам и горячо поддержал нас.

Прошло немного времени, и эта поддержка командарма едва не стоила жизни автору этих строк...

Враги Советского Союза видели в лице И. Э. Якира опасного противника, они знали его как непреклонного большевика и были осведомлены о высокой оперативно-стратегической подготовке командарма Якира. Им можно было только мечтать о том, чтобы лишить Красную Армию таких, как он, талантливых полководцев. К их радости и к нашей беде, от таких мечтаний до их осуществления тогда оказалось не так уж далеко.

ИСПРАВЛЯТЬ ПОЛОЖЕНИЕ МОЖНО ПО-РАЗНОМУ М. Ф. Лукин

Генерал-лейтенант М. Ф. Лукин

Иону Эммануиловича Якира, командующего войсками Украины и Крыма, а затем Украинского военного округа, командарма 1 ранга, я знал почти 15 лет. Три года я был начальником строевого отдела штаба округа, восемь лет командовал 23-й отдельной стрелковой дивизией, часто встречался с командармом, виделся и разговаривал с ним в штабе и в поле, на совещаниях и в частях.

Ему был присущ особый стиль руководства войсками, и этот стиль проявлялся во взаимоотношениях с людьми, в требовательности и тактичности, в умении прислушиваться к подчиненным, доверять им и проверять их, а когда требовалось - безоговорочно приказывать и добиваться выполнения приказа. Этот стиль был выражением большевистской партийности и принципиальности Якира, понимания высокой роли воина Красной Армии, беззаветной преданности и любви к своей социалистической Родине и, конечно, результатом непрерывной учебы у великого Ленина. Все, что к тому времени было написано о Ленине, Якир перечитывал неоднократно, ленинские тома постоянно имел под рукой и дома, и в своем служебном кабинете.

Якир не любил засиживаться в штабе, большую часть времени проводил в войсках. Но и находясь в штабе, он не был замкнутым, недоступным начальником. И здесь в течение всего рабочего дня он общался с людьми. Иона Эммануилович требовал, чтобы документы ему докладывали начальники отделов или непосредственные исполнители. При этом проверял, насколько и начальник, и исполнитель знают существо дела, требования и причины, вызвавшие необходимость появления директивы, приказа, распоряжения.

Докладывавшего он никогда не прерывал, в ходе доклада не делал замечаний, а лишь записывал в блокнот возникшие вопросы и потом задавал их, уточнял, вносил свои поправки и, наконец, принимал решение. К командующему без стеснения и излишнего волнения шел работник любого ранга, не боясь, что вызовет нетерпеливый жест, недовольную усмешку или услышит грубый окрик.

Требуя от подчиненных глубоко продумывать поставленные задачи, Якир так же поступал и сам. Командуя, он сам учился, осмысливал накопленный опыт.

Я не помню случая, чтобы командующий перепоручил учение войск, полевую поездку начсостава, военную игру кому-либо из своих помощников. А ведь рядом с ним работали отличные специалисты военного дела: начальники штаба округа П. П. Лебедев и Д. А. Кучинский, начальник управления боевой подготовки С. А. Калинин, начальник оперативного отдела В. С. Сидоренко, его помощник В. П. Бутырский, наконец, его заместитель и боевой друг Иван Наумович Дубовой. Всех их Якир высоко ценил, всем доверял, но он должен был все видеть сам, во все вникать, быть всюду с войсками - в бою, на учениях, на отдыхе. Только при этом условии, по его глубокому убеждению, можно было руководить частями и соединениями, нести полную ответственность за их подготовку и наиболее разумно использовать знания и опыт подчиненных.

Учения, которые проводил Якир и его штаб, всегда были целеустремленными: бывало, откинет командарм свою красивую голову, прищурит глаза и, будто сам себе, скажет:

- Нам не нужны учения ради учений... Отбыть номер и доложить об исполнении - для этого большого ума не требуется. Нет, каждый боец и командир за эти дни, потопав и изрядно попотев, должен вырасти и почувствовать, что он вырос. Ведь учимся не для отчетов.

С одинаковой тщательностью отрабатывались все виды боя, даже отступление, или, как мы предпочитали говорить тогда, «отход на заранее подготовленные позиции». Некоторые начальники уклонялись от отработки такого «крамольного» вида боя, опасаясь, как бы их не обвинили в трусости или в других смертных грехах. Якир не боялся слова «отступление» и требовал от командиров выдержки, смекалки, инициативы - при неудачах в особенности. В 1941 году, находясь на фронте, я часто думал: как бы пригодилось офицерам и генералам Красной Армии тщательное изучение и этого вида боя! Но, к величайшему сожалению, к началу войны многих командиров, имевших всесторонний опыт, уже не было. Зато те ученики Якира, которые уцелели, воевали храбро и умело, справедливо заслужив правительственные награды и высокие воинские звания.

Войска Украинского военного округа не жалели сил на учениях: устраивали завалы в лесах и на дорогах, прикрывали их хорошо замаскированными огневыми средствами, на открытой местности оборудовали минные поля, отрывали противотанковые рвы, преграждали пути движения танков «противника» надолбами и искусственными болотами. Поэтому действия подразделений, частей и даже соединений приобретали решительный, подлинно боевой характер.

Большое значение командарм Якир придавал обороне пограничной полосы, где строились долговременные железобетонные укрепления. В этой полосе было проведено много учений. В результате каждый командир хорошо знал местность и роль своего соединения по мобилизационно- оперативному плану. Во время сборов начальствующего состава округа командир дивизии вместе с командирами полков, батальонов и дивизионов выезжал в «свой» район и там проводил тренировки.

Иногда учения проводились совместно с войсками или с участием начальствующего состава других округов. После одного из таких учений запомнилось мне выступление командира 74-й стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа Веревкина-Рахальского. Поблагодарив нашего командующего за науку, он откровенно и чистосердечно сказал:

- У нас занятия, к сожалению, не так динамичны, менее продолжительны, а действия большей частью разыгрываются на картах. На ваших учениях мы мало спали, не всегда вовремя ели и очень уставали. Зато мы многому, очень многому научились. Большое вам спасибо!..

Такой отзыв представителя другого округа всех нас обрадовал. А Иона Эммануилович хитро посмотрел на нас, штабных командиров, и едва заметно покачал головой: похвала, мол, дело хорошее, но не зазнавайтесь и не думайте, что всего достигли - впереди еще много труда.

Мы любили Иону Эммануиловича за его исключительную тактичность. Случалось, что тот или иной командир принимал во время занятий неправильное решение и попадал подчас в очень неприятное, даже в смешное положение. Щадя самолюбие оплошавшего командира, товарищ Якир всегда находил способ помочь ему избежать язвительных острот. Подражая своему командующему, и мы старались быть тактичными и сдержанными по отношению друг к другу.

Как-то командир кавалерийского корпуса Н. Н. Криворучко, человек очень способный, решительный, но не в меру горячий и нетерпеливый, в ходе учений принял явно неправильное решение. Иона Эммануилович мог бы указать Криворучко на его ошибку, но поступил иначе. Обратившись к командиру 9-й кавалерийской дивизии К. П. Ушакову, он спокойно спросил:

- Представьте себе, товарищ Ушаков, что вы спите и все, что сейчас происходит, видите во сне. Как бы вы поступили, проснувшись?

Ушаков сообразил, в чем дело, и вполне серьезно ответил:

- Я бы, товарищ командующий, прежде всего сказал бы себе, что видел неважный сон. - И после небольшой паузы

дипломатично добавил: - Видимо, я не очень ясно, путано доложил комкору обстановку. Разрешите доложить ее снова?

- Ну что ж, докладывайте, - согласился Якир.- Тогда товарищ Криворучко, конечно, сможет принять правильное решение.

Криворучко все понял и был благодарен Якиру и Ушакову за товарищескую «выручку».

Часто командующий посылал командира одной дивизии проверять другую, соседнюю.

- И товарища проверите, и сами ума наберетесь,- обычно говорил он, но при этом требовал, чтобы проверка не была формальной и недостатки не просто фиксировались, а устранялись на месте.

В 1932 году меня направили проверить 15-ю Сивашскую стрелковую дивизию, которой командовал В. В. Тарасенко. Как я и предполагал, дивизия показала отличные и хорошие результаты по всем видам боевой и политической подготовки, кроме... стрелковой. Я мог бы констатировать этот недостаток в докладной записке и уехать, считая проверку законченной, но знал, что это не удовлетворит командующего, и стал выяснять причины.

Оказалось, что новое стрельбище было только что оборудовано и части не успели еще устранить недоделки. Стрельбище имело большой уклон по директрисе, и мишени были поставлены на высоких кольях, а от этого между ними и землей образовался большой зазор, что, конечно, мешало стрелкам правильно брать прицел.

- Что ж, дорогие товарищи, - сказал я командирам,- сделаем, как требует командующий: сначала все исправим, а потом уж и поеду.

Якир и сам подавал пример делового подхода к выявленным недостаткам.

В тридцатые годы в армии увлекались стрельбой из пулемета «максим» с закрытых позиций и через голову своих войск. Этим искусством обязаны были владеть все - от командира пулеметной роты до командира дивизии включительно. Но загруженные множеством служебных обязанностей, мы, старшие начальники, почти не тренировались. И со мной произошел конфуз.

Только что закончился первомайский парад войск харьковского гарнизона. У всех было приподнятое, праздничное настроение. И вот тут-то меня подозвал к себе Якир и спросил, когда дивизия выходит в лагеря и начнет нормальные занятия. Я ответил, что на это потребуется неделя.

- Значит, через семь дней я приеду к вам. Проверю стрелковую и физическую подготовку, - улыбнувшись, сказал

командарм.

- Товарищ командующий, вы же знаете, что в территориальных дивизиях в перерыве между сборами остается только младший комсостав да немного красноармейцев з хозяйственных взводах. И те работают на складах, несут караульную службу... Нельзя ли отложить проверку хотя бы на две недели? - стал упрашивать я.

- Нет, время дорого, откладывать нельзя.

- Слушаюсь!

И он приехал ровно через семь дней. Конечно, результаты проверки оказались неудовлетворительными. Я пал духом, но Якир, ни в чем не упрекнув меня, неожиданно переменил разговор:

- Товарищ Лукин! Вот вам пулемет, вот база. Обстреляйте цель вон за тем бугром.

Я был настолько расстроен, что скоропалительно ответил:

- Товарищ командующий! Командир двадцать третьей дивизии Лукин стрелять из пулемета с закрытых позиций не может.

- Так, так... Когда же командир дивизии сможет стрелять?

- Через месяц...

- Хорошо!

Якир молча кивнул головой, повернулся и отошел. Перед отъездом Иона Эммануилович собрал командный состав и неторопливо, спокойно, будто вел задушевную беседу, сказал примерно следующее:

- Товарищи! Есть у меня один приятель, Михаил Федорович. Да вы все его знаете, вот он, это ваш командир дивизии. Я его уважал и был уверен, что он по-настоящему занимается боевой подготовкой частей. А что же оказалось? Успехи, видимо, вскружили голову Михаилу Федоровичу, он зазнался, вас и себя распустил. И берет меня сомнение: как дело пойдет дальше? Ведь ваша дивизия не обычная, на сборах развертывается в корпус, а успехов у вас что-то не видать. Так вот, я решил посоветоваться с вами: теперь мне снимать товарища Лукина или подождать до осени и посмотреть, на что он способен?

Все присутствующие в один голос заявили, что дивизия не подведет округ и, как прежде, снова добьется под руководством Лукина хороших и отличных показателей.

Якир сосредоточенно, с затаенной улыбкой и добрыми искорками в глазах слушал выступления участников совещания и в заключение сказал:

- Ну что ж, как говорят, глас народа - глас божий,- и неожиданно весело рассмеялся, отчего у всех отлегло от сердца. -

На этом и покончим. Осенью опять приеду и проверю. Надеюсь, что вы свое слово сдержите.

Провожая командующего и члена Военного совета Г. Д. Хаханьяна, я не удержался и спросил:

- Зачем же было, товарищ командующий, стыдить меня перед моими подчиненными? Уж поругали бы с глазу на глаз...

Якир повернулся к Хаханьяну:

- Вы слышали, как все вступились за своего комдива? Прямо ощетинились! Это хорошо, очень хорошо. Ну а вам, Михаил Федорович, - обратился он ко мне, - могу популярно объяснить. Исправлять положение можно по-разному: одного поощрить, другого наказать, но не в этом главное. Главное в том, что ваши командиры не попытались загородиться вами, а почувствовали и свою личную ответственность. У всех задето здоровое самолюбие. Теперь я уверен, что двадцать третья дивизия добьется хороших результатов. Желаю успеха!..

После отъезда Якира и Хаханьяна я долго раздумывал над этими словами. Было в них что-то необычное. Приказать, отругать, снять - все это было во власти командующего. А он искал пути к человеческим сердцам, старался натолкнуть нас, чтобы мы взглянули сами на себя критически, как бы со стороны, и сами же сделали необходимые выводы.

Свое слово мы сдержали. Через несколько месяцев, осенью, дивизия показала, что ко всем видам боя подготовлена отлично. И командиры не только уверенно и грамотно управляли подразделениями и частями, а и сами стреляли вполне удовлетворительно. Неплохо стрелял и я. Командарм специальным приказом отметил высокую выучку многих командиров, а меня наградил золотыми часами. Эти часы я берегу и поныне. Иногда беру их в руки, разглядываю и переношусь мыслью к тем, уже далеким, дням...

Тогда быстро развивалась авиация, и Якир настойчиво учил войска взаимодействовать с военно-воздушными силами. Он часто устраивал так называемую воздушную поездку: сажал сухопутных начальников в самолеты и вылетал с ними в определенные районы. Он добивался грамотного использования авиации, нанесения ею массированных ударов по наиболее важным объектам. Мы, конечно, с трудом привыкали к полетам, тем более что летали не в роли пассажиров, а с конкретными заданиями: определить с воздуха огневые позиции для артиллеристов, возможные места сосредоточения крупных мотомеханизированных частей, наиболее выгодные пути подхода и развертывания войск. В общем, в воздухе мы должны были ориентироваться так же, как на земле.

Но этого было мало. Якир старался нас и «оморячить». Поэтому с воздуха мы часто попадали на морские просторы, на совместные игры начальствующего состава округа и Черноморского флота, которым в то время командовал герой гражданской войны Иван Кузьмич Кожанов. На этих учениях мы знакомились с действиями военно-морского флота, а моряки учились взаимодействию с сухопутными частями.

Сначала некоторые ворчали: «Чего это нас купают в море?» Но скоро мы убедились, насколько прав был Якир, заставляя «оморячиваться». Отрабатывалась как-то посадка и высадка десанта. Предстояло быстро погрузить огневые средства десантных войск. Но куда грузить? Этого толком не знали ни мы, ни моряки. Артиллерию и пулеметы буквально запихали в трюмы кораблей. И сколько же времени пришлось потом потратить и как помучиться при высадке! Пошли в ход домкраты, канаты, доски... А дорогие минуты уходили безвозвратно. Понятно, морякам досталось от Кожанова, а нам от Якира.

Командующий был с нами везде - и в поле, и на кораблях, и в самолетах, и на отдыхе.

Разбора учений или игр мы всегда ждали с нетерпением. Якир подробно разбирал действия войск, тщательно анализировал поведение командиров, часто называя их не по фамилиям и должностям, а по имени и отчеству. Когда командир дивизии, полка или батальона слышал свое имя и отчество, он невольно настораживался: а что последует дальше? Похвалит командующий или покритикует? А он и критиковал сдержанно, тактично. Только когда упоминал нерадивых или бездельников, едва заметно хмурил брови, на лице его появлялось строгое и вместе с тем страдальческое выражение.

Стоило понаблюдать за Ионой Эммануиловичем, обратить внимание на его взаимоотношения с подчиненными, и становилось ясно, что в основе этих взаимоотношений лежит его любовь к людям, доверие к ним. Нередко, несмотря на возражения штаба, он выдвигал наиболее способных на высшие должности или переводил в другие, отстающие части. А через некоторое время, вспомнив об отличившемся командире, спрашивал:

- Товарищ Лукин! А где теперь командир роты, помните, такой белесый, невысокий, на дивизионных учениях показал отличную маскировку?..

- Товарищ командующий, так вы же забрали его у меня, и теперь он командует батальоном в другой дивизии.

- А-а... Ну, это хорошо. Был на роте, получил батальон, разве плохо?

- Вы у меня, товарищ командующий, недавно забрали лучшего командира батареи. - И я называл фамилию.

- Того, что удачно расположил орудия и действовал очень энергично? Худощавый, черноволосый? Молодец! Поздравьте его, он уже командует дивизионом в хозяйстве Полякова.

Я огорченно вздыхал:

- Самых лучших вы отдаете товарищу Полякову.

- Не печальтесь, Михаил Федорович, растите новых, таких же толковых. А Полякову надо давать лучших, ведь его дивизия стоит у самой границы. Ну как, согласны?

Я умолкал, так как соглашался: действительно, Полякову нужны наиболее подготовленные, инициативные, самостоятельные люди.

Иона Эммануилович Якир пользовался большой популярностью не только в войсках, но и среди населения. Он использовал всякую возможность поговорить с людьми. Встретит в поле колхозников - обязательно расспросит о житье-бытье; увидит председателя колхоза или сельсовета - спрашивает о видах на урожай, о состоянии конского поголовья, о стоимости трудодня. Сам выскажется, что и как, по его мнению, следует делать. И что-то запишет в книжечку, чтобы не забыть поделиться своими впечатлениями и соображениями с членами Политбюро ЦК Компартии Украины.

После каждого учения он обязательно знакомил командный и начальствующий состав с заводами, фабриками, рудниками, даже заставлял спускаться в шахты. Во время этих экскурсий мы получали представление о промышленности и сельском хозяйстве округа, лично знали многих директоров предприятий, председателей колхозов, партийный актив. Это, несомненно, повышало нашу ответственность и неразрывно связывало военную службу со всей жизнью страны. Как правило, на учения приглашались члены правительства УССР и секретари ЦК КП(б)У, секретари обкомов и руководители оборонной промышленности.

В 1936 году мне пришлось расстаться с И. Э. Якиром - меня назначили комендантом города Москвы. Но как только Иона Эммануилович приезжал в столицу - то ли в Наркомат обороны, то ли на очередной пленум ЦК партии (ведь он был кандидатом, а потом членом ЦК партии), мы встречались и вспоминали месяцы и годы совместной работы.

Последний раз я видел Иону Эммануиловича в Москве в мае 1937 года, незадолго до его незаконного ареста. Что-то тревожило и томило Якира: он казался неимоверно усталым. На Киевском вокзале, чтобы как-то рассеять подавленное настроение Якира, я спросил его, скоро ли он возьмет меня обратно к себе на

Украину. Иона Эммануилович тяжело вздохнул, неопределенно пожал плечами и ответил так, что у меня сжалось сердце:

- Эх, Михаил Федорович, что об этом говорить... - И неожиданно предложил: - Зайдемте в вагон, посмотрим лучше фотографии моего Петьки и жены.

Он очень любил жену, обожал сына и, разглядывая их фотографии, как-то отвлекался от одолевавших его тягостных мыслей.

До отхода поезда мы говорили о всякой всячине, расспрашивали друг друга о семьях, о здоровье, но не касались главного, что волновало нас обоих: что же происходит, почему арестовываются и бесследно исчезают люди, которых мы знали как отличных боевых командиров и преданных коммунистов? Об этом было тяжело не только говорить, но и думать.

Арест командарма 1 ранга Якира поразил меня как внезапный удар грома среди ясного солнечного дня. Разве мог я поверить в то, что он - шпион, враг?! Видимо, в это не верили и те, кто санкционировал арест и расправу над ним - скорую, позорную и несправедливую. Поэтому выискивали новые и новые «материалы», чтобы как-то оправдать свои действия.

В 1938 году меня назначили начальником штаба Сибирского военного округа, в связи с чем пригласили в ЦК партии. Беседовал со мной кто-то из помощников Маленкова. Закончив разговор о моем новом назначении, он протянул мне пачку чистой бумаги и предложил:

- Вот вам бумага, вот перо, опишите вражескую деятельность Якира. Ведь вы с ним работали много лет. Встретимся через два часа.

Я отодвинул в сторону бумагу и в горестной задумчивости просидел без движения полтора-два часа. Я любил Якира, верил ему и не мог отыскать в его жизни и работе ни малейшего пятнышка.

Когда «кадровик» снова появился в кабинете и увидел нетронутые листы бумаги, он недовольно спросил:

- Почему вы ничего не написали?

- Потому что мне нечего писать. О Якире ничего плохого сказать не могу.

- Так, - многозначительно протянул «кадровик». - Ну что ж, можете идти.

Много лет отслужено в Советской Армии. Мне восьмой десяток. Нахожусь в отставке. Но работаю в Комитете ветеранов войны, выполняю общественные и партийные поручения. И всегда, когда мне приходится выступать перед молодежью или перед новым поколением офицеров, я вспоминаю Иону

Эммануиловича Якира - талантливого военачальника, коммуниста по сердцу и совести, заботливого человека и умного учителя.

Такого забыть нельзя!

Я БЫЛ У НЕГО „ПОДРУЧНЫМ" А. И. Гастилович

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК А. И. Гастилович

Весной 1931 года, закончив в Москве Академию имени Фрунзе, я получил назначение на Украину, на должность начальника оперативного отделения штаба 45-й дивизии, той самой дивизии, которую в годы гражданской войны создал Якир и прошел с ней большой победный путь. Я был полон энергии. Знания, полученные в академии, хотелось поскорее применить на деле, так что любое задание командования было для меня не только приказом, но и экзаменом.

Ранней осенью дивизия готовилась к большим учениям по теме «Марш и развертывание для боя». На мою долю выпало разработать план учения. И я взялся за дело с большой охотой, тем более что надеялся встретиться с Якиром, о котором наслышался много хорошего.

- А может быть, он и не приедет на учения? - сказал я как-то одному из работников штаба.

- Что ты! - удивился тот. - Такого еще не бывало! Будет, обязательно будет!

Конечно, Иона Эммануилович приехал.

По ходу учения колонны дивизии проходили невдалеке от командного пункта. Я выехал верхом (автомашин в то время у нас было мало) проверить марш двух стрелковых полков и через некоторое время, убедившись, что все в порядке, вернулся, соскочил с коня и неожиданно столкнулся с товарищем Якиром. Представился ему по всем правилам, а он, перебив, воскликнул:

- Очень хорошо! Вас-то мне и нужно!

Из нескольких его замечаний я понял, что данные, имевшиеся в штабе дивизии, не удовлетворяют командующего из-за отсутствия многих деталей. Он потребовал:

- Доложите обстановку. Да поподробнее. Внимательно выслушав мой доклад, неожиданно спросил:

- А откуда вы знаете все это?

- Только что проехал по всем колоннам по ходу движения и обратно. Как говорится, по шерсти и против шерсти.

Это выражение, видимо, понравилось Якиру, и он с улыбкой переспросил:

- Говорите, не только по шерсти, но и против шерсти?

- Так точно, товарищ командующий.

- Ну, тогда спасибо. Только так и надо проверять. Желаю

успеха!

Якир уехал, а я еще долго глядел ему вслед. Мне все понравилось в командующем: и открытый прямой взгляд, и простота обращения, исключавшая всякую казенщину и сухость, и легкий юмор, с которым он воспринимал отдельные факты, и та оценка, которую он им давал. И уж, во всяком случае, я твердо убедился, что поступил правильно: личная проверка - важнейший метод работы штабного командира.

Видимо, Якир не забыл нашу первую встречу. В ноябре того же, 1931 года меня перевели в оперативный отдел штаба Украинского военного округа на должность помощника начальника отделения, а затем назначили заместителем начальника отдела.

Теперь мне приходилось чаще встречаться с командующим, особенно на учениях и военных играх. Все мы восхищались его методическим мастерством и старались перенять у него многие приемы, которые впоследствии нам очень пригодились.

...Идет военная игра. Все ее участники сосредоточенно выполняют свои обязанности. Иона Эммануилович внимательно наблюдает за работой и внешне ничем не выражает своего отношения к нашим действиям. Но вот кто-то, как показалось командующему, отвлекся и упустил важные данные. Внезапно, в наиболее острый момент розыгрыша, Якир негромко говорит:

- Так вы (называет по имени и отчеству), оказывается, старый приятель нашего командующего армией, вместе учились с ним в академии... Это весьма кстати. У вас и знания одинаковые, и личное знакомство. Неплохо, не так ли?.. Вы только что приехали к своему приятелю как представитель штаба фронта, подробно ознакомились с обстановкой и решением командующего армией. Это решение, предположим, произвело на вас большое впечатление и вы откровенно говорите своему другу... Да, так что же вы ему говорите?..

Наступила небольшая пауза. Командир, к которому обратился Якир, начал отвечать невпопад. Иона Эммануилович слегка прищурил глаза, покачал головой и посоветовал:

- А вы не спешите, подумайте... Представитель фронта должен помочь умным, толковым советом и, если нужно, поправить своего товарища... Подумали? Хорошо. Так что же вы все-таки сказали бы ему?.. Вот, вот, правильно, видно, не зря вас учили в академии. Благодарю вас...

Командир, ободренный командующим, с повеселевшим лицом садился на свое место.

Якира очень увлекала динамика боевых действий. И хотя игра шла на картах, он оживлялся и загорался так, словно видел

перед собой не условные обозначения, а реальные войска, которые передвигались, перестраивались, вступали в бои, форсировали водные преграды, несли потери, обманывали противника и наносили ему чувствительные удары. А для того чтобы не упустить деталей, делалось так.

Рядом с Якиром, справа и слева, садились два офицера оперативного отдела штаба. Иона Эммануилович поручал им в ходе розыгрыша наносить на его карту вводные, которые он излагал устно, отмечать действия частей и соединений и последовательно обозначать результаты. Изредка бросая взгляд на карту, командующий как бы проверял самого себя и других и более отчетливо представлял себе, что происходит в каждый данный момент на том или ином участке «фронта».

В числе таких помощников при командующем, или, как их называли в шутку, подручных, мне приходилось бывать много раз.

Подручные обязаны были внимательно следить за ходом военной игры и краткими записками напоминать Ионе Эммануиловичу об изменениях обстановки, о возникавших острых и опасных моментах - короче, обо всем, что требовалось безотлагательно доложить командующему. Увидев перед собой новый белый листочек, Иона Эммануилович быстро пробегал его глазами и продолжал вести игру. Бывало, что в записке ничего нового, ценного не было, и она отодвигалась в сторону. Но если уж в ходе игры сигнал подручного находил хоть какое-то отражение в действиях командующего, мы чувствовали себя польщенными: не зря, значит, трудились.

На учениях, проводившихся на местности, Якир вникал во все мелочи, так как считал, что в военном деле мелочей нет. Но лично поспеть всюду он не мог физически, поэтому использовал метод взаимной перекрестной проверки, причем старался сделать ее незаметной для проверяемого - не с целью «подловить» его на чем-то, а чтобы получить более полную и объективную информацию. Командующий не хотел ущемлять самолюбие подчиненных, лишний раз дергать и нервировать их. Нередко он вызывал штабного командира и не то что приказывал, а как бы советовал:

- Садитесь-ка, друже, в машину и проверьте, как идут дела в этом соединении. Там сейчас всем заправляет товарищ такой-то. - И затем доверительно добавлял: - Вы ведь лучше меня знаете его сильные стороны и промахи. Поэтому, прошу вас, проверьте, пожалуйста, все внимательнее, но только так, чтобы этого товарища не смущал ваш вид контролера. Вам понятно?

- Так точно, понятно.

- Ну, тогда поезжайте, а когда вернетесь, расскажете мне, как там дела идут. Буду ждать.

Случалось, что и ко мне являлся кто-либо из работников штаба округа, интересовался постановкой работы, расспрашивал, смотрел документы. Но все это делал ненавязчиво, без инспекторского гонора, а просто, по-дружески. Я понимал, что это Иона Эммануилович прислал проверяющего, и был спокоен: командующий получит подробный и объективный доклад.

Заботясь о подборе и выращивании кадров, командующий не столько доверялся анкетам, письменным характеристикам и аттестациям, сколько практическим делам, лучше всего характеризовавшим человека. И того, кто проявил себя на деле, Иона Эммануилович помнил и заботился о его дальнейшем росте.

В 1935 году меня вызвал начальник штаба округа комдив Кучинский.

- Командующий поручил поговорить с вами, - начал он. - Товарищ Якир считает, что у вас уже накопился достаточный опыт работы в оперативном отделе, и находит полезным для вас проверить свои силы на службе в войсках. Ну, например, покомандовать некоторое время полком... Как вы смотрите на такое предложение?

Такой совет пришелся мне по душе. Раньше я командовал не больше как батальоном. Практика в командовании полком давала возможность пополнить знания. И конечно, я без долгих размышлений согласился с предложением Ионы Эммануиловича. Уехал в полк и командовал им полтора года. Нет нужды говорить, насколько полезным это оказалось.

А потом раздался звонок из штаба округа:

- Согласны поехать учиться в Академию Генерального штаба?

Я даже растерялся от неожиданности: меня посылают в такую академию! Жаль было расставаться с полком, но манила и перспектива учебы. Конец моим колебаниям положила короткая реплика работника отдела кадров штаба округа:

- Список кандидатов составлял лично товарищ Якир...

В академии установился тогда замечательный обычай: известные знатоки оперативного искусства и опытные методисты, служившие в войсках, нередко приезжали читать слушателям лекции и проводить занятия на картах. Такие занятия вызывали у слушателей живейший интерес, так как их проводили боевые командиры, прославленные герои гражданской войны - командующие военными округами, руководящие работники Наркомата обороны и другие крупные военачальники. Большой популярностью пользовались занятия, которые проводили командармы 1 ранга И. Э. Якир и И. П. Уборевич.

К сожалению, с нашей группой Ионе Эммануиловичу заниматься не пришлось. Но товарищи из других учебных групп с восхищением отзывались о его занятиях. Их восхищение было мне понятно, так как о мастерстве Якира как методиста и военачальника я хорошо знал.

Однажды повстречался с ним в академии. Точнее, он сам «поймал» меня на лестнице.

- А, вот вы и попались, дорогой товарищ!.. Ну-с, Антон Иосифович, рассказывайте...

Он обнял меня за плечи и долго прохаживался со мной по коридорам, интересовался жизнью и постановкой учебы в академии, выяснял, что слушателям нравится, а что им не по душе, что бы они хотели узнать, с чем познакомиться... Расспрашивал и о семье, о быте. Я еще раз убедился, сколько чуткости и любви к людям в душе этого человека.

Летом 1937 года все мы, слушатели Академии Генерального штаба, были потрясены неожиданным, как с неба свалившимся, процессом над Якиром, Уборевичем, Тухачевским и другими видными военачальниками. В голове не укладывалось, чтобы эти люди, коммунисты, храбро, не жалея крови и жизни воевавшие с врагами Советской власти, а в послевоенные годы все силы отдававшие укреплению обороны социалистической Родины, сами оказались в стане наших врагов. Вопросы - один острее другого - мучили нас. Сознание не мирилось с чудовищными официальными сообщениями.

Не было забыто, что и я работал под руководством Якира, - значит, замешан во вражеской деятельности!

Сразу же после процесса от меня потребовали письменное объяснение о своей службе с «врагом народа» Якиром. Больше того, мне предъявили обвинение во вредительстве при постройке укрепленных районов на западных границах СССР.

Формальным поводом для предъявления такого нелепого, фальсифицированного обвинения послужило то обстоятельство, что я, работая в штабе округа, не только часто бывал «подручным», но и неоднократно назначался И. Э. Якиром председателем комиссии по приему ротных и батальонных районов обороны с долговременными огневыми точками. Иона Эммануилович, как всегда, требовал все объекты проверять придирчиво, тщательно. Комиссия иной раз обнаруживала недостаточно хорошо оборудованные огневые точки, неумелое их расположение на местности, технические недостатки, небрежности. Все эти факты строго учитывались, а потом докладывались командарму письменно.

Товарищ Якир не оставлял без внимания ни одного случая

недоделок и немедленно отдавал распоряжения устранить их. Через некоторое время ту же комиссию, которая обнаружила недостатки, командующий вторично посылал проверять, все ли сделано, что и как исправлено. При этой вторичной проверке мы по указанию Ионы Эммануиловича снова документировали замечания, оценки, выводы. Командарм знал, что оборонительные сооружения должны строиться тщательно, потому и требовал скрупулезно учитывать все работы по укреплению западных границ.

Специальная комиссия партийной организации Академии Генерального штаба выезжала на место для рассмотрения этой документации и, на мое счастье, убедилась во вздорности предъявленных мне обвинений. А Ионы Эммануиловича уже не было в живых...

Как часто я вспоминаю тридцатые годы!

Штаб военного округа... Я докладываю командующему оперативные материалы, записываю его указания, выезжаю в войска, возвращаюсь и снова докладываю. Иона Эммануилович слушает, слушает так внимательно и сосредоточенно, будто хочет наглядно представить себе, как в действительности живет и учится этот полк, дивизия, и одновременно старается убедиться, что я, представитель штаба округа, ничего не упустил, все досконально проверил и теперь со спокойной совестью могу сказать: «Эта часть к бою готова!..»

А потом брожу со своим любимым командующим по коридорам Академии Генерального штаба, слышу его негромкий спокойный голос: «Ну-с, рассказывайте...» И заново переживаю боль утраты...

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ХТЗ. Р. Я. Терехов

В Политбюро ЦК КП(б)У, в состав которого одно время входил и я, товарищ Якир играл заметную роль. Вообще он был человеком очень скромным и даже стеснительным. Но если обсуждались важные вопросы или надо было взяться за трудное дело, Иона Эммануилович становился решительным и принципиальным, никогда не отказывался ни от какого задания, даже, если оно не имело, казалось, к нему - военному человеку - никакого отношения.

Мне вспоминается решение ЦК - на Харьковском паровозостроительном заводе сконструировать и изготовить новый танк БТ.

Задание было не из легких, так как для изготовления танка пришлось кооперировать многие предприятия Украины и дать им очень жесткие сроки поставки деталей. Первые три танка должны были участвовать в первомайском параде войск на Красной площади в Москве.

Контроль за исполнением этого задания Центральный Комитет возложил на Харьковский обком партии и лично на товарища Якира. Надо было видеть, с каким энтузиазмом он взялся за работу, какую приложил энергию и инициативу. Все время, свободное от прямых обязанностей командующего войсками округа, он проводил на заводах, в цехах, в конструкторских бюро, связывался по телефону с предприятиями, задерживавшими поставки важнейших деталей и узлов, просил, требовал, настаивал, советовал, приказывал.

И вот наконец мы мчимся с Якиром в танке из Харькова в Чугуев. Мотор гудит, ветер, рассекаемый броней, мечется и свищет. Двигатель, управление, гусеницы, башня - все действует хорошо. Лицо Ионы Эммануиловича отражает радость, удовлетворение...

Перед отправкой танков в Москву на заводе состоялся многолюдный митинг. Доклад сделал директор ХПЗ Владимиров, а после него выступил Якир. Он выразил горячую благодарность рабочим и инженерно-техническому персоналу завода за самоотверженный труд, увенчавшийся успехом.

- Красная Армия получает новые танки. Это значит, что мы становимся сильнее. В руках советских воинов эти машины будут действовать лучше и дольше своих технических возможностей. Большое вам спасибо!..

Он снял фуражку, поклонился народу, рабочему классу, и закончил речь под гром аплодисментов и крики «ура».

Первого мая 1932 года наши танки прошли через Красную площадь, своим внешним видом и скоростью удивив всех участников парада. Я оторвал на миг взгляд от мчавшихся по брусчатке танков, посмотрел на Иону Эммануиловича. Глаза его лучились, лицо раскраснелось, и весь он был наполнен неописуемой радостью.

Ныне мало кто знает, что и строительство Харьковского тракторного завода многим обязано И. Э. Якиру.

Дело было так. Завод мы начали строить в первой половине 1930 года, но вскоре строительство застопорилось, и его пришлось временно законсервировать: не хватало рабочей силы. Что делать, где взять людей, как справиться с неожиданными трудностями? Все это волновало Харьковскую партийную организацию.

Однажды Иона Эммануилович пришел ко мне в обком партии и решительно сказал:

- Товарищ Терехов, ставь перед Цека вопрос о том, чтобы возобновить строительство тракторного завода.

Я удивленно взглянул на него:

- Ты же знаешь, Иона Эммануилович... Но он не дал мне договорить:

- Все обдумано, Роман Яковлевич. Наша армия - это же наш народ. Если округ будет ежедневно направлять на стройку тысячу красноармейцев, этого хватит, чтобы работа пошла?

Действительно, предложение Якира давало возможность возобновить строительство, но мы неясно представляли себе, что, где и как будут делать воинские подразделения. Тогда Иона Эммануилович вместе с одним инженером из автотракторной колонны и с группой работников Тракторостроя засел за изучение обстановки на строительстве и за технические расчеты, после чего мы подготовили решение обкома и определили, как будут использоваться воинские части. Начальник Тракторостроя П. И. Свистун, второй секретарь Харьковского горкома партии Я. З. Пахомов и другие товарищи вместе с Якиром разработали график присылки красноармейцев на строительную площадку.

Однако сомнения не покидали нас: а не останется ли график только благим пожеланием? Ведь одно дело - рабочие, получающие зарплату, другое дело - красноармейцы, не имеющие такого стимула в работе.

Но Иона Эммануилович развернул в частях большую партийно-политическую работу и заразил «строительной горячкой» командиров и красноармейцев. Во всяком случае, на

работу они шли с охотой, с песнями, трудились на совесть и старались опередить друг друга.

Утром работники обкома и Якир выезжали сами на стройку, следили за расстановкой людей, проверяли, как работают красноармейцы. Зачастую вместе с Якиром на строительстве бывал и начальник политуправления округа Г. Д. Хаханьян.

Как-то к Ионе Эммануиловичу подошел молодой светловолосый красноармеец:

- Товарищ командующий, разрешите обратиться.

- Пожалуйста, обращайтесь, - ответил Якир. Красноармеец пожаловался, что их часть плохо используется на стройке.

- На некоторых участках даже рекорды ставят, - сказал он, - а мы, бывает, больше простаиваем, чем работаем.

- Почему? - спросил Якир.

- Не знаю, товарищ командующий. Наверно, настоящего порядка нет.

Во время этой беседы подошли еще несколько красноармейцев и наперебой заговорили:

- Правильно... Нехорошо получается... Ведь колхозники ждут тракторов. Товарищ командующий, поднажмите на прораба.

Якир с признательностью, пожал руку светловолосому парню и, обратившись ко всей бригаде, громко сказал:

- Спасибо вам, товарищи, за честное отношение к труду. Ваши замечания правильны. Сейчас же примем меры.

На стройке был объявлен поход за полную загрузку рабочего времени. Через несколько дней секретарь партийной организации стройки товарищ Потапченко доложил обкому, что простои на стройке полностью ликвидированы.

С помощью воинских частей Харьковский тракторный завод был построен в рекордно короткий срок - за пятнадцать месяцев. А если сбросить время консервации - три месяца, - то можно считать, что завод вошел в строй ровно через год.

1 октября 1931 года из цехов ХТЗ, торжественно гудя моторами, вышли первые тракторы.

На митинге, посвященном пуску завода, директор товарищ Свистун прямо заявил:

- Мы должны признать, что основная роль в успехе строительства завода принадлежит не только рабочему коллективу, но и обкому партии и лично товарищу Якиру. Военные люди с их дисциплиной и организованностью, с поразительным единодушием и сознательностью оказали Тракторострою огромную помощь. Разрешите передать славным воинам Красной Армии наше пролетарское спасибо.

Примечательна и такая подробность. Строители очень

нуждались в экскаваторах, на площадках их не хватало. А экскаваторы тогда у нас не производились, мы покупали их в Соединенных Штатах Америки.

Один харьковский рабочий - изобретатель в маленькой, плохо оборудованной мастерской, затерявшейся где-то между Харьковом и станцией Основа, брался изготовить отечественный экскаватор, о чем и сообщил обкому. У изобретателя уже были вчерне подготовлены рабочие чертежи, но они требовали инженерной проверки и квалифицированных технических расчетов.

Когда изобретатель пришел ко мне в обком, у меня в кабинете сидел Иона Эммануилович. Он загорелся этой идеей.

- Мы тебе поможем, дружище, - сказал он рабочему. - Это же замечательно!

Конечно, мы не оставили без внимания ценное предложение рабочего. Было ясно, насколько ускорятся темпы строительства, если мы будем располагать дополнительным парком экскаваторов. И тут Иона Эммануилович тоже оказал нам существенную помощь. Он прислал опытного специалиста, который вместе с изобретателем взялся за выверку и уточнение чертежей и расчетов. И Якир же позаботился, чтобы предоставить изобретателю все необходимое для работы.

Через четыре месяца было изготовлено 20 экскаваторов. Их с успехом использовали строители. Встречаясь со мной, Иона Эммануилович довольно улыбался:

- Вот что значит наш советский рабочий! Америку подковал!

Коммунисты Украины привыкли видеть в товарище Якире не только командующего войсками округа, то есть военного деятеля, но и одного из своих руководителей.

ШКОЛА ЯКИРА А. В. Горбатов

Герой Советского Союза Генерал Армии А. В. Горбатов

За плечами у меня и первая мировая война, и гражданская, и мирные годы первых пятилеток, и даже жизнь за границей - в 1945 году я был военным комендантом Берлина. Но где бы я ни бывал, самыми близкими и дорогими сердцу местами остаются Харьков, Киев, Проскуров, Чернигов, Шепетовка, Староконстантинов... Там, на Украине, я воевал за Советскую власть, приобретал командирский опыт, проходил школу командарма Якира. А школа эта была исключительно благотворной.

Все, кому приходилось служить под началом Якира, встречаться с ним и беседовать, слушать его указания и выступления, - все командиры, большие и малые, учились у него главному: видеть в своем труде высокую цель служения Родине и не только командовать, но и воспитывать людей.

Человек большого ума, такта и, я бы сказал, природного обаяния, Якир привлекал к себе всех. Высокий, статный, энергичный и неутомимый, он прямо-таки поражал нас глубокими знаниями в военном деле, умением разобраться в самой сложной обстановке и подсказать единственно правильное решение. Не удивительно, что многие были чуть ли не влюблены в Якира и старались подражать ему, его методике разбора учений, его манере общения с подчиненными.

К решению любого, даже самого маленького, вопроса он подходил как коммунист. Качества коммуниста и военачальника слились у него воедино. И чем больше приходилось с ним общаться, тем сильнее каждый убеждался в этом.

В годы гражданской войны я, как уже сказал, воевал на Украине - командовал кавалерийским эскадроном, полком, а потом Отдельной башкирской кавбригадой. И уже в то время много хорошего слышал о Якире. Говорили, что смерти он не боится, но зря под пулю голову не подставляет, красноармейцев бережет, заботится о них, и они платят ему тем же. Даже такие лихие рубаки, как Григорий Иванович Котовский, считались с мнением Якира.

Самому же увидеть Якира мне довелось значительно позже, в 1927 году.

Я командовал тогда 7-м кавалерийским полком и вместе с командиром дивизии был вызван в Киев, в штаб округа, на военную игру. Тут-то и увидел Якира.

Я изумился, как быстро он подмечал правильность или

ошибочность того или иного решения. Вот встает кто-то из участников игры, докладывает обстановку и свое решение. Якир очень внимательно слушает, а потом начинает задавать вопросы:

- Почему именно так и по каким данным вы оцениваете обстановку? Почему приняли это, а не иное решение? Учли ли состояние дорог, переправ? Подсчитано ли, сколько вам потребуется боеприпасов, продовольствия?..

Отвечая, докладывающий иногда нервничает, спешит. Якир просит не торопиться, пояснить, уточнить мысль - и снова терпеливо, внимательно слушает.

Говорил Якир просто, понятно, без всяких мудрствований, заботясь, чтобы у одних от похвалы не закружилась голова, а другие, действовавшие неудачно, не пали духом, не потеряли веры в свои силы.

Дословно высказываний Якира я теперь, конечно, не воспроизведу, но часто ход его рассуждений был таков:

- Вы, товарищ, приняли, по-моему, правильное решение, оно почти полностью оправдывается обстановкой. Однако посмотрим повнимательнее, все ли вы учли? Нет, не все. Давайте же разберемся, что еще осталось неучтенным, неиспользованным...

И начнет указывать на упущенное, подкреплять свои замечания убедительными доводами, аргументами, с которыми не согласиться нельзя.

Разбирая неудачные решения, Якир даже в них находил крупицы положительного, а затем предлагал другие варианты решения, приводил примеры из опыта прошлых войн и крупных операций и незаметно подводил командира к наиболее целесообразному решению.

Возвращаясь после игры в полк, я чувствовал, что получил новые знания, приобрел новый опыт.

Мне стало понятно, почему многие командиры очень неохотно соглашались уезжать в другие округа даже на выдвижение. Они отказывались от более высоких должностей не потому, что на Украине благодатный климат, а потому, что в Украинском военном округе создавал особый «климат» Якир. Каждый командир чувствовал, что здесь он растет, накапливает ценный багаж, что допущенные им ошибки будут тактично исправлены, а успехи не останутся незамеченными.

В нашем корпусе Червонного казачества командир 2-й кавалерийской дивизии Григорьев служил 12 лет, 1-й дивизией 13 лет бессменно командовал Демичев. По 7-8 лет не уходили со своих должностей командиры полков. А те, кому все же приходилось уезжать в другие округа (командующий постоянно заботился о выдвижении способных людей), старались при первой

же возможности вернуться «домой», к Якиру.

Осенью 1928 года я получил служебный отпуск и выехал в Одессу. Но на двенадцатый день отпуска неожиданно получил телеграмму от командира дивизии Григорьева с приказанием немедленно вернуться в полк. Недоумевая, что случилось, я собрался в дорогу и через два дня явился к комдиву.

- Не хотелось ломать ваш отпуск, - сказал Григорьев, - но ничего не попишешь. Через две недели начинаются большие маневры, так что сейчас уж не до отдыха. Придется вам потрудиться, Александр Васильевич. Вот, знакомьтесь с директивой...

Командующий войсками округа приказал выделить от нашей дивизии один кавалерийский полк, укомплектованный по штатам отдельного полка одной из зарубежных армий,

- Ваш полк будет вдвое больше обычного, - пояснил Григорьев. - До начала маневров осталось немного времени, так что спешите. Надо сформировать подразделения и предварительно провести несколько учений. Справитесь?

У нас в дивизии все полки возглавляли способные, опытные командиры, но я был старше их, в армии служил с 1912 года, прошел всю гражданскую войну. Было ясно, что Якир учитывает все это. И я ответил четко, без колебаний:

- Справлюсь, товарищ командир дивизии!

Со всем старанием я приступил к делу. На маневрах против полка должна была действовать 3-я кавалерийская дивизия, которой командовал Е. И. Горячев.

Перед первым столкновением с дивизией ко мне в полк прибыли нарком обороны и командующий войсками округа. Взглянув на меня внимательно, Иона Эммануилович спросил:

- Товарищ Горбатов, что вы знаете о противнике? Как оцениваете обстановку?

Мои ответы, как мне показалось, удовлетворили его, и он задал самый главный вопрос:

- Какое решение принимаете?

- Атаковать «противника»!

- Так, так, - неопределенно отозвался Якир, и я не понял, согласен он с моим решением или нет.

Перед самым началом действий Якир снова приехал в полк.

- Ну как, товарищ Горбатов, вы придерживаетесь своего решения и собираетесь атаковать? Или, может быть, хотите обороняться? Подумайте еще раз.

Я был озадачен: что кроется за этими словами командующего, критикует он меня или одобряет?

Еще раз проверил последние данные о 3-й кавалерийской

дивизии. Она двигалась двумя бригадными колоннами с интервалом 6 километров, и была полная возможность поочередно атаковать каждую бригаду. Зачем же мне обороняться, если есть возможность нанести «противнику» поражение!

- Ну как, товарищ Горбатов? - снова услышал я голос командующего. - Остаетесь при прежнем решении или измените его?

- Остаюсь при прежнем решении, - твердо ответил я, стараясь по лицу Якира угадать, доволен он или нет.

- Ну что ж, действуйте, - напутствовал он меня и ушел, а я так и не понял, как он относится к моему решению.

Вскоре мы внезапно атаковали походную колонну ближайшей к нам бригады. Атака оказалась удачной, посредники признали бригаду «разбитой», а комбрига плененным. Иона Эммануилович в присутствии наркома поздравил полк с первой победой, а потом, обратившись ко мне, с улыбкой сказал:

- Знаете, товарищ Горбатов, я все же сомневался, уверены ли вы в правильности своего решения.

Значит, с самого начала командующий одобрил мой замысел, но испытывал мою убежденность: хотел, чтобы его подчиненный учился мыслить и действовать самостоятельно, вырабатывал в себе волю и не боялся «не потрафить» начальству.

В последующие тридцать лет я, подражая Якиру, таким же способом проверял своих подчиненных. Это давало возможность выявлять слабонервных, нерешительных и вместе с тем приучало людей не ждать подсказки, тщательно анализировать обстановку, принимать обоснованные решения и твердо проводить их в жизнь.

Мой полк на этих маневрах действовал успешно. Командующий просил наркома назначить меня командиром бригады в 3-ю дивизию. Через несколько дней был получен приказ о моем новом назначении.

В хлопотах и заботах о боевой и политической подготовке частей незаметно бежали дни, недели, месяцы. Подошло время новой игры - на картах. На этот раз я играл за командира дивизии.

Выслушав доклад одного командира стрелковой дивизии, Якир, по своему обыкновению, никакой оценки сразу не дал, а предоставил возможность «еще раз подумать». Предположив, что командующий недоволен принятым решением, командир дивизии изменил первоначальное решение. На разборе Иона Эммануилович весьма неодобрительно отозвался об этом комдиве.

- Есть, к сожалению, у нас неустойчивые командиры. Примет такой командир правильное, обоснованное решение. Казалось бы, все хорошо, действуй! Однако стоит задать товарищу вопрос или спросить, почему он принял именно такое решение, а не иное, как он начинает колебаться и пытается угадать, чего хочет начальство. Видите, он уже думает о начальстве, а не о деле... В результате отменяет правильное решение и допускает ошибки. Не годится так, товарищи, не годится!

Фамилии этого командира дивизии Якир не назвал - пощадил его самолюбие, но потом вызвал к себе и долго говорил с ним наедине.

Будучи крупным политическим деятелем, Якир понимал, какую опасность представляет собой германский фашизм. В своих выступлениях по военным вопросам он всегда касался международного положения и напоминал нам о необходимости изучать будущего противника.

В 1931 или 1932 году западнее Жмеринки проводились маневры с высадкой воздушного десанта. На разборе командующий подробно разбирал международную обстановку и подчеркивал, что активизация фашиствующих элементов в Германии представляет большую угрозу для соседних с нею стран, особенно для Советского Союза. Он требовал учитывать это и в политической работе с личным составом.

Иона Эммануилович обратил наше внимание на быстрое развитие танковых войск и указал на большую будущность воздушно-десантных частей. Снова и снова призывал нас настойчиво, терпеливо изучать военную технику, воспитывать и обучать кадры так, чтобы развить у каждого красноармейца и командира инициативу, решительность и волевые качества.

- Надо непрерывно учиться и самим, - говорил Якир. - Никакие большие должности не освобождают вас от учебы. Основа же всей учебы - марксизм-ленинизм. Читайте и изучайте труды Владимира Ильича Ленина, проанализируйте его указания и требования по военным вопросам в годы гражданской войны. Без знания марксистско-ленинской теории не может быть полноценного командира Красной Армии.

Таким образом, в результате маневров мы не только обогатились военными знаниями, но и прошли большую политическую школу.

В январе 1933 года меня назначили командиром 4-й Туркменской горнокавалерийской дивизии. Перед отъездом я явился к Якиру, доложил, что убываю в Среднюю Азию, поблагодарил за науку и за внимание.

- Иона Эммануилович, - осторожно спросил я, - может быть,

все-таки можно не уезжать?

- И мне, конечно, не хочется вас отпускать, - с мягкой, доброй улыбкой ответил он. - Но нельзя. Сами знаете, вакантных должностей у нас пока нет и не предвидится, а оставаться вам заместителем командира дивизии - просто несправедливо. Пора самостоятельно командовать дивизией. Поэтому я и согласился на ваш перевод.

Заметив мою грусть, Иона Эммануилович добавил:

- Как только освободится место, сразу же буду просить о возвращении вас на Украину. Договорились?

Пожав руку, Якир поблагодарил меня за службу и пожелал успехов в Среднеазиатском военном округе.

Вся эта беседа велась в таких товарищеских, сердечных тонах, что я помню ее до сих пор. Помню большой и просторный кабинет, письменный стол, не захламленный бумагами, а за столом - совсем молодого командующего с умными внимательными глазами. В память врезался его негромкий голос, улыбка, дружеское напутствие...

Туркменской дивизией я командовал больше трех лег и уже свыкся с новыми условиями. Но вот поступил приказ из Наркомата обороны о назначении меня командиром 2-й кавалерийской дивизии на Украине - той самой, где я ранее семь лет командовал полком.

Я очень обрадовался. Сразу потянуло в родные места. Сборы были недолгими. 15 мая 1936 года я снова вошел в кабинет И. Э. Якира и доложил ему о прибытии. Командующий почти не изменился: такой же приветливый, внимательный, улыбчивый. Только под глазами полутемные круги - следы усталости или болезни.

- Здравствуйте, товарищ Горбатов, - приветствовал он меня. - Вот мы и встретились снова. Рад, очень рад, садитесь, пожалуйста. По секрету могу сказать, что вернуть вас было нелегко. Великанов / Командующий войсками Среднеазиатского военного округа/ не хотел вас отдавать. Но в Наркомате мы доказали, что здесь вы нужнее. Ну, рассказывайте, как жилось и служилось, чему вы там научились, что от вас можно перенять.

Я рассказал о своей службе за эти годы.

- Ну а теперь о наших делах... - глаза его стали строже, взгляд сосредоточен. - Ваш старый знакомый, Григорьев, теперь командует корпусом. Вторая дивизия уже не просто кавалерийская, а мотокавалерийская.

Якир подробно объяснил мне, насколько важны моторизация и механизация армии, подчеркнул, что война, если грянет, будет войной машин, поэтому уже сегодня надо накапливать опыт

ведения боевых действий с массовым применением машин. Иону Эммануиловича тревожила международная обстановка. Он внушал, что положение на Западе усложняется, и сейчас, как никогда, нужно всю работу подчинять интересам безопасности Родины, чтобы быть в постоянной готовности к войне.

Наступило лето. Не жалея сил, мы учились, тренировались. А осенью не просто подводили итоги - сдавали серьезный экзамен. В районе Шепетовки проводились маневры. 2-й дивизии предстояло обороняться на широком фронте, вдоль заболоченной реки. Условия оказались нелегкими. Но мы нашли труднопроходимый брод, дивизия частью осталась в обороне, а основными силами, обойдя «противника», атаковала его с тыла и нанесла удар.

С большим нетерпением ожидал я разбора учений: какую оценку даст нам командующий, оправдал ли я его надежды? Да, он одобрительно отозвался о действиях дивизии. Это обрадовало и меня, и Григорьева, и весь личный состав: если уж сам Якир похвалил, значит, мы не зря трудились все лето.

Помнится, на том разборе Якир особенно много внимания уделил партийно-политической работе в войсках. Он напомнил мысль Михаила Васильевича Фрунзе о том, что политработа является как бы добавочным родом оружия, который больше всего страшит наших врагов. Он требовал, чтобы командиры и политработники, все коммунисты, прививая бойцам любовь к социалистической Родине, непрестанно, с фактами в руках разъясняли международную обстановку. И опять указывал на фашистскую Германию, которая бешено наращивала вооружения и уже представляла реальную опасность.

Он так остро ощущал эту опасность, что даже в Старо-Константинове, у меня на квартире, собравшимся на обед командирам то и дело напоминал о том, как необходимо в усложняющейся все более обстановке повышать боевую готовность соединений.

- Сколачивайте и тренируйте штабы. Без хороших штабов вы будете как без рук, - дружески советовал он.

Наступила весна 1937 года. То там, то тут стали арестовывать командиров, о которых мы никогда ничего плохого не слыхали. Из уст в уста шепотом передавались слухи - один нелепее другого - о каких-то заговорах и шпионских злодеяниях. Люди ходили понурые, подавленные, держались отчужденно...

В таких условиях собрался XIII съезд Коммунистической партии Украины. На съезде мы узнали о преступной будто бы деятельности группы видных военачальников во главе с Михаилом Николаевичем Тухачевским. Это сообщение на всех

делегатов произвело удручающее впечатление. Никто не хотел верить, и вместе с тем, как же не верить, если это уже не слухи, а сведения официальные и, значит, достоверные... Что же все-таки происходит? Неужели на руководящих постах в Красной Армии оказалось сразу так много врагов?

Иона Эммануилович сидел в президиуме съезда. Как не бывало его обычной жизнерадостности, исчезла добрая улыбка. Лицо печально, задумчиво. Он часто вставал из-за стола и шагал по сцене, будто не находил себе места.

Съезд еще не закончился, а уже поползли слухи о том, что Якир отзывается с Украины и назначается командующим каким-то другим военным округом. Многих, в том числе и меня, охватило предчувствие надвигающейся беды. Почему Якира отзывают так внезапно? Неужели и он, такой прекрасный коммунист, любимец бойцов и командиров, причастен к какой-то никому неведомой преступной деятельности врагов народа?..

Предчувствие не обмануло нас. Иона Эммануилович уехал из Киева до окончания работы съезда. А через несколько дней мы узнали, что он арестован.

Начались массовые аресты в штабе округа, потом стали исчезать командиры корпусов, дивизий, старые политработники, директора предприятий, инженеры, руководители партийных организаций...

Атмосферу всеобщей подозрительности усиленно нагнетал только что назначенный к нам в округ Щаденко. Помню, на одном из служебных совещаний в Киевском Доме офицеров Щаденко, в отличие от других, был наигранно бодрым, веселым, во время перерывов расхаживал по помещениям, подозрительно ко всем присматривался, прислушивался к разговорам, будто хотел что-то «уловить », кого-то «разоблачить». Это бросалось в глаза. Завидев Щаденко, многие командиры прекращали беседы и расходились.

В числе других был арестован мой старый начальник командир корпуса П. П. Григорьев. По этому случаю немедленно созвали дивизионный митинг. На митинге я, не выдержав, прямо заявил, что не верю в виновность Григорьева, и выразил надежду, что в органах безопасности скоро во всем разберутся и невинных людей выпустят на свободу.

Увы, это выступление обошлось мне дорого. Сначала меня отстранили от командования дивизией, потом исключили из партии, а затем арестовали и отправили на Колыму... Мне еще относительно повезло: в марте 1941 года я был реабилитирован и получил возможность защищать Родину в Великой Отечественной войне.

Война, навязанная нам немецкими фашистами, как известно,

многому нас научила. Эта учеба не прекращалась ни в дни поражений, ни в дни побед. Командуя дивизией и армией, я использовал тот опыт, который накопил в предвоенные годы в «школе Якира». И я, и другие мои боевые товарищи всегда приходили к выводу: если бы сохранились те кадры, к которым принадлежали Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк и другие, - все те, кого мы потеряли в 1937 году, мы несомненно имели бы меньше неудач и, возможно, быстрее и не с такими большими потерями разгромили бы немецко-фашистские орды.

На фронте я часто вспоминал советы Ионы Эммануиловича. Они звучали в душе как завещание:

- Хочешь овладеть военным искусством - умей добиваться победы с малыми потерями в людях и технике; находи выход из любой сложной обстановки; досконально знай все средства борьбы и полностью используй их в интересах боя; не поддавайся слабости и страху сам и огради от этого своих подчиненных.

Многому и многих научил Иона Эммануилович Якир. Но не всем пришлось воспользоваться этой учебой в Великую Отечественную войну. Великое спасибо партии за то, что она восстановила доброе имя невинно осужденных и погибших, за то, что возвратила права гражданства и честь их близким и родным, долгое время носившим на себе зловещее клеймо «врагов народа».

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК. В. Я. Абель

Инженер-полковник В. Я. Абель

В июле 1938 года я, как и многие другие, оказался в Каргопольских лагерях для заключенных. Кадровый военный инженер, старый член партии, я воспринял случившееся, как ошибку, как ужасное недоразумение.

Находясь в лагерях, я узнал о начале Великой Отечественной войны и сразу же послал в Москву - через начальника лагеря - заявление с просьбой отправить меня на фронт. А пока прочитывал от строки до строки попадавшие к нам газеты и внимательно слушал по радио сводки Совинформбюро. В этих сводках встречал названия знакомых мест, где раньше служил, где строил укрепления, и с волнением и болью в сердце убеждался, что эти укрепления уже перешагнули или обошли гитлеровские орды, хотя, по моим предположениям, перешагнуть эти рубежи было не так-то легко и просто.

На фронт, к сожалению, меня не взяли: все еще не доверяли «врагу» или «вредителю» - даже не знаю, какой ярлык был приклеен мне.

Что же собой представляли укрепленные районы, судьба которых так волновала меня в начале войны?

В 1931 году я был членом комиссии Реввоенсовета СССР по укреплению Севера. В августе поступил приказ сдать дела на Севере, срочно выехать на Украину, в Киев, и помочь там начальнику инженерных войск РККА Николаю Николаевичу Петину.

В Украинском военном округе строились тогда пять укрепленных районов: Коростеньский - в районе города Коростеня; Центральный Украинский - с центром в городке Бар; Каменец-Подольский; Тираспольскнй - вдоль румынской границы; Киевский - для полукруговой обороны Киева, своими флангами этот район упирался в Днепр.

Каждый район тянулся по фронту более чем на 30- 40 километров и имел глубину в пять и более километров. По тому времени районы представляли собой стройную и мощную систему укреплений, оборудованных долговременными железобетонными огневыми точками с тяжелыми пулеметами и пушками. Стрельба могла производиться через амбразуры, прикрытые броневой сталью и броневыми заслонками. Огневые точки оборудовались разных типов, даже двухэтажные - с нижними помещениями дли бойцов.

Не буду приводить расчетов, но отмечу, что прочность наших

огневых точек была выше финских, французских и германских. Даже авиационная бомба весом до одной тонны при прямом попадании не могла полностью разрушить точку.

Нам не хватало броневых дверей, промышленность не могла поставить их своевременно. Тогда по проекту военного инженера Арнольда Лапина начали изготовляться двери из дубовых брусьев с расчетом в дальнейшем усилить их броневой сталью. С проектом такой двери внимательно ознакомился командующий войсками Украинского военного округа товарищ Якир и, убедившись, что она вполне пригодна, проект утвердил. Затем этот проект был утвержден и Реввоенсоветом СССР.

Кроме огневых точек каждый укрепрайон имел железобетонные командно-наблюдательные посты, некоторые из них дополнялись броневыми наблюдательными колпаками. Проекты предусматривали также оборудование противотанковых препятствий в виде бетонных столбов-надолб, противотанковых рвов и малозаметных препятствий, задерживающих продвижение наземных войск. Строились и средства защиты укрепрайонов с тыла, на случай окружения, для чего готовились, в частности, склады с боеприпасами и продовольствием на длительный период. Все огневые точки и командно-наблюдательные посты и пункты были связаны бронекабельной сетью, имели электроэнергию и средства противохимической защиты.

Уже из этого беглого описания можно представить себе огромный объем работ и надежность строившихся укреплений. Ни у меня, ни у других специалистов и войсковых начальников не было сомнений в том, что такая система многочисленных укреплений в случае необходимости сослужит нам хорошую службу, во всяком случае, надолго остановит, задержит противника и даст возможность советскому командованию нанести вражеским войскам большие потери, а также подтянуть и перегруппировать свои силы.

В то время штаб Украинского военного округа находился в Харькове. В конце августа 1931 года товарищ Якир приехал в Киев и, конечно, навестил управление Петина. Я об этом не знал.

Является как-то порученец Петина и сообщает:

- Вас, товарищ Абель, и вас, товарищ Дубов (начальник производственного отдела), вызывает Николай Николаевич. Приказал захватить с собой графики производства работ по укрепленным районам.

Мы собрали необходимые бумаги, предполагая, что предстоит обычный деловой разговор. Войдя в кабинет, увидели двух военных, сидящих спиной к двери. Петин о чем-то говорил с ними, и мы невольно остановились, разглядывая гостей. Один из

них - с копной черных волос - перелистывал бумаги, второй молча пододвигал бумаги, затем складывал их в свою папку.

Увидев нас, Петин встал. Оба военных повернулись, и лишь тут я заметил в петлицах черноволосого худощавого гостя четыре ромба.

- Иона Эммануилович,- сказал Петин,- вот мои ближайшие помощники. С Дубовым вы уже знакомы. А это военный инженер Вольдемар Янович Абель.

Якир протянул руку:

- Теперь будем знакомы и с вами. Дело у нас общее. Он сразу расположил меня к себе своей простотой и приветливостью. В продолжение всей беседы Якир ни разу ничем - ни словом, ни жестом, ни взглядом - не подчеркивал своего высокого положения, не выпячивал служебного старшинства или превосходства.

Начался деловой разговор. Мы с Дубовым проинформировали командующего о состоянии и ходе работ. Информация наша была исчерпывающей, так как лишь недавно мы трое - Петин, Дубов и я -побывали во всех пяти укрепленных районах и знали, что требуется каждому из них.

- Расчеты на механизмы и транспорт у вас имеются? - спросил Якир.- Знаете ли вы потребности в рабочей силе, имеете график ее использования?

Вопросы он задавал с полным знанием наших инженерных и производственных дел и лишь изредка протягивал руку и брал у второго военного - своего порученца или адъютанта - какой-либо документ или справку.

Все наши ответы Иона Эммануилович выслушал предельно внимательно и сразу же определил слабые места. Он увидел, что у нас не хватает рабочей силы, нужны металлические двутавровые балки и другие ценные материалы. Темпы заготовки и завоза цемента и песка также не обеспечивали сроков выполнения намеченных работ.

Иона Эммануилович слегка усмехнулся. У него оказались подготовленными различные варианты ускорения темпов строительства и помощи нам людьми и транспортом. Эти варианты он нам не навязывал, а лишь предлагал, подсказывал, каждый раз спрашивая:

- Как вы думаете?.. А может быть, сделаем так?.. Совещание наше затянулось, так как товарищ Якир не спешил и старался не оставить неясных «хвостов». Зато к концу совещания он уточнил свой план предоставления в наше распоряжение красноармейцев и автотранспорта, а мы согласовали с ним все наиболее важные принципиальные и практические вопросы.

Запомнились мне слова Якира, сказанные просто, без рисовки, но с большой внутренней силой:

- На нас возложили большую ответственность, и мы обязаны оправдать доверие партии и Реввоенсовета. Вы специалисты! Сделайте так, чтобы все укрепления поскорее стали действующими, боеспособными.

Уже прощаясь, Иона Эммануилович добавил, что постарается поехать в Москву и добьется нужной помощи.

По поручению Якира и Петина я подготовил письма - зампредреввоенсовета товарищу Гамарнику и начальнику военно-строительного управления РККА. В письмах излагались планы дальнейших работ во всех пяти укрепрайонах и приводился перечень материалов, в которых мы очень нуждались. Вскоре мы действительно получили план поставки материалов и оборудования в сжатые сроки.

Коменданты строившихся укрепленных районов подчинялись непосредственно Якиру. Не удовлетворяясь нашими оперсводками, он выезжал на места и контролировал ход работ. Однако в дела строительства сам не вмешивался: считал, что нужно беречь авторитет инженеров и не командовать, а помогать им. Все свои замечания и предложения Иона Эммануилович адресовал управлению и потом справлялся, что принято, что сделано, и тут же добавлял новые замечания и предложения.

Объехав укрепленные районы, Иона Эммануилович, как правило, заезжал в Киев, чтобы поделиться своими впечатлениями и поговорить с Петиным и его помощниками.

Однажды, помнится, Якир побывал на строительстве укреплений по линии Бар - Деражня, затем ознакомился с положением в Киевском районе и, конечно, приехал в управление к Истину. Николай Николаевич вызвал тотчас же к себе меня, Дубова и некоторых других инженеров.

- Прошу вас внимательно послушать, - обратился к нам Иона Эммануилович, - я привез вам самую свежую информацию.

В коротком, но содержательном сообщении командующий всесторонне охарактеризовал ход работ и перечислил безотлагательные нужды строительства. В заключение со своей обычной дружеской улыбкой сказал:

- В общем-то я удовлетворен, работы идут дружно, инженеры и коменданты свое дело делают. Но мне хотелось бы вас попросить ускорить строительство Тираспольского района. Боярская Румыния в любой момент может оказаться плацдармом для нападения на нас. Уж эти места вдоль Днестра я хорошо знаю...

Он поерошил свою густую шевелюру и после маленькой

паузы добавил:

- Очень хотелось бы преподнести новогодний подарок тридцать второму году - сделать район боеспособным. Ну-с, как вы думаете, товарищи?

Предложение возражений не вызвало. В первой половине декабря 1931 года Петин, я и группа военных инженеров объехали Коростеньский, Каменец-Подольский районы, а затем задержались в Тираспольском, где и разработали новый план ускоренных работ в духе советов и пожеланий Якира.

Нашим союзником неожиданно оказалась погода. Предстояло бетонирование сооружений, и ожидавшиеся декабрьские морозы беспокоили нас, так как могли замедлить темпы. Но декабрь выдался удивительно теплый, были даже дожди и проносились грозы - явление в начале зимы редкое. Естественно, что мы воспользовались щедротами природы. К Новому году задание Якира по Тираспольскому укрепленному району было выполнено.

Были у нас трудности, неполадки, споры. В работе не без этого. И все же, вспоминая те насыщенные до предела месяцы, я не могу найти ни одного случая, когда бы Петин, Дубов, я или другие ведущие инженеры и начальники добивались успеха посредством шумных «разносов», брани и даже угроз по адресу подчиненных. С такими начальниками - любителями «разносов» и угроз мне встречаться приходилось. А Якир, вдумчивый, терпеливый, очень общительный и тактичный, никогда не позволял себе и намека на грубость, окрик. Как-то незаметно для самих себя мы равнялись на Якира, учились у него, подражали ему, усваивали спокойный и организованный стиль работы. И это давало куда большие результаты, чем окрики и угрозы.

Характерной чертой Якира была и оперативность. Если к нему обращались за помощью и он что-либо обещал, то никогда своих обещаний не забывал, действовал быстро, энергично, всегда проверял, как выполняются его распоряжения. Старые коммунисты, много слышавшие об организованности, точности, аккуратности и уважительном отношении к людям вождя революции Владимира Ильича Ленина, не могли не заметить, что Иона Эммануилович как бы стремился быть достойным учеником Ленина.

В январе 1932 года меня отозвали в Москву и направили на укрепление дальневосточных границ. Впоследствии на Дальний Восток приезжали военные инженеры, ранее работавшие в Украинском округе. Повстречавшись с такими товарищами, я, конечно, интересовался, какими стали укрепленные районы в Украинском округе. Все отвечали, что укрепления закончены, стали мощными и почти непроходимыми. Эти ответы я

выслушивал с большим удовлетворением и не без некоторой гордости: значит, наши труды не пропадут даром.

Но они пропали даром: гитлеровские войска непостижимо быстро прошли или обошли укрепленные районы.

Многое мне стало ясно, когда в «Истории Великой Отечественной войны» я прочитал об ошибках и просчетах Сталина и Генерального штаба Советской Армии накануне войны, когда беседовал с некоторыми крупными командирами, сражавшимися против немецко-фашистских захватчиков. Товарищи говорили мне, что все укрепленные районы были в конце 30-х годов разоружены, а новые районы, выдвинутые вперед к новой советско-польской границе, остались незаконченными. Конечно, такой неразумный шаг обошелся нам очень дорого.

„ГРАНИЦА ДОЛЖНА БЫТЬ НА ЗАМКЕ!" полковник И. Г. Старинов

полковник И. Г. Старинов

Красивое имя, высокая честь. Гренадская волость в Испании есть...

Эти строки из знаменитого стихотворения Михаила Светлова напоминают нам, как четверть века назад республиканская Испания, истекая кровью, героически сражалась против мятежников Франко. В интернациональных батальонах и бригадах под Мадридом, Гвадалахарой, Барселоной, Уэской бок о бок с испанцами сражались и мы, русские, советские добровольцы.

В далекой Испании мы все время думали о своей Родине и ловили каждую весточку, доносившуюся по радио или через газеты, о жизни в Советском Союзе. И вдруг тяжелой глыбой легли на сердце дошедшие до нас известия о трагической судьбе ряда крупных военачальников. Мне тогда казалось, что особенно тяжело переживал это известие я, так как незадолго до отъезда в Испанию встречался и беседовал с Маршалом Советского Союза Михаилом Николаевичем Тухачевским, а еще ранее несколько лет работал в штабе Украинского военного округа и выполнял специальные задания командующего войсками Ионы Эммануиловича Якира.

Каким бы авторитетным ни выглядел состав суда, я, роясь в своей памяти, не мог найти ни одного прямого или косвенного факта, ни одного штриха, который давал бы основание подумать, что в жизни И. Э. Якира было что-либо похожее на то, в чем он обвинялся. До чего же больно было нам, оторванным от Родины, узнавать, что там, дома, происходит что-то страшное, непонятное и тревожное. Прибывавшие новые добровольцы рассказывали об арестах все новых и новых «врагов народа и их пособников».

Якир!.. О его славных боевых делах я много слышал еще во время гражданской войны, когда Красная Армия громила на Юге белогвардейцев и интервентов. Имя Якира, как и имена Уборевича, Егорова и других полководцев, выросших в огне войны первого в мире социалистического государства против мирового империализма, означало мужество, стойкость, беспрекословное выполнение воинского долга и величайшую преданность большевистской партии. Эти имена олицетворяли тогда для нас, воинов, славу Красной Армии, выполнявшей указания и предначертания вождя революции Владимира Ильича

Ленина.

Осенью 1926 года меня, командира роты 4-го Краснознаменного Коростеньского железнодорожного полка, стоявшего в Киеве, вызвал комиссар полка Николай Георгиевич Десяткин (ныне генерал-майор технических войск в отставке). Он закрыл дверь своего кабинета и приглушенным голосом предложил выслушать его очень внимательно.

- О нашем разговоре никто не должен знать. Из штаба округа поступило приказание выделить опытного командира-подрывника для выполнения специального задания. Мы с командиром полка решили рекомендовать вас. Предупреждаю: дело ответственное и совершенно секретное. Комиссия, в которую вас включат, будет работать под непосредственным руководством командующего округом товарища Якира.

Задание действительно оказалось сложным и было связано с укреплением приграничной полосы. Нашей комиссии предстояло обследовать железнодорожные участки на границах с Польшей и Румынией и подготовить эти участки так, чтобы в случае внезапного вражеского вторжения на них можно было быстро устроить заграждения.

Вряд ли есть необходимость рассказывать специальные подробности этой работы. Хочу только напомнить, что тогда, в 1926 году, это было серьезно продуманное и эффективное мероприятие, способствующее повышению устойчивости обороны наших границ.

Нам часто приходилось подолгу работать в штабе округа, так как там сосредоточивалась вся документация, и производить необходимые расчеты. Большое внимание нашей работе уделял начальник штаба округа П. П. Лебедев, передававший указания И. Э. Якира. Да и сам Лебедев был крупным военным специалистом, и от встреч с ним у меня остались самые хорошие воспоминания.

Как-то во время напряженной работы в отведенную нам комнату неожиданно вошел Иона Эммануилович. Все мы - командир батальона 6-го железнодорожного полка тов. Ювко, еще два командира из отдела военных сообщений и я - вскочили со своих мест и, признаться, немного смутились: ведь лично с командующим столкнулись впервые. Но это продолжалось не более полминуты. Приветливая улыбка Якира, его спокойный голос и дружеские рукопожатия сразу же устранили всякую неловкость и натянутость. А по его вопросам и замечаниям мы убедились, что он полностью в курсе нашей работы и даже знает результаты подсчетов по наиболее важным участкам.

Очень быстро завязалась непринужденная откровенная беседа. Мы почувствовали, что ведется она не ради

формальности, а с целью помочь быстрее и лучше выполнить задание. Все советы и указания Якира были основаны на глубоком знании обстановки. Создавалось впечатление, будто он все время был с нами рядом, на границе, и знал мельчайшие, специальные подробности нашей работы.

- Обращаю ваше внимание на то,- говорил Якир,- чтобы детально, тщательно спланировать организацию работ и использовать силы и средства, имеющиеся на местах. Не полагайтесь только на приказы, как бы хороши они ни были. Обязательно доводите приказы до исполнителей, помогайте им советом и консультацией, учите бойцов и командиров быстро ставить заграждения и действовать разумно и самостоятельно. Представьте, что противник внезапно вторгся на нашу территорию, а приказа у вас нет. Что же, можно пассивно ждать? Конечно нет! Командиры в таком случае обязаны действовать незамедлительно и технически грамотно.

В технических вопросах товарищ Якир разбирался хорошо и посоветовал нам обратить внимание на средства управления заграждениями при помощи радио, которое в то время только начинало внедряться в войска.

Закончив беседу, Иона Эммануилович попрощался и ушел, а мы стали обмениваться впечатлениями. Командующий очень понравился нам. Мало сказать - понравился, он очаровал нас своей манерой беседовать с командирами и серьезные деловые разговоры вести легко, тактично, дружески. Кто-то из нас тогда заметил:

- Теперь понятно, почему работники штаба округа радуются, если к ним заходит командующий.

Прошло несколько дней, и нас пригласили в кабинет к командующему. Здесь уже находились начальник штаба округа Лебедев, начальник отдела военных сообщений, представители правления Юго-Западной железной дороги.

Совещание было коротким, деловым. Заслушав сообщения о ходе работ, товарищ Якир обратил наше внимание на необходимость создать систему заграждений непосредственно на границе.

- Граница должна быть на замке! - твердо заявил он.- А чтобы замок оказался надежным, надо заблаговременно подготовить и средства взрывания, и заряды, и склады, и, самое главное, кадры. Все будут делать и решать люди. Пусть у нас вырастет побольше таких людей, как Евсевий Карпович Афонько.

Иона Эммануилович пристально следил за работами на границе, примечал, запоминал и поощрял людей, особо отличившихся или проявивших инициативу. К таким относился и

товарищ Афонько .

В заключение командующий поблагодарил нас за труды и пожелал новых успехов.

К концу 1929 года установка заграждений на приграничных участках была завершена. Все было сделано так, чтобы в случае вторжения противник не смог захватить наши железные дороги без огромных потерь и затраты больших сил и средств на их восстановление. Система охраны и вывода из строя всех объектов была по указанию И. Э. Якира тщательно разработана и проверена. Сам он тоже немало полазал по объектам, чтобы убедиться, насколько верны заключения специалистов.

Помню, Иона Эммануилович осматривал заграждения западнее Коростеня. Была темная осенняя ночь, дул резкий порывистый ветер. Казалось, в такой темноте ничего не увидишь и не нащупаешь. Но командующий хорошо ориентировался и шагал быстро и уверенно. За ним поспевали работники Юго-Западной железной дороги, представители отдела военных сообщений и мы, командиры-подрывники.

Проверка производилась непосредственно на объектах макетами взрывчатки с боевыми капсюлями и электро-детонаторами. То там, то тут чернильную тьму на мгновение разрывали ослепительно яркие вспышки огня, будто вырывавшиеся из глубины земли,- это подрывники взрывали макеты.

Результаты ночной проверки огорчили командующего и всех нас. Обнаружилась слабая натренированность команд, несвоевременная подготовка средств взрывания. Мы ждали, что товарищ Якир если не накажет, то хотя бы пристыдит нас и командиров подразделений. А он, внешне ничем не выражая недовольства, быстро разобрался в причинах неполадок и приказал нам больше тренировать команды в любую погоду и в любое время суток, а также предложил упростить систему взрывания: уменьшить число зарядов и увеличить их вес.

На повторных проверках с точным хронометражем команды действовали уже слаженно и быстро. Теперь мы могли быть спокойны: в случае внезапной тревоги противник получит хорошие сюрпризы.

Вспоминается и другой эпизод.

Мы трудились, создавая крупную секретную базу. Уже прошло лето, осенние дожди превратили землю в тягучее месиво, не подсыхавшее и ночами. Неожиданно похолодало, и дождь вместе с резким ветром чуть ли не валил с ног. В такую погоду залезть бы в теплую хату, пригреться у печи и, напившись горячего чаю, заснуть под шум ветра и хлест ливня.

Неподалеку от места работ стоял специальный вагон - Иона Эммануилович приехал проверить ход работ. Мы предполагали, что в этакое ненастье он даже из вагона не выйдет. Каково же было наше удивление, когда в точно назначенный срок командующий вышел к нам в добротных яловых сапогах и солдатской шинели и, будто в хорошую погоду, предложил: - Ну пошли, товарищи!..

Своим настроением он заразил всех нас. Задание, предусмотренное планом, было своевременно выполнено. Ненастная погода даже помогла нам лучше замаскировать склады и подходы к ним. На станцию мы вернулись под утро в самом бодром состоянии. В таком же отличном настроении вместе с нами вернулся и товарищ Якир.

Когда штаб округа находился в Харькове, командующий часто приезжал в Киев, где располагались части 45-й стрелковой дивизии. Однажды он приехал и в наш 4-й Коростеньский железнодорожный полк. Вместе с ним были В. Я. Чубарь и И. Н. Дубовой. Осмотрели казармы, склады оружия, небольшой полковой полигон и кухню. Общительность и простота, меткие замечания и остроумные шутки полностью исключили натянутость и казенную обстановку официальной проверки. И красноармейцы и командиры почувствовали, что к ним наведались старшие товарищи, чтобы поинтересоваться жизнью, бытом, учебой. Что же касается боевой готовности, то, конечно, от зоркого глаза Ионы Эммануиловича ничто не укрылось. Однако все замечания он делал как бы мимоходом, коротко и переспрашивал: «Не так ли?», «Ясно?», «Согласны?»

Наш полк не был исключением. Мы знали: куда бы ни приезжал Якир, он никогда и нигде не устраивал «разноса», а спокойно и деловито подмечал недостатки, хвалил за успехи, беседовал с бойцами, расспрашивал о семьях, о письмах из дому, о порядках в казармах, о трудностях в учении и сам немало рассказывал интересного. И получалось так, что любой приезд Якира превращался чуть ли не в праздник для каждой части.

Командующего не боялись, а уважали и любили, хотя он вовсе не был «добреньким», а, наоборот, всегда проявлял высокую требовательность. Однако эта требовательность сочеталась с заботой, поощрениями.

Теперь я позволю себе рассказать об одной стороне многогранной деятельности И. Э. Якира, до сих пор мало кому известной.

В самом начале 30-х годов у нас началась подготовка партизанских кадров, партизанских баз и специальной техники.

Многие, возможно, удивятся. В 1930 году?! Какие тогда

могли быть партизаны и зачем они были нужны?

Да, я не оговорился. В 1930 году обстоятельства требовали заранее готовить партизанские кадры и базы, расположить их неподалеку от границы, в приграничных районах. Если бы противнику удалось выйти к первой полосе наших укреплений или обойти их с фланга, партизанские формирования смогли бы сразу начать действия в тылу врага. Центральный Комитет партии, учитывая возможность внезапного нападения империалистов на нашу страну, поручил Наркомату обороны и Генеральному штабу Красной Армии заблаговременно осуществить ряд важных мероприятий.

Мне посчастливилось выполнять специальные задания и немало поработать в этой необычной тогда области. Много сил, труда и организаторского таланта вложил в подготовку партизанских отрядов и баз Иона Эммануилович Якир. И не только потому, что ему, командующему войсками приграничного округа, это было положено по должности, но и потому, что этот крупнейший военный руководитель и политический деятель обладал даром предвидения и понимал значение партизанских методов борьбы с будущим противником.

В январе 1930 года меня вызвали в штаб Украинского военного округа и направили на беседу к начальнику отдела товарищу Баару. Высокий, несколько замкнутый человек показался мне строгим и неприветливым. Лишь позже я убедился, что в действительности Баар был, как и его начальник Якир, простым и общительным.

Сначала наша беседа не клеилась. Баар говорил, я слушал и свою будущую работу представлял себе смутно.

- Вас ожидают большие трудности и опасности,- говорил Баар,- но их нужно преодолеть. Вам придется иметь дело с бывалыми, опытными воинами. Учить пожилых и опытных людей сложнее, чем молодых. Учтите это. Подробнее вам объяснит товарищ Якир.

Когда мы вошли в кабинет командующего, Иона Эммануилович сразу узнал меня.

- Со старыми знакомыми разговаривать легче... Вас ввел в курс дела товарищ Баар? Я хочу подтвердить, что вам предстоит учить людей очень опытных и заслуженных. Нужно, чтобы их время не пропадало впустую и они чувствовали, что закрепляют старые знания и получают новые. Конечно, в тактике партизанской борьбы ваши ученики понимают больше вас, так что и вам надо одновременно учиться у них. Считайтесь с людьми, с их опытом, самолюбием, относитесь к ним уважительно. Ведь вам поручается очень важное партийное дело...

И неожиданно прервав инструктаж, Иона Эммануилович спросил:

- Как ваше здоровье? Не мучают последствия ревматизма?..

Я удивился: откуда ему известно о моем недомогании? - и ответил, что чувствую себя неплохо.

- Очень рад... Все задания вы будете получать от товарища Баара или его заместителя. Но помните: о вашей работе не должен знать никто. Никто!.. Кроме меня, конечно - улыбнулся он, заканчивая беседу.

Так началась моя новая работа. Отбирая и инструктируя людей, я встречался со многими бывшими красными партизанами и участниками гражданской войны, воевавшими под командой Якира. Все они называли его уважительно и ласково:

- Иона!.. Наш Ионыч!..

Руководя подготовкой к партизанской борьбе, товарищ Якир обращал наше внимание на обучение кадров, на сколачивание крепкого, боеспособного костяка будущих отрядов и бригад и требовал формировать эти соединения так, чтобы в них входили и бывалые партизаны, привыкшие к лесной жизни, к многочасовым засадам и внезапным налетам на противника, и молодые командиры из кадровых воинских частей. Он требовал также совершенствовать уже известные методы партизанской войны и изыскивать новые, добиваться подвижности и маневренности партизанских групп, обеспечивать их материально, связью и управлением. Он вникал во все, чем мы занимались, и даже заботился о семьях будущих партизан.

- Люди будут воевать в тылу врага, не только помогать, но и писать родным не смогут. Тем больше внимания мы обязаны уделить их семьям, чтобы на душе у бойцов было спокойно.

По указанию Ионы Эммануиловича в отряды подбирались различные специалисты, и мы старались, чтобы возможно больше будущих партизан овладели двумя-тремя нужными специальностями. Учили их изготовлять самодельные гранаты, закладывать взрывчатку, прыгать с парашютом, пользоваться радиосвязью, скрытно разводить костры, ориентироваться в лесах и незнакомой местности, хранить боеприпасы и оружие на запасных базах.

По личному указанию Якира я организовал специальную мастерскую-лабораторию, в которой разрабатывались новые образцы мин, применимые в условиях партизанской войны. Были созданы и проверены на полигонах так называемые «угольные» мины. В годы Великой Отечественной войны их с успехом применял Константин Заслонов. В этой же лаборатории удалось сконструировать широко известные теперь автоматические мины

«колесный замыкатель», или «мину рапидо», а также отработать способы подрыва автомашин и поездов минами, управляемыми по проводам или с помощью бечевок. Этот способ мы окрестили «удочкой».

В одной из бесед Иона Эммануилович напомнил нам слова Ленина, что мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить массы готовить бомбы, помочь боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами, автоматическими ружьями. А в другой беседе дважды подчеркнул ленинскую мысль: партизанские выступления - не месть, а военные действия.

На учебные сборы бывалых партизан и молодых добровольцев мы шли вооруженные не только специальными знаниями. Мы изучали партизанские действия в прошлом и новые задачи, выдвигаемые современными условиями. При внимании и поддержке товарища Якира работа спорилась, результаты радовали.

Все программы учебных сборов утверждал он сам, причем часто вносил существенные поправки и дополнения. Добивался, чтобы обучение проводилось с учетом реальных условий будущих действий в тылу врага в самых различных условиях и чтобы практика, тренировки стали главным содержанием занятий на сборах.

К проведению занятий привлекались лучшие специалисты, которых направлял командующий. И сам он не раз присутствовал на сборах в Киеве и Харькове, наблюдал за прыжками с парашютами, следил за действиями засад на автомобильных дорогах. После окончания занятий обязательно проводил разбор, беседовал с партизанами, расспрашивал их о здоровье, о семейных делах. Товарищей, имевших в прошлом ранения и уже вступивших в солидный возраст, он освобождал от прыжков с парашютом и советовал им приналечь на другие виды боевой подготовки.

Присутствие товарища Якира не стесняло ни преподавателей, ни обучавшихся. Он умел незаметно и быстро расположить к себе и старого вояку, и молодого воина. Все чувствовали себя свободно, но вместе с тем знали, что командующий - человек требовательный и поблажек никому не дает. Стоило ему сделать два-три замечания - и все подтягивались, старались немедленно исправить недостатки.

В моей памяти сохранилось выступление Ионы Эммануиловича на выпуске группы командиров, комиссаров, начальников штабов и командиров-специалистов, намечавшихся на роль организаторов будущих партизанских соединений. Всего

собралось человек сорок, из них больше половины - участники партизанской борьбы против интервентов на Юге.

Якир говорил ярко и убедительно. Он призывал быть готовыми к защите завоеваний Великого Октября, к выполнению партийного и воинского долга.

- Советский Союз - миролюбивая страна, - говорил он,- и никому не угрожает. Наше миролюбие, настоящее, подлинное, знают все честные люди мира. Но если империалисты на нас нападут, мы дадим им сокрушительный отпор, используя все средства, в том числе и партизанскую войну в тылу врага. К этому вы, дорогие товарищи, и готовитесь.

Дальше в своей речи командующий разъяснил нам, что вести партизанскую войну - наше законное право, ссылался на высказывания Владимира Ильича Ленина и Михаила Васильевича Фрунзе, на опыт партизан 1812 года, подчеркивал, что в связи с военно-техническим прогрессом роль и значение партизанских методов борьбы с противником неизмеримо возрастает. И тут же рассказал несколько ярких эпизодов, как умело действовали партизаны в годы гражданской войны.

Я записал много советов Якира и потом использовал их на практических занятиях.

Официальная часть закончилась, и началась непринужденная товарищеская беседа Ионы Эммануиловича со старыми партизанами и молодыми командирами.

С чувством особого уважения Иона Эммануилович рассказывал о боевых делах партизан Николая Сливы и Константина Шинкаренко. И сейчас, вспоминая их, я не могу не упомянуть, что Слива, дважды награжденный орденом Красного Знамени, геройски погиб в самом начале Великой Отечественной войны, а Шинкаренко, тоже кавалер ордена Красного Знамени, был незаконно репрессирован, затем, уже после XX съезда партии, реабилитирован, но прожил недолго.

Беседа затянулась далеко за полночь. Когда все наконец встали и направились к выходу, на улице было темно и тихо. Мы находились на пустынной окраине города, транспорт не работал, и лишь вдалеке мигали редкие фонари.

- Ну, теперь потопаем на своих двоих, - бросил кто-то, но Якир немедленно отозвался:

- Ни в коем случае! У меня машина. Она развезет всех по домам.

К 1932 году вдоль границ с панской Польшей и боярской Румынией уже были созданы скрытые партизанские базы. Как я узнал позже, идея создания таких баз принадлежала М. В. Фрунзе, а Якир, горячо поддержавший своего учителя, сделал все

возможное, чтобы осуществить его идею.

Партизанскими делами вплотную занимался и секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор. Весной 1932 года мне довелось быть у него на приеме вместе с товарищами И. Э. Якиром, И. Г. Захаровым, Н. К. Сливой, К. Е. Шинкаренко и другими. Краткие сообщения о ходе работ сделали товарищи Баар и Якир. Потом выступил С. В. Косиор. Он подчеркнул, что главное в нашем деле - подбор и обучение кадров, соблюдение конспирации.

На этом же совещании были приняты некоторые решения об укомплектовании партизанских отрядов и их материальном обеспечении.

К сожалению, с 1933 года подготовка к партизанской борьбе на случай нападения на СССР начала ослабевать, свертываться. Иона Эммануилович Якир, так много сил вложивший в это дело, противился указаниям свыше и очень переживал, что «там» не понимают, насколько все это нужно и важно. Товарищ Баар, часто встречавшийся с Ионой Эммануиловичем, рассказывал мне, что недооценку партизанской войны командующий считал недопустимой и чуть ли не преступной. Затем стали погибать люди, готовившиеся к партизанской войне. А ведь это были опытные, хорошо обученные и преданные Родине кадры. К началу войны из них уцелели единицы.

Остались в строю некоторые квалифицированные инструкторы, сохранились образцы разработанных средств борьбы, рукописные инструкции и пособия. В годы Великой Отечественной войны, когда нам пришлось заново заниматься организацией партизанского движения, все это, конечно, пригодилось. Но произвол Сталина, его недооценка приграничных районов и роли партизанских соединений дорого обошлись нашему народу.

О ДОРОГОМ И ЛЮБИМОМ. С. Л. Якир

Я оглядываюсь в недавнее прошлое, ставшее теперь таким далеким-далеким, и в памяти мелькают обрывочные и туманные картины всего пережитого. Правда, память уже ослабела, многое забылось, потускнело, и все же нет-нет да и встают перед глазами годы шестнадцатый и семнадцатый, годы двадцатые и тридцатые... И чудится мне, будто снова я рядом с тем, кого искренне и нежно любила, кому была другом и женой, с кем делила радости и горести тех трудных, но изумительно светлых, сияющих лет.

Как часто я перебираю сохранившиеся записки, документы, фотографии, вглядываюсь в дорогое лицо мужа и ловлю себя на том, что явственно слышу его голос - негромкий, спокойный, с легкой хрипотцой от усталости:

- Ты сегодня меня не жди, Саинька... Дела... Работа...

Он жил своими делами, своей работой - любой, какую поручала ему партия, - и не мыслил существования вне огромного, поистине неисчислимого коллектива бойцов и командиров, вместе с которыми в меру своих сил строил и укреплял Красную Армию. И всегда считал себя бойцом и только бойцом, кому партия - о ней он говорил с гордостью и благоговением - доверяла высокие командные посты защитника завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Жена, а ныне вдова Ионы Эммануиловича, я могу говорить о нем не только как о человеке, которого видела дома, в семье, то радостным, то немного грустным, ласковым или разгневанным, но всегда наполненным неуемной энергией и постоянным стремлением сделать больше и лучше. Я бывала рядом с ним или неподалеку от него и тогда, когда ему предстояло вести войска в бой, и тогда, когда приходилось дни и ночи отдавать выполнению своего служебного и партийного долга.

Великий писатель земли русской Лев Толстой однажды сказал, что писать нужно только тогда, когда не можешь не писать. Это относилось, конечно, к профессиональным литераторам. Ио и я не могу не писать, так как воспоминания теснятся вокруг меня, стучатся в сердце, тревожат мозг и не просто просятся на бумагу, а требуют: пиши, пиши, пока еще рука держит перо и глаза твои видят окружающий мир. Ведь за этот мир, за эту жизнь, что шумит и цветет вокруг тебя, боролся, трудился и погиб бесконечно дорогой тебе и любимый человек.

Мне уже за шестьдесят, одолевают болезни, но ничто не заставит меня забыть мою совместную жизнь с Ионой Эммануиловичем.

Наше первое знакомство произошло в начале 1916 года.

Война царской России с кайзеровской Германией уже успела унести в могилу много жертв. Осиротевшие солдатские дети, голодные и разутые, бродили по Кишиневу и выпрашивали подаяние. Группа интеллигенции решила как-то помочь сиротам. Началось устройство всяких благотворительных вечеров и лотерей, а потом удалось организовать несколько детских домов-садиков.

Моя учительница музыки Зинаида Моисеевна Имас предложила мне заниматься с детьми в одном из таких садиков. Я согласилась и вскоре подружилась с ребятами. Делясь со мной своими детскими новостями и впечатлениями, они рассказывали, что с ними также занимается очень хороший и добрый дядя Иона, он сочиняет веселые сказки и придумывает замечательные игры.

Однако с «дядей Ионой» мне сталкиваться не приходилось, и я предполагала, что это солидный, пожилой человек, может быть, врач, отец семейства. А он оказался совсем молодым парнем, студентом, лишь недавно окончившим школу. И познакомились мы с ним не в детском садике, а у меня дома.

Однажды я прихворнула и попросила мою сестру навестить ребят и показать им, как надо лепить всяких зверюшек и куколок (сестра очень хорошо лепила). Сестра вернулась домой в сопровождении высокого, стройного юноши в сапогах, просторной рубашке и большой широкополой шляпе.

- Принимайте гостя, - весело заговорил он. - Ребята мне рассказали о вас много хорошего: есть, мол, такая тетя Сая. Вот я и решил посмотреть, какая она, эта тетя.

И, рассмеявшись, протянул мне руку.

Так началась наша дружба. На следующий день он пригласил меня навестить его хорошую знакомую Лизу Шатенштейн - отличную пианистку. В квартире Шатенштейн я увидела большую группу молодежи, старых друзей Ионы по реальному училищу. Многие из них, студенты заграничных университетов, съехались на каникулы в родной город да так и остались здесь из-за начавшейся войны.

Перезнакомились мы очень быстро, и через час-два я уже знала многие подробности из жизни этих недоучившихся студентов и даже поняла, что все они считают себя революционерами или социалистами. Признаться, тогда я мало в этом разбиралась. Но самостоятельность и категоричность высказываний и Якира, и Равича, и Слепого, и других мне

понравились, и я почувствовала, что попала в хорошую, дружную компанию честной, искренней, увлекающейся молодежи.

Отец Ионы давно умер, и я в первые же дни знакомства прямо спросила его:

- Как же вы все живете? На какие средства существуете?

- Живем, хлеб жуем и не очень тужим, - отшутился Иона, но тут же, посерьезнев, добавил: - Я даю уроки и помогаю матери. Сама она немного прирабатывает, не забывает нас и дядя Фома. Вот и выкручиваемся.

- А чем ты занят в свободное время?

- Хожу в детский садик... Встречаюсь с товарищами...

- А еще?

- Не будь слишком любопытной...

Мое любопытство не было случайным: я знала, что Иона вместе с товарищами посещал какие-то собрания молодых марксистов, но на эту тему не распространялся. Меня с собой он не звал, так как считал «слишком маленькой». Зато вечерами у Лизы Шатенштейн я становилась свидетельницей жарких споров о будущем общественном и политическом переустройстве России, о нуждах рабочих и крестьян, о роли интеллигенции и ее месте в революционном движении. Поминутно слышалось: Маркс... Энгельс... Ленин...

Споры прекращались, когда Лиза садилась за рояль. Нас с ней роднила любовь к музыке, и я испытывала наслаждение, слушая в ее исполнении произведения лучших композиторов.

Мой друг Иона, к его величайшему огорчению, музыкальным слухом не обладал, но музыку тоже очень любил и не пропускал ни одного «концерта» Лизы. Возле рояля он мог сидеть часами.

- Не всем же быть музыкантами, - говорил он, - но понимать музыку может каждый. Знаешь, в Швейцарии мне приходилось бывать на концертах оркестра, которым дирижировал знаменитый Кусевицкий. Я вслушивался и все понимал!.. Может быть, научишь меня хотя бы двум-трем аккордам на рояле?

У Ионы была исключительная зрительная память, и ею он восполнял недостаток музыкального слуха. Я показала ему несколько аккордов из сюиты Грига «Пер Гюнт». С большим удовлетворением, очень торжественно он брал эти аккорды и заявлял:

- Вот, видишь, и я концертирую!..

На Иону Якира я глядела глазами влюбленной девушки, а позже - жены, и видела в нем то, чего другие не замечали. В нем было много хорошего.

Большой, гибкий ум и феноменальная память. Скромность, доходящая до смешного. И вместе с тем смелость, душа

нараспашку, готовность взяться за любое дело, если оно принесет пользу товарищам, семье, революции. Огромное терпение - и молодая порывистость. Усидчивость, упорство - и романтическая нежность. Честность, прямота, щепетильность - и неприкрытая неприязнь ко всему, что хоть в малейшей степени противоречило его взглядам на жизнь.

А ведь он только вступал в жизнь, которая готовила ему много трудностей и сюрпризов. Он вступал в жизнь, поглощенный марксистскими идеями, и... спешил на свидания со мной, так как наш «роман» в ту пору был в самом разгаре.

Может быть, это смешно и наивно, но во время наших свиданий он очень много говорил о химии. Химии Иона собирался отдать все свои силы. Но в науку, в студенческие мечты уже вторгалась революционная работа, а раздваиваться он не любил, не мог, не хотел. Что же выбрать - химию, в которую звал его известный швейцарский профессор Фихтер, или революцию, которую готовила большевистская партия во главе с Лениным?

Когда Иона учился в Харьковском технологическом институте, профессор Фихтер прислал из Базеля ректору института матрикулы Ионы и хвалебные отзывы о нем как о будущем ученом. Но Иона выбрал не химию, а революцию. Все последующие годы нашей совместной жизни химия служила только темой или предлогом для воспоминаний о прошлом, к которому нет возврата, так как нужно было воевать за Советскую власть, а потом работать, работать и работать - до самозабвения, до предела человеческих сил и возможностей.

Как с высокого холма, гляжу я нынче на убегающую в далекие дали дорогу его жизни и, будто он, чуть поседевший, но все такой же молодой и неуемный, живой и энергичный стоит рядом, говорю ему:

- Повторил бы ты все сначала? И слышу уверенный ответ:

- Обязательно!.. Помнишь, как великолепно и вдохновенно писал Феликс Эдмундович Дзержинский: «...Если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал...»

- И ты ни о чем не жалеешь?

- Жалею.

- О чем же?

- О том, что сделал слишком мало.

На воображаемом холме нет рядом со мной моего дорогого друга и мужа, бесконечно скромного и отважного рыцаря революции. И этот безмолвный диалог я веду сама с собой, понимая, что мертвые не возвращаются даже тогда, когда о них пишутся самые лучшие слова, а память их увековечивается

памятниками.

Впрочем, это подсказано мне моей непроходящей болью.

...В Тирасполе Иона редактировал военную газету, писал статьи и заметки, которые подписывал псевдонимом «Ионыч». В более поздние годы он писал мало и редко, но вкус к литературной работе сохранил до последних дней жизни. Во всяком случае, будучи уже командующим войсками округа и членом Реввоенсовета СССР, он всегда уважительно относился к литераторам, журналистам и считал, что они стоят в общем строю и помогают воспитывать войска в духе партийных ленинских требований.

С большой теплотой и добродушным юмором рассказывал мне Иона о том, как он стал командиром китайского батальона.

- Понимаешь, однажды ночью будят меня. В чем дело? Пришел, говорят, какой-то китаец, поговорить хочет. Давайте, говорю, его сюда. Входит китаец и жестами зовет меня во двор. Зачем? Выхожу, а во дворе толпа китайцев. По окрику «Васики» - так назвал себя ночной гость - все подтянулись как по команде «Смирно». Ну, а потом мы кое-как договорились. Китайцы решили воевать за Советскую власть. Создали мы целый батальон, а командиром стал еще один китаец... Иона Якир!

Весь рассказ сопровождался энергичной жестикуляцией, уморительной мимикой и веселым хохотом.

По отзывам Ионы, китайцы были очень честными, выносливыми и стойкими воинами. Если рядом от вражеской пули или гранаты погибал друг или брат, китайский боец задерживался только на две-три секунды, чтобы прикрыть глаза убитому. И опять кидался в бой. А уж если было приказано не отступать, то никакая сила, кроме слова командира, не могла заставить любого «Васику» уйти со своего места.

Особенно, помнится, Иона расхваливал бойца по фамилии Сен Фу-ян. Тот пользовался среди красноармейцев китайцев большим авторитетом. Часть китайских бойцов погибла на советской земле, часть потом вернулась на свою родину. Все, кто остался жив, насколько я знаю, сохранили добрую память о русских большевиках и о своем бесстрашном командире «капитане Якила».

Тираспольекий отряд, как известно, отходил из Бессарабии с боями через Одессу - Вознесенск-Екатеринослав. Под Екатеринославом Иона был тяжело контужен и ранен, и его, потерявшего сознание, увез санитарный поезд. Товарищи уже решили, что он не жилец на этом свете, и даже разобрали, по фронтовой традиции, его личные вещи на память. Однако одна медицинская сестра выходила его. Когда Иона немного

оправился, он взял костыль - второго не нашлось - и начал пробираться к остаткам своего отряда.

Нелегким, вернее очень тяжелым и опасным, был этот путь, но Иона все же добрался до своих и нашел их в Воронеже.

Я в это время находилась в Харькове и каждый день с нетерпением ждала весточек от любимого человека. Почта фактически не работала, письма не приходили, и я всякими правдами и неправдами добивалась сведений о Якире. В то время я еще не была его женой, поэтому во всех учреждениях, куда обращалась, ко мне относились недоверчиво, не очень внимательно, а то и просто отмахивались.

И все же я узнала, что Иона жив, а штаб 8-й армии, или Южной завесы, размещается где-то в районе Воронежа - Лиски. Я была молода и неопытна, и мне все казалось легко достижимым. Во всяком случае, желание увидеть любимого человека было так велико, что я, к ужасу моей сестры, решилась на безумный в то бурное время шаг - ехать в Воронеж. Отговорить и удержать меня не мог никто, и я двинулась в путь.

Теперь об этом даже страшно вспоминать. Харьков оккупировали немецкие войска. Демаркационная линия проходила где-то между Белгородом и Курском. Зима. Поезда ходят редко, нерегулярно и забиты до отказа. Свирепствует тиф и даже холера. Деньги обесценены и мало кого интересуют. В общем, ни дать ни взять - сплошное хождение по мукам. И все же я добралась до Воронежа, где, как уже упоминала, нашла новых друзей Ионы, а его самого не застала - он в это время находился в районе Коротояка.

Теперь я имею возможность пользоваться некоторыми архивными материалами, поэтому позволю себе привести выдержку из представления Якира к первому ордену Красного Знамени. Текст представления сжато, но выпукло характеризует боевую деятельность Ионы в те дни.

Вот что писал в представлении начальник 12-й дивизии Любимов: «...Благодаря только настойчивости, крайнему напряжению всех сил 12-я дивизия одолела казаков Краснова, захватила Лиски и вышла на линию Икорцев. Дивизия обязана своим успехом главным образом энергии и деятельности члена РВС 8-й армии т. Якира. Он проявил неутомимую деятельность, железную волю и энергию. Не смущаясь ни временными неудачами, ни случайными поражениями, твердо веря в счастливый исход операции, т. Якир вел железной рукой подчиненных ему красноармейцев к победе. Непрерывный тяжелый труд в течение трех недель надломил его израненный организм, но, уже будучи больным, он продолжал руководить

операциями и, собирая последние остатки сил, еле вставая с постели, т. Якир в грозные минуты, когда колебались полки, сам встал в ряды их на поле сражения. Когда в минуту смятения полки отошли к Коротояку, т. Якир лично их устроил и, дав отдохнуть, повел в контрнаступление, взяв Коротояк, на плечах отступающих казаков ворвался в Лиски и нанес им поражение. У Коротояка, уговаривая отступающих в панике красноармейцев, т. Якир был смят не рассуждавшей массой и чуть не расстрелян. Все эти неудачи не сломили железную волю т. Якира, и РВС дивизии свидетельствует, что достигнутый успех в овладении военно-стратегическим узлом Лиски и выход наших полков на линию Икорцев всецело должен быть приписан боевой деятельности т. Якира...»

А вот выдержка из заключения вышестоящего командования: «...К моменту приезда т. Якира в Коротояк положение было критическим. В Коротояке находились части Кексгольмского полка, и то они эвакуировались в Репьевку - Острогожск... Якир поехал в Острогожск и заставил Сахарова подчиниться дисциплине и сражаться в рядах 8-й армии. В течение двух дней он собрал разбросанные остатки полков и двинул их в бой...»

Перечитывая сейчас документы, я представляю себе дорогого мне человека, любителя музыки и химии, в гуще боев. В то время, добравшись до Воронежа, я питалась только слухами и рассказами товарищей. Эти рассказы, как мне иногда казалось, сочинялись специально для меня. Пусть, мол, девушка, невеста Якира, порадуется!

Прямо из гущи боев Иону, больного и ослабевшего, отвезли в имение Охотниково, предоставив ему возможность немного отдохнуть и прийти в себя. Вместе с секретарем Реввоенсовета армии Владимиром Константиновичем Соцковым я тоже отправилась туда. Когда я увидела любимого, сердце мое сжалось от боли и испуга. На него страшно было смотреть. Скелет, еле обтянутый кожей, заострившееся лицо с ввалившимися глазами, со странным отсутствующим взглядом... От прежнего жизнерадостного и довольно крепкого студента ничего не осталось.

Моему приезду Иона не обрадовался и даже с упреком сказал:

- Зачем ты приехала? Зачем подвергала себя опасностям и лишениям?

Потом он устало прикрыл глаза и глухо произнес слова, от которых и по сей день, когда вспоминаю, горло схватывает судорога.

- Пойми, Саинька, сейчас моя жизнь отдана революции... На

личные радости я не имею права до тех пор, пока Советская власть твердо не станет на ноги... Не сердись и пойми меня...

Он еле шевелил губами, но слова шли из самой глубины его сердца, и я, не найдя ответа, молча и виновато присела рядом. Осторожным движением он погладил мою руку - крепись, мол, все еще впереди, не отчаивайся...

Мне ничего не оставалось делать, как побыстрее собраться обратно в Воронеж, а оттуда в Харьков.

Заметив в моих глазах печаль и страдание, товарищи из штаба армии - Соцков, Весник, Базилевич, Фирсов - старались меня успокоить и даже слегка поругивали Якира за то, что он гонит невесту обратно. Но, видимо, они гордились Ионой. Кто-то даже бросил такую фразу:

- Не человек, а кремень. Кроме революции, для него ничего не существует.

Следующая моя встреча с Ионой произошла в маленьком городке Сватово-Лучки, неподалеку от Харькова. На этот раз Иона сам вызвал меня телеграммой на два дня, воспользовавшись небольшим затишьем на фронте. Вместе с друзьями встретил меня на вокзале и повез домой. На столе был приготовлен скромный завтрак, в вазочке стоял большой букет цветов. Это меня очень растрогало.

Иона чувствовал себя лучше, был словоохотлив и заботлив.

Два дня пролетели как сон. Переполненная счастьем и любовью, я с трудом рассталась с Ионой и поехала назад, в Харьков.

Работала я в Харьковском горпродкоме счетоводом. Однажды утром только раскрыла служебные бумаги и счета, как услыхала за спиной шум и знакомые голоса. Подняла голову и обмерла: в дверях увидела улыбающихся Иону Якира и Володю Соцкова. Неловко обняв меня, Иона протянул какую-то бумажку:

- Читай... И собирайся побыстрее!

Это было разрешение начальства отпустить меня с работы. Оказывается, Иона уже успел побывать у начальника горпродкома, представился ему моим женихом, прибывшим на короткий срок с фронта, и получил разрешение увезти свою невесту.

В горпродком я уже не вернулась: вместе с Ионой уехала к месту его нового назначения - в Одессу. Поселились мы на даче бывшего царского генерала Сухомлинова, вскоре к нам присоединились Гарькавый, Левензон, Гусарев и еще много товарищей, направленных на Украину. Здесь же, в Одессе, Иона стал с благословения товарища Аралова формировать 45-ю стрелковую дивизию.

Я начала работать в информотделе Бессарабского правительства и находилась в эшелоне на станции Раздельная. Штаб 45-й дивизии разместился на станции Бирзула, поэтому видеться с Ионой приходилось очень редко, да ему было и не до меня: навалилось слишком много срочных и трудных дел.

Бессарабское правительство просуществовало недолго, и после его расформирования я с радостью поспешила в Бирзулу. Но обстоятельства снова разлучили нас с мужем.

Одессу, Вознесенск, Помошную и Черкассы захватили деникинцы. Вся территория между Каневом и Белой Церковью и к югу от железной дороги Бирзула - Голта кишела многочисленными петлюровскими и прочими бандами. Возле Жабокричева и Крыжополя оперировали части галичан, к югу вдоль Днестра - румыны. 45-я дивизия оказалась во вражеском кольце, из которого надо было вырваться во что бы то ни стало. Из истории гражданской войны известно, что в связи с таким положением была создана Южная группа войск, которую возглавили Якир, Гамарник, Затонский и Немитц. Командование 45-й дивизией временно принял на себя Илья Гарькавый. Поход Южной группы занимает свое почетное место в военной истории, и не мне описывать его. Приведу только отдельные детали.

Помню, как-то ночью Иона вместе с Гамарником и Затонским приехал из Одессы на паровозе. Даже не зайдя в наш вагон, чтобы поздороваться со мной, Иона направился прямо в штаб: там состоялось военное совещание.

Всю ночь я просидела без сна, прислушиваясь к каждому шороху. Неужели он уедет, так и не повидав меня?

Но под утро Иона забежал в вагон, порывисто обнял меня и прошептал в самое ухо: - Саинька, дивизия окружена... Весь подвижной состав мы сожжем, а сами будем прорываться... - Потом испытующе взглянул на меня, словно хотел проверить, пойму ли я его, и добавил: - Я приказал всем женщинам покинуть дивизию. Тебе нужно показать пример и уехать первой. Захвати с собой еще несколько семей.

- Неужели ты заставишь меня уехать в такой момент? - запротестовала я.

- Иного выхода нет. Поход будет тяжелым, прольется много крови, я должен все время быть рядом с бойцами. Нет, нет, жёны станут обузой, пойми это...

- А если что случится?..

Он усмехнулся и ласково погладил меня, как ребенка.

- Мы с тобой молоды, родная, будем надеяться на лучшее... Как только вырвемся, обязательно встретимся!..

Еще несколько минут я упрашивала взять меня с собой, но

Иона был неумолим. С необычной для него настойчивостью он объяснил мне, что сейчас должен быть свободен от всяких личных переживаний и волнений и думать только о спасении войск. Конечно, я видела, чувствовала, что ему очень тяжело расставаться со мной: ведь мы, собственно, еще не успели и побыть вместе, но, отдав приказ, он не хотел для себя никаких привилегий.

На следующее утро мы, группа командирских жен и детей, на подводах выехали из расположения штаба 45-й дивизии в сторону Одессы. По дороге многие разбрелись в разные стороны. А я и Ася Коренблит устроили небольшую инсценировку. Объявив себя курсистками, потерявшими связь с богатыми киевскими родными, мы упросили начальника белогвардейского бронепоезда, стоявшего под парами на станции Одесса, довезти нас хотя бы до Казатина. Офицер то ли поверил нашим сказкам, то ли хотел выглядеть в глазах молоденьких «аристократок» галантным кавалером, но он согласился помочь нам: до Казатина довез, а там, козырнув, высадил. Из Казатина мы поездом доехали до Фастова, потом до Киева, где и стали ждать прихода Красной Армии.

Наша очередная встреча с Ионой состоялась в Екатеринославе (Днепропетровске). Добралась я туда тоже не без приключений и трудностей. Но и приключения, и трудности уже стали привычными, а тоска по любимому помогала преодолевать самые тяжелые испытания.

Мост через Днепр был взорван, покореженные фермы беспомощно повисли над водой. Поезд подошел к первой, сохранившейся половине моста, затем пассажиры высадились из вагонов, кое-как добрели до берега и начали карабкаться наверх, чтобы продолжать путь пешком, на под-водах или машинах. Сутолока, испуганные крики, надрывный плач детей.

Я брела по колено в воде, как вдруг кто-то поднял меня и бережно водворил на более сухое место. Это был он - мой родной и любимый. Ради одной минуты нашей встречи стоило перенести все, что я перенесла. На моих глазах блестели слезы радости и благодарности. Мы снова оказались вместе!..

Хочется описать мне и внешность Ионы. Ведь до боли сердечной была дорога каждая черточка его лица, каждое движение рук, свет и тени глаз. Опишу его таким, каким видела в последний раз в Киеве, в конце мая 1937 года, перед отъездом в Москву.

Высокий, очень стройный, не широкоплечий. Движения его были плавными, даже изящными. Черные густые волнистые волосы на высоко поднятой голове. Четкий рисунок бровей и рта.

Типичный для всех Якиров нос – не большой, чуть курносый. Карие глаза, добрые и пытливые, будто всё знающие и всё понимающие.

Во все времена года он выглядел загорелым, смуглым, так как большую часть своего служебного времени проводил в поездках, на воздухе, под солнцем, дождем и ветром. Ежедневно занимался гимнастикой и, хотя физической силой похвалиться не мог, в любимом виде спорта - цыганской борьбе - всегда выходил победителем. Двигался много, быстро, легко переносил и жару, и холод.

Еще с юности я знаю сестру Ионы - Изабеллу Эммануиловну, а попросту Белочку. Он очень любил ее. Не только внешне - своим духовным обликом она была так похожа на брата. И сейчас, встречая ее, я как бы вижу и своего незабвенного мужа. Изабелла Эммануиловна тоже пережила ужасную трагедию - гибель любимого брата, а затем мужа - Семена Захаровича Корытного.

...Годы гражданской войны остались позади. Мы поселились в Харькове, потом переехали в Киев, где в 1923 году у нас родился сын, названный в честь ближайшего друга Ионы - Петра Ионовича Баранова, командующего военно-воздушными силами Республики, - Петей.

Жили мы, как говорится, на людях. Всегда в нашей квартире было полно народу. Приходили не только по делам, а и просто побеседовать, посмеяться, отдохнуть. Двери были открыты для всех - и больших начальников, и партийных руководителей, и бывших фронтовиков, рабочих предприятий, и командировочных, не нашедших места в гостинице или в общежитии. Приходили к нам и жены командирские, и их дети... Несмотря на свою огромную занятость, Иона Эммануилович всегда находил время потолковать с гостями, рассмешить их остроумной шуткой, повозиться с ребятишками, окружавшими его любимца Петю.

Друзей у Ионы было много, очень много. Такие же искренние, сердечные, убежденные ленинцы, они неизменно находились рядом с Ионой, и он, уверена, не мог бы и дня прожить без них, в замкнутой семейной скорлупе.

Назову некоторых близких друзей Якира. Прежде всего, Петра Баранова, о котором только что упомянула. Я знала его еще с 1920 года, когда Баранов был членом Реввоенсовета 14-й армии. И уже тогда приметила, что между ним и Ионой существует настоящая мужская, партийная дружба, которая имеет крепкий фундамент: единство взглядов и характеров, уважение к людям и безгранично восторженную веру в Ленина.

Под стать им был и Иван Алексеевич Акулов, крупный партийный работник. С ним Иона мог подолгу беседовать на

любые темы.

Ян Гамарник, Лаврентий Картвелишвили, Илья Гарькавый, Николай Голубенко, Иван Дубовой, Василий Бутырский, Николай Попов, Семен Корытный, Г. Д. Хаханьян, М. П. Амелин, Николай Каширин, очень многие командиры, комиссары частей и соединений, директора предприятий... Всех не перечислишь! Для них Иона Эммануилович был самым близким товарищем, кристально чистым и честным в помыслах и поступках. Поэтому и мне все эти люди были близкими и дорогими - ведь я не отделяла себя от мужа, жила его интересами, его делами и, конечно, всегда была гостеприимной хозяйкой.

Илья Гарькавый считался у нас отцом родным и дядькой Черномором. Невысокий, плотный, широкоплечий, с большими пушистыми усами, он, когда сидел, казался человеком крупного роста, а когда поднимался со стула, еле доставал Ионе до плеча. Очень добрый и аккуратный до педантичности, Гарькавый учил чистоте и порядку и нас, и красноармейцев. Выезжая в части, Илья обязательно заглядывал во все уголки казарм и, если замечал непорядок, замолкал и лишь шевелил усами. Это означало, что он недоволен и виновным не поздоровится.

Еще во время гражданской войны мне приходилось в качестве штабной шифровальщицы выезжать с Гарькавым в части, и я с трудом переносила его удручающее молчание. Чтобы как-то разрядить обстановку и заставить Илью заговорить, я начинала ерзать на стуле: пора, мол, и говорить что-нибудь... А он после длительного молчания вдруг взрывался и начинал пушить виновных... Но при всем том был он очень добрым и отзывчивым и лишь напускал на себя вид грозного начальника.

Иона очень любил Гарькавого. Когда тот заболел сыпным тифом, Иона ужасно волновался.

И уж совсем невозможно передать, что пережил Иона Эммануилович, когда в начале 1937 года Гарькавого арестовали. Иона толкался в НКВД, ездил к Сталину. Ничего не добившись, попросил разрешения хотя бы позаботиться о семье друга.

Любимым и самым авторитетным начальником Ионы был Михаил Васильевич Фрунзе. Иона его буквально боготворил, считая очень умным полководцем и выдающимся ленинцем. После встреч с Фрунзе Иона всегда подолгу рассказывал, какой это замечательный большевик, как приятно выполнять его приказания и претворять в жизнь его планы. В своей военной деятельности Иона считал себя учеником и последователем Фрунзе и очень этим гордился.

Однажды под утро из домашнего кабинета мужа до меня донеслись странные звуки, похожие на всхлипывания.

Перепуганная, я вбежала в комнату и увидела такую картину: Петр Баранов и Иона Якир, обнявшись, рыдали, как рыдают в большом горе безутешные женщины. Оказалось, что умер Фрунзе. За несколько дней до этого Иона и Баранов навещали Фрунзе в больнице. Михаил Васильевич чувствовал себя неплохо и спокойно готовился к операции. И вдруг такой неожиданный финал! Иона весь почернел от горя и с трудом заставлял себя двигаться и заниматься своими служебными и партийными делами.

Мне очень трудно и больно вспоминать и писать о последних днях нашей совместной жизни, о трагической гибели дорогого мне человека...

"БУДЬ НАСТОЯЩИМ, СЫН" П. И. Якир

Отца я помню очень хорошо. Помню его внешность, голос, характерные жесты, улыбку, смех... Помню многих людей, приходивших к нам в дом, их беседы с отцом. Помню даже то, что, как я теперь понимаю, мне и не положено было знать. Но что поделаешь, я был любознательным парнишкой, старался почаще бывать подле отца и в меру моего тогдашнего разумения понять и осмыслить окружающее.

Совсем отчетливо помню себя с семилетнего возраста, то есть с конца 1930 года. Я готовился стать первоклассником и уже видел себя в длинных брюках с ученическим ранцем за спиной. Это событие ожидалось у нас в семье давно, и отец часто разговаривал со мной о том, что учиться надо много и старательно. Он рассказывал, что в свои детские годы учился с охотой, мечтал стать ученым-химиком, и хотя в царское время все это было нелегко, своего он добился бы наверняка.

- Знай, сынка, - говорил папа, - каждый человек обязан быть требовательным прежде всего к самому себе. Иначе он станет мямлей и никакой пользы не принесет ни себе ни людям. Разве ты хочешь быть мямлей?

Нет, мямлей я быть не хотел, но еще неясно представлял себе, в чем должна проявляться требовательность и самодисциплина. Хорошо учиться? Ну, учиться-то я буду прилежно. Не пачкать учебники и тетради, не драться с товарищами?.. Постараюсь... А если кто-нибудь меня обидит? Смолчать или дать сдачи?..

Отец терпеливо втолковывал мне, как и в каких случаях надо поступать. Я обещал послушно выполнять его советы.

В то время мы жили в Харькове, на Ветеринарной улице. Папа часто гулял со мной по вечерам, перед сном, и эти прогулки я очень любил. У нас даже были постоянные маршруты. Обычно мы медленно шли до здания Технологического института. Здесь отец останавливался и крепко сжимал мою руку, как бы приказывая помолчать. Теперь я понимаю, что его тянуло к месту, где пролегла одна из тропинок его юности, где он учился и начинал свою революционную деятельность. «Техноложка» была дорога его сердцу, и он, уже прошедший гражданскую войну и навсегда расставшийся с мыслью стать химиком, разрешал себе эту маленькую слабость: постоять у здания alma mater. Глаза его слегка щурились, по лицу бродили тени воспоминаний, и, если

бы не мое нетерпение - «Папа, пойдем», - он, может быть, стоял бы здесь долгими часами.

Иногда маршрут менялся: мы шли вверх по Пушкинской улице, или же направлялись к кладбищу, где похоронена моя бабушка Клара - мать отца.

С увлечением отец рассказывал мне о своих студенческих годах, о самой интересной, по его мнению, науке - химии и обязательно добавлял:

- Если бы не революция, я, сынка, стал бы химиком. И ты видел бы меня сейчас не в гимнастерке, а в белом халате, и я бы колдовал над колбами, пробирками и мензурками.

- А почему ты не можешь надеть белый халат? - задавал я наивный вопрос. Отец усмехался, гладил меня по голове и задумчиво отвечал:

- Халат-то я могу достать... Хоть три халата... А вот химией заниматься некогда.

- Ты же начальник, кто тебе может запретить?

- Чудачок ты и многого еще не понимаешь. Вырастешь - поймешь, что есть дела и поважнее химии.

Меняя тему, папа начинал рассказывать мне о звездах, которые густо усеивали небо над Харьковом. Он хорошо разбирался в астрономии, знал названия многих созвездий и высчитывал расстояния до них от Земли. Это изумляло меня и казалось непостижимым. Но слушал я внимательно, так как отец о самых сложных предметах умел рассказывать понятно и увлекательно.

- А знаешь, - как-то сказал отец, - у меня есть своя звезда - Вега!

- Почему она твоя и почему Вега?

- Потому что она большая, находится в зените и к ней ведет прямой путь.

Смысл этого ответа был мне не совсем ясен, но я усвоил главное: прямой путь - путь настоящего человека. Впоследствии, когда меня кто-либо спрашивал, есть ли у меня своя звезда, я с гордостью отвечал:

- Вега!

Сегодня я понимаю, что означали слова отца о прямом пути. Таким путем он шел всю свою жизнь...

Отец старался приучить меня ничего не бояться. Поэтому, когда мы приходили на кладбище, он часто прятался от меня и оставлял одного. Сначала меня охватывал страх, но постепенно я привык и уже спокойно расхаживал по темным дорожкам кладбища мимо могил и надгробных плит.

Однажды мы сели у могилы бабушки, и папа начал тихим

голосом рассказывать страшную историю о том, как какой-то голодный преступник вырезал у мертвеца печенку и хотел ее зажарить. Но в тот момент, когда преступник разводил огонь, мертвец поднялся из гроба и крикнул: «Отдай мою печенку!..» Эти слова папа произнес неожиданно очень громко, и я съежился от испуга. Но во второй раз этот же рассказ уже не произвел на меня такого впечатления, и я спокойно ждал заключительного возгласа.

Через некоторое время папа повторил ту же историю моим сверстникам, собравшимся у нас в темной комнате, без света. Я знал все наизусть, а остальные ребята слушали впервые. Когда папа крикнул последнюю фразу, Вовка Каширин с перепугу захныкал, а я засмеялся, успокоив тем самым замерших слушателей. Во всяком случае, «страшные истории» на меня больше не действовали, я перестал бояться темноты, привидений и домовых.

Позже, когда мы переехали в Киев, я, как все дети, тем более дети военных, любил играть в войну. Все мои товарищи тоже увлекались «боями», мастерили деревянные сабли, винтовки и сражались с белогвардейцами. Конечно, все хотели быть только красными, и это обстоятельство порождало почти непреодолимые трудности. Возникали споры, перебранки. Красными становились наиболее упорные и настойчивые.

Играли мы и при помощи спичек: коробки и спички изображали войска и укрепления. Каждый из нас командовал группой войск какой-нибудь выдуманной страны и старался победить противника. Увлечение и азарт охватывали нас, и мы иногда не замечали, как в комнату заходил папа и, не мешая нам, наблюдал за «военными действиями».

Но однажды, нарушив правило, папа присел рядом с нами, потом опустился на колени и попытался разобраться в разыгравшейся «битве».

- Против кого наступают твои войска? - спросил папа, показывая на мои спичечные коробки.

- Против этого... ну как его... противника... - Не найдя нужных слов, я выпалил: - Против Вовки Постышева.

- А, вот оно что!.. Какие же части действуют на твоем участке?

Я объяснил, пересчитывая спички, что имею три пехотные дивизии, одну кавалерийскую и одну танковую. Папа хитро сощурил глаза и задал каверзный вопрос:

- Где же твой обоз?

Я удивленно фыркнул. Подумаешь, кому нужен какой-то обоз, когда мы ведем настоящее сражение!

- Ну, тогда ты долго не продержишься, - добродушно улыбнулся папа и тут же пояснил, что без тылов войска не могут сражаться и побеждать. Ведь нужны патроны, снаряды, медикаменты, продовольствие...

После этой популярной лекции мы всегда выделяли несколько коробочек спичек в качестве обоза и старались сделать так, чтобы все наши войска были сыты и хорошо вооружены.

Кажется, в 1934 году происходили учения или маневры наших войск. Собираясь на эти учения, отец спросил меня:

- Может быть, хочешь посмотреть, как живут и действуют не спичечные коробки, а настоящие войска?

Разве можно было устоять против такого заманчивого предложения!

И вот я оказался среди множества командиров, которые раскладывали и склеивали большие карты, что-то на них чертили разноцветными карандашами, наблюдали в бинокли за передвижением войск... Все это было захватывающе интересно, и я тоже воображал себя знаменитым полководцем и непобедимым героем, таким, например, как Котовский, или Фабрициус, или... Ганнибал. Да, и о Ганнибале я слыхал от папы и даже запомнил подробности сражения при Каннах.

Учения частично разыгрывались в воздухе. Представьте мою гордость, когда я вместе с другими командирами, составлявшими группу главного руководства, взобрался в двухмоторный бомбардировщик и устроился в стеклянной кабине штурмана, называвшейся «Моссельпром». Я пытался выяснить у штурмана, почему кабине дано такое странное название, но он только усмехнулся и махнул рукой. А папа находился в фюзеляже и был занят.

Все-таки я пробрался к нему и попытался выяснить мучившее меня «почему». Папа и другие командиры расчерчивали карты, иногда переговаривались и не обращали на меня внимания.

- Папа, - нерешительно произнес я, наверняка зная, что сейчас ему не до меня. Отец поднял голову и строго ответил:

- Ты же видишь, что мы работаем!

Я виновато полез обратно в «Моссельпром», так ничего и не узнав.

На следующее утро папа спросил меня:

- Ты опять полетишь с нами или, может быть, поедешь на машине?

- Да, лучше на машине... В самолете мне скучно.

Но я сказал неправду: просто мне было немножечко страшно сидеть в самолете и видеть, как плывет внизу непохожая на себя земля, мелькают маленькие, словно игрушечные, домики и синие

жилки речушек и озер, а мимо стекол кабины проносятся вздувшиеся белые и серые облака. А вдруг перестанут реветь моторы и мы кувырком полетим вниз?

Я с радостью перекочевал в машину, и снова земля, леса, дороги стали выглядеть обычными и знакомыми.

Учения проходили в напряженном темпе. Отец работал очень много и только изредка поглядывал на меня и бросал два-три слова.

- Ну как, Петя, жив-здоров?

- Здоров.

- Выспался?

Я-то высыпался вволю. Но когда спали отец и его помощники, даже представить не могу. Бывало, я мгновенно проваливался в сон - в машине или в хате какой-нибудь деревушки, а проснувшись, опять видел за столом или на сиденье машины отца. Я даже пытался подсчитать, сколько часов он не спит, но сбился со счета.

На этих учениях повидал я и настоящих красноармейцев, и пушки, и бравых кавалеристов, и измазанных машинным маслом танкистов, и даже обозы. Слегка дымили полевые кухни, и от них тянуло аппетитным запахом. Возле одной такой полевой кухни мы с удовольствием ели суп, а потом гречневую кашу с маслом. В общем, впечатлений накопилось много. Будет что рассказать соратникам и противникам по спичечной войне!

На обратном пути отец заезжал в полки, в батальоны и дивизионы. Он выходил из машины, присаживался рядом с красноармейцами, закуривал и заводил разговор, как со старыми знакомыми. Во время разговора слышался смех, шутки, иногда, к моему удивлению, кто-то затягивал песню и отец, незаметно дирижируя одной рукой, подпевал. Видимо, песни доставляли ему большое удовольствие, хотя сам он музыкальными способностями не обладал, чем всегда очень огорчался.

В конце зимы 1934 года я заболел дифтеритом. Родители очень волновались, мама торопила врача поскорее сделать мне какие-то уколы. Но я боялся уколов, капризничал, хныкал и заявил, что не желаю видеть иглу и колоть себя не дам.

Во время этой бурной сцены из штаба приехал отец. Он подошел к моей кровати и сказал только одно слово:

- Сын!..

В тоне, каким он произнес это слово, было всё: и любовь ко мне, и страх за мое здоровье, и укор за капризы. Мое сопротивление было сразу же сломлено. Я немедленно поднял рубашку и зажмурил глаза. Укол сделали. После этого отец присел на край кровати и попросил меня объяснить, почему я так

боялся укола.

- Игла очень длинная и страшная.

- Да, длинная, острая, но не страшная. Советую тебе никогда ничего не бояться. Ты знаешь, сын, что я был на войне. Больше всего мы опасались трусов. Трус - хуже червя. А человек - не червяк и должен владеть собой, своими нервами, своей волей. Мне было бы очень стыдно, если бы мой сын, сын коммуниста, оказался трусом.

Отец говорил медленно, спокойно, не выпуская моей горячей руки из своих ладоней. Я прижался лицом к рукаву его гимнастерки и твердо заявил:

- Тебе не придется стыдиться... Я не стану трусом!..

- Вот это другой разговор, - повеселел отец. - Чем же наградить тебя?

- Прочитай мне что-нибудь.

- Тогда слушай.

И он, не повышая голоса, читал на память стихотворения: «Думу про Опанаса» Эдуарда Багрицкого, а потом «Буревестник» Максима Горького.

- В детстве я очень любил эти стихи, - со вздохом сказал папа. - В особенности «Буревестник»... Ну, до свиданья, поправляйся...

На следующий день кто-то позвонил отцу. Он нервно сжал в руке телефонную трубку и даже побледнел. Потом положил трубку на рычаг и долго молчал, опустив голову и вздрагивая плечами. Я с недоумением следил за отцом: таким видел его впервые. Что случилось? Оказалось, что в Ленинграде убит Сергей Миронович Киров, о котором папа часто отзывался как об очень умном, талантливом работнике и выдающемся ораторе.

Мрачный, подавленный, отец ходил по комнатам и несколько раз, ни к кому не обращаясь, повторял:

- Непостижимо!.. Чудовищно!.. Кому это нужно?.. Такой человек!.. Такой большевик!..

Потом срывал трубку телефона и требовал немедленно сообщить новые подробности.

Подробностей, видимо, никто не знал, и отец, схватив фуражку, стремительно вышел из дому - толи в штаб, толи в ЦК Компартии Украины.

С того времени к папе, как члену Центрального Комитета партии, приставили охрану. Он был этим очень недоволен.

- Понимаешь, - говорил он как-то маме, - получается, будто я отгораживаюсь от людей. Это неприятное и мучительное чувство. Куда ни шагнешь - за тобой идут... Не такая уж я персона...

Но пришлось смириться, и теперь в выходные дни, выезжая за город в часть или на новостройки, папа вынужден 6ыл брать с

собой в машину и сотрудников охраны. А ведь раньше его спутниками в таких поездках были я и сын шофера Володя Баденков. Чаще всего шофер Шура Баденков устраивался сзади, папа садился за руль, а мы с Володей, тесно прижавшись друг к другу, старались не мешать и только слушали его увлекательные рассказы.

Осенью 1935 года после больших киевских маневров папа снова взял меня с собой в дальнюю поездку. Группа командиров - Бутырский, Подчуфаров, Демичев, Криворучко и другие, фамилий их не помню, выезжали зачем-то на озеро Карма. К ночи, когда густая тьма окутала прибрежные леса и озера, все решили поохотиться и на лодках разъехались в разные стороны.

Я поехал с папой. Было так темно, что становилось жутко, но я помнил «уроки» на кладбище в Харькове и советы у моей постели во время болезни. Старался держаться молодцом.

Свежий ночной ветер шумел в гуще затопленного леса. Папа правил и греб одним веслом и точно причалил к назначенному месту - двум бочкам, стоявшим рядом. Мы влезли в бочки, оказавшиеся охотничьими наблюдательными пунктами.

- Закурим, - сказал самому себе папа и чиркнул спичкой. Крохотный огонек на секунду вспыхнул, затрепетал и тут же погас, отчего вокруг стало еще темнее. - Ну как, охотник, наверное, ждешь от меня очередной истории? Теперь уже некогда, нужно быть наготове.

Вскоре забрезжил рассвет. По озеру пронеслась, разрывая тишину, моторная лодка. Стаи вспугнутых уток взмыли в воздух. Охота началась. Папа стрелял быстро и легко. Выстрелы доносились и из других лодок. Я попросил разрешения выстрелить, и папа протянул мне ружье. Мое боевое крещение оказалось неудачным: отдача отбросила меня к краю бочки, и я чуть было не свалился в воду.

- Эх ты, вояка, - насмешливо сказал папа, отбирая ружье.

Мне было немножко стыдно: ведь в спичечных боях я командовал целыми армиями.

Когда все охотники выбрались на берег и начали поджаривать на костре трофеи, папа попросил своих спутников поделиться впечатлениями не об охоте, а о состоянии укрепленного района. Завязался долгий служебный разговор. Я сидел в стороне и следил, как постепенно гаснет костер и длинные языки пламени становятся бледнее и короче. До меня доносились слова: «Огневые точки», «Секторы наблюдения»... «А если противник»...

Автомашины помчали нас назад, в Киев.

1936 год мне памятен событиями в Испании. Из разговоров

взрослых я понимал, что там буржуи-фашисты пытаются задушить молодую красную республику и некоторые наши красноармейцы и командиры просят разрешения поехать добровольцами в Мадрид. Вот, например, совершенно точные слова отца, сказанные по телефону командиру киевской авиационной бригады Бахрушину:

- Товарищ Бахрушин? Здравствуйте. Говорит Якир... Передайте, пожалуйста, вашим энтузиастам - Рычагову, Шмелькову, Бочарову, Ковтуну, Митрофанову и другим, чтобы они взяли по паре чистого белья, крепко поцеловали своих жен и через два часа явились в штаб. Я хочу с ними побеседовать.

Этот разговор происходил вечером. Отец вскоре уехал, а вернулся только под утро. Несмотря на усталость, он выглядел бодрым, шутил и, прерывая разговоры на домашние темы, вдруг произносил:

- Какие замечательные хлопцы! Им бы и жить при коммунизме!

Я задал свой обычный вопрос - почему?

- Потому что эти люди, советские летчики, готовы за друзей, за революционную Испанию отдать свою жизнь. Чистые, храбрые, искренние, боевые хлопцы!

Дни шли за днями. Папа каждую ночь звонил в Москву и справлялся о положении в Испании. Дома, в своем кабинете, повесил большую географическую карту, на которой отмечал боевые действия, приговаривая про себя:

- Но пасаран!.. Но иасаран!..

Мы, ребята, знали значение этих двух слов, ставших боевым девизом испанских республиканцев, и тоже повторили их, обсуждая волновавший нас вопрос: кто победит - красные пли черные?

Как-то вечером у меня собрались мои друзья: Володя Баденков, Юра Сапронов, Дима Затонский, Боря Раскин и Вова Постышев. Неожиданно вошел папа, взволнованный, возбужденный, и предложил:

- Хотите послушать не выдуманную, а настоящую историю?

- Хотим.

- Так слушайте, ребята, и запоминайте. Не так давно из Киева в Испанию отправился наш доброволец, девятнадцатилетний летчик Митрофанов. Хороший, отважный парень, я разговаривал с ним накануне отъезда. На своем самолете он геройски сражался против чернорубашечников, но был подбит и сделал вынужденную посадку. Фашисты сразу кинулись к самолету. У Митрофанова был пистолет. Из этого пистолета он отстреливался до последнего патрона и уложил несколько фашистов. А когда

кончились патроны...

Отец замолчал, и мы хором закричали:

- Дальше! Дальше!

- Потом советский доброволец Митрофанов сделал из носового платка фитиль, поджег самолет, чтобы не достался врагу, и взорвался вместе с ним.

Наступила тягостная пауза. Нам было жаль неизвестного летчика Митрофанова, который геройски погиб за Испанию, но выразить свои чувства словами мы не могли, не умели.

А папа продолжал:

- Вместе с Митрофановым в Испанию уехал летчик Бочаров. Его тоже подбили, и он, раненный, сел неподалеку от позиций фашистов. Что в таких случаях делают советские люди, комсомольцы и коммунисты? В плен они не сдаются... Бочаров стрелял, стрелял, надеясь, наверное, последнюю пулю пустить себе в висок. Но просчитался. Последней пулей он убил подбежавшего к нему фашистского офицера и лишь тут убедился, что в обойме пусто.

- И фашисты схватили Бочарова? - спросил я.

- Конечно, схватили, да еще обрадовались, что смогут выпытать у него военную тайну. Но не тут-то было. «Я уже мертвый, - крикнул Бочаров, - иначе вы бы меня не взяли». Взбешенный фашист сильно ударил ногой летчика и наклонился над ним. Но Бочаров уже был мертв. Опять наступила тягостная пауза.

- Тогда фашисты разрубили мертвое тело Бочарова на части и сложили их в ящик. Этот ящик они спустили на парашюте над Мадридом с такой надписью: «Так будет со всеми вашими летчиками». Понимаете, ребята, зачем фашисты сделали это? - спросил папа и сразу же ответил: - Они хотели запугать революционных бойцов. И снова просчитались. Один из друзей Бочарова, Павел Рычагов, немедленно поднялся в воздух, догнал самолет, с которого сбросили ящик, и сбил стервятника. Потом сбил еще два самолета... Вот как ответили наши люди фашистам!

Рассказывал отец с неподдельным волнением, в его глазах я видел и боль за погибших, и гордость за советских людей.

- Помните, ребята, какими должны быть советские люди, - сказал отец уходя.

Под впечатлением только что услышанного все ребята немедленно решили отправиться в Испанию, чтобы отомстить проклятым фашистам. Бурное обсуждение закончилось разработкой такого плана. Тайком от родителей мы выезжаем в Одессу, пробираемся на самый большой пароход и прячемся в ящиках для продуктов. А когда доедем до Испании, там объявим,

что хотим сражаться за Мадрид.

На дорогу мы решили собрать немного денег и консервов. В саду сделали тайник и туда сносили свои запасы. Дело подвигалось, правда, медленно, так как добывать деньги и консервы нам было нелегко. И все же через месяц мы накопили 70 рублей и около тридцати банок консервов.

Но наш план провалился. Уж слишком возбужденно и заговорщически мы вели себя. Кто-то догадался о наших замыслах и сообщил отцу. Обнаружили и тайник.

Папа собрал всю нашу «бригаду» и, не сердясь и не смеясь, вполне серьезно побеседовал с нами.

- Это похвально, ребятки, что вы хотите воевать за правое дело. Но воевать надо с пользой. Для этого нужно не только подрасти, но и кое-чему научиться, стать вполне грамотными, овладеть какой-нибудь специальностью. В Испании сейчас нужны обученные, стойкие, верные делу коммунизма бойцы. А вы пока всего-навсего мальчики, которые к тому же даже стрелять не умеют (это был камешек в мой огород). Итак, давайте договоримся, что вы пока повремените и будете расти и хорошо учиться. А когда придет время, тогда уж и работать и воевать будете по-настоящему...

Поездка в Испанию не состоялась. События шли своим чередом. Отец продолжал делать пометки на карте и опечаленно вздыхал. Испанские фашисты при поддержке немецких фашистов наступали...

...Неожиданно арестовали Николая Голубенко, старого папиного товарища, боевого комиссара времен гражданской войны. В прошлом киевский металлист, партийный работник, убежденный большевик, он короткое время сочувствовал троцкистам, но затем отошел от них. А теперь его арестовали по обвинению... в шпионаже и измене Родине.

Папа был потрясен.

- Не верю! Коля никогда, ни при каких обстоятельствах не пошел бы на такое преступление... Наверно, произошло недоразумение, и Колю скоро освободят.

Однако Голубенко не освобождали, а через некоторое время арестовали еще двух фронтовых соратников отца: командира танковой бригады Д. Шмидта и начальника штаба авиабригады Б. Кузьмичева. Оба они служили в округе под началом отца, он хорошо знал их в послевоенное время и никак не мог представить себе старых заслуженных командиров в роли преступников. А когда узнал, в чем их обвиняют, ужаснулся.

Шмидту и Кузьмичеву предъявили обвинение в подготовке террористического акта против К. Е. Ворошилова, причем

убийство должно было якобы произойти в служебном кабинете отца.

Отец немедленно выехал в Москву. Позже с его слов мы узнали, что он решил повидаться со Шмидтом и лично убедиться: виноваты арестованные командиры или нет. Отец добился свидания с заключенными. Встреча потрясло его. Шмидт очень похудел, глядел безучастно, разговаривал вяло... Как выразился папа, у Шмидта был взгляд марсианина. Очевидно, тот казался в тюрьме человеком с другой планеты.

Отец спросил Шмидта, правильно ли записаны его показания. Шмидт ответил отрицательно. Объяснять подробности ему не разрешили, но он все же передал Ворошилову записку, в которой отрицал все предъявленные ему обвинения. Эту записку отец отвез Ворошилову, заявив, что в виновность арестованных не верит.

В Киев он вернулся немного повеселевшим, так как не сомневался, что справедливость восторжествует. Но радость его была недолгой. Позвонил по телефону К. Е. Ворошилов и сообщил: на следующий же день Шмидт на новом допросе сознался, что хотел обмануть и Ворошилова, и Якира, а свои прежние показания подтвердил.

То, что произошло дальше, затмило историю со Шмидтом и Кузьмичевым. В этом же разговоре Ворошилов сообщил, что арестован комкор Гарькавый. Отец опустился в кресло и схватился за голову руками. Илья Иванович Гарькавый был старейшим другом отца еще с семнадцатого года и нашим родственником - мужем маминой сестры.

Папа ничего не ел, не хотел разговаривать... Молча ходил из угла в угол, курил папиросу за папиросой и только иногда хрипло кашлял и разгонял дым рукой.

Мне становилось не по себе, я терялся в противоречивых догадках, так как знал арестованных людей и любил их. К тому же настроение отца ясно свидетельствовало, что он борется с самим собой и ищет возможности вступиться за боевых друзей.

В тот вечер я долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок, но наконец провалился в страшную темную бездну. Ночью мне приснился сон, будто арестовали отца и мы с мамой, вскочив с кроватей, протягиваем к нему руки.

Утром за завтраком я не удержался и рассказал о своем сне родителям. Мама одернула меня: - Петя, не говори глупостей!

Вечером отец снова уехал в Москву, где присутствовал на процессе Пятакова и других. В числе обвиняемых был близкий наш знакомый Я. Лившиц, в прошлом рабочий, потом крупный чекист. В последнее время он работал заместителем наркома

путей сообщения. Лившиц признал себя виновным, и его приговорили к расстрелу. Позже стало известно, что перед расстрелом он крикнул: «За что?» И опять папа не мог свести концы с концами: где же правда, а где клевета и провокация? Помню, он говорил:

- Ведь заика (Лившиц очень заикался) крикнул: «За что?» Значит, он не чувствовал за собой вины. Здесь что-то не так. Ничего не могу понять.

Летом 1936 года здоровье папы сильно ухудшилось, лицо его часто желтело и становилось похожим на пергамент, под глазами не исчезали темные набрякшие мешки. Вся наша семья выехала в Чехословакию - в Карловы Вары. Жили в пансионате, причем папа строго экономил деньги, не разрешал тратить лишнего, так как хотел привезти на Родину и сдать в Госбанк как можно больше валюты.

В это же время в Мариенбаде лечился Максим Максимович Литвинов. Однажды он позвонил и пригласил нас навестить его. Мы поехали в Мариенбад. Встретил гостей Максим Максимович очень радушно, затем уединился с папой, и они долго беседовали. Мы с мамой терпеливо ждали.

Потом Литвинов предложил прогуляться. Мы вышли из города на шоссе и медленно брели, осматривая окрестности.

- Иена Эммануилович, - сказал Литвинов, - гляньте осторожно назад.

Позади брели две тени - шпики, следившие за нами. Чтобы отвязаться от них, Литвинов попросил маму вернуться в город, взять автомобиль и нагнать нас на шоссе. Мама крепко сжала мою руку и потянула за собой, хотя мне не хотелось оставлять папу. Просьбу Литвинова она выполнила: вскоре мы подкатили на машине, папа с Литвиновым быстро сели, и все мы помчались по направлению к Карловым Варам. Оба шпика - я это хорошо видел - заметались по шоссе. Машины у них не было, а угнаться за автомобилем на своих двоих они не могли. Максим Максимович и папа, оглядываясь, усмехались.

- Пусть побегают и попотеют! - сказал Литвинов. Вместе с Литвиновым мы провели еще сутки. Прощаясь, Максим Максимович сказал папе:

- Иона Эммануилович, положение в Европе очень серьезное. Выздоравливайте скорее. Ведь вы хорошо знаете немцев, их армию и, надеюсь, сумеете утереть им нос.

- Ничего, Максим Максимович, - ответил папа. - Мы гораздо сильнее немцев духом и революционным энтузиазмом, да и техника у нас теперь получше.

Возвращаясь на Родину, мы остановились в Вене, в советском

посольстве. Напротив возвышался дом австрийского канцлера Шушнига. Видимо, власти опасались каких-то событий: дом Шушнига охранял плотным кольцом чуть ли не батальон солдат в касках. Сотрудники нашего посольства тоже были встревожены. Они собрались вокруг отца, и он, ободряя и успокаивая их, говорил, что ход истории остановить нельзя, а себя надо держать в руках.

- В Карловых Варах, - сказал папа, - мы тоже видели таких молодчиков.

Действительно, в Карловых Варах мы как-то зашли в кафе и увидели группу кричавших и размахивавших руками мальчишек и пожилых мужчин. Папа нам объяснил, что тот, что сидит у края стола с видом пророка, это Генлейн, главарь фашиствующих судетских немцев.

Какая существовала связь между крикунами Генлейна и положением в Вене, я не знал и, честно говоря, не очень этим интересовался. Но меня огорчало, что отца все эти события тревожили, волновали и он вспоминал о них дома не один раз.

Однажды в школе классный руководитель Надежда Васильевна Дехтяр отобрала у меня блокнот с записанными «блатными» песнями. Она позвонила маме и попросила передать блокнот папе.

В тот же день у нас состоялся обстоятельный разговор. Блокнот лежал рядом, на письменном столе. Я, конечно, чувствовал себя виноватым и терпеливо молчал, выслушивая наставления отца. А он, не повышая голоса, говорил:

- Мне уже сорок лет, и то я краснею, читая песни, которые тебе так понравились. В твоем возрасте мы занимались другим - переписывали Манифест Маркса и Энгельса и заучивали его наизусть. Если нам удавалось достать газету со статьей Ленина, мы считали себя счастливыми. Ведь эти статьи, книги, листовки помогали самоотверженно бороться за идеи большевистской партии. А что ты почерпнешь из таких песен? Чему они научат тебя? За какие идеи ты будешь бороться?

Мои руки пай-мальчика лежали на краю стола, и папа своей рукой сильно придавил кончики пальцев. Мне было больно, но я смолчал и рук не отдернул.

- Подумай обо всем, - закончил беседу папа. - Жизнь настоящего человека куда интереснее этой грязи.

Еще одно поучение отца я выслушал весной 1937 года, когда готовился к вступлению в комсомол. Вместе со мной вступали мои друзья - Дима Затонский, Боря Раскин и Володя Баденков. Все мы сообща изучали историю, программу и устав комсомола.

Накануне заседания бюро райкома папа пригласил всех нас к

себе в кабинет и попросил выслушать его внимательно.

- Быть комсомольцем - большая честь и большая ответственность,- говорил он нам. - Мало получить билет и ходить на собрания. Надо все свои силы отдавать учению и работе. Ведь комсомол помогает Коммунистической партии строить новую жизнь. Поэтому вы должны быть честными, скромными, горячо любить свою Родину и, если потребуется, защищать ее и быть готовыми отдать за нее свою жизнь. И еще хочу вам посоветовать: разбирайтесь во всем, что вас окружает, взвешивайте на весах своей совести и своих убеждений факты, события, поступки людей и делайте правильные выводы. Главное - быть честными перед самим собой, правдивыми перед комсомолом и партией, никогда не отступать от своих убеждений, даже если вам грозят неприятности и самые худшие беды.

Через всю свою жизнь я пронес эти советы отца и в самые горькие и тяжкие дни, когда мне было очень худо и обидно, я не поступался ни совестью, ни убеждениями.

Записывая эти воспоминания, я взглядываю на фотографию отца. Она стоит в рамке на письменном столе, и за мной неотступно наблюдает спокойный, волевой взгляд умных и проницательных глаз. На минуту я откладываю ручку и смотрю на фотографию. Мы будто обмениваемся взглядами. «Ты помнишь мои советы, сын?..»

И я снова берусь за перо.

Тот, кто изучает историю нашей партии, в частности историю Коммунистической партии Украины, найдет на страницах этой истории фамилии многочисленных друзей Ионы Эммануиловича Якира, стойких большевиков, учеников и соратников великого Ленина. А для меня в то время они были просто дядями, тетями, гостями в нашей квартире, людьми, которых уважал и любил отец. Хорошо помню П. И. Баранова, И. А. Акулова, В. Я. Чубаря, П. П. Постышева, Г. И. Петровского, С. В. Косиора, Н. Н. Попова, М. П. Амелина, Г. Д. Хаханьяна, Н. Н. Демченко, Н. Д. Каширина. Наиболее близкими, как мне кажется, были отцу Я. Б. Гамарник, И. И. Гарькавый, И. Н. Дубовой. Часто нас навещали С. И. Сапронов и его жена В. А. Камерштейн. Своими людьми в доме был шофер Баденков, давнишний адъютант папы в двадцатые годы Ф. Иртюга, последний адъютант В. Захарченко. А вообще-то наш дом всегда был полон: друзья, приехавшие в командировку военные, партийные работники....

Все эти люди остались в моем сознании простыми, честными коммунистами, всегда думавшими об интересах страны и партии и целиком отдававшимися своей работе, своей службе.

И вот неожиданный, как взрыв бомбы, трагический финал.

28 мая вечером стало известно о передаче дела по обвинению М. Н. Тухачевского в следственные органы.

Мы жили на даче в Святошине, под Киевом. Папа в эти дни был занят на съезде Компартии Украины. Мы с мамой занимались своими домашними делами, кроме того, я готовился к экзамену по алгебре.

Приехал папа, стал проверять меня по алгебре: мне предстояло перейти в восьмой класс.

Звякнул, затем продолжительно зазвонил телефон. Междугородная?.. Папа подошел и поднял трубку. Я очутился рядом. Звонили из Москвы.

Выслушав, папа спокойно ответил:

- Климент Ефремович, но ведь сегодня уже все поезда на Москву ушли. Разрешите лететь самолетом... Нельзя?.. Слушаюсь, завтра выеду первым поездом.

- Срочно вызывают на заседание Военного совета, - бросил он, задумчиво потирая ладонью лоб.

На следующий день я провожал отца на Киевском вокзале. Поезд отходил в тринадцать часов пятнадцать минут. На платформе собрались и командиры штаба округа, и, кажется, некоторые делегаты съезда. Папа со всеми попрощался, потом прижал меня к себе, поцеловал и, отодвинув на расстояние вытянутой руки, серьезно и твердо сказал:

- Петя, будь мужчиной!..

Я не понял этого прощального наставления отца и пробормотал что-то вроде того, что я уже давно мужчина.

- Тем лучше...

Папа поднялся на ступеньки вагона. Поезд тронулся, постепенно набирая скорость. И тут я услыхал последние слова отца:

- Будь настоящим, сын!.. Настоящим!..

Я долго глядел вслед убегавшему поезду и ощущал во рту горечь, а на сердце - тяжесть... Почему?.. Вечером у нас был обыск... Всё стало ясно.

Прошло десять суток. Тяжелых, томительных, горестных. О судьбе отца мы ничего не знали. На одиннадцатый день мы прочитали в газете сообщение о том, что над большой группой военных состоится судебный процесс. В числе обвиняемых были названы М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, В. М. Примаков, В. К. Путна и Б. М. Фельдман. В тот же день мою мать вместе со мной вызвали в Особый отдел округа и предложили немедленно выехать в Астрахань. Меня удивило одно обстоятельство: у мамы отобрали паспорт. Зачем?

Кое-как собрав самые необходимые вещи, мы выехали из Киева. Из газет узнали в дороге страшную новость: все военачальники, обвинявшиеся в измене Родине и шпионаже, приговорены к расстрелу, и приговор приведен в исполнение. Мама, забившись в угол вагона, рыдала, а я, находясь в состоянии прострации, молчал.

В Астрахани взамен паспорта матери выдали удостоверение административно-ссыльной. В городе уже находились семьи М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, Я. Б. Гамарника и других.

Через некоторое время в одной из газет я прочитал очень короткое письмо моей матери о том, будто она отказывается от отца. Это была явная ложь: все эти дни и недели я не отходил от матери ни на шаг и знал, что она никакого письма никуда не писала. Значит, кто-то где-то сфабриковал «письмо» и напечатал его, чтобы еще раз «обосновать» чудовищный приговор.

Сначала мы с дедом (отцом матери) пытались скрыть от нее газету с «письмом». Но назавтра к нам прибежала жена Уборевича, Нина Владимировна, и протянула матери газету. Мать немедленно отправилась в Астраханское управление НКВД и заявила протест. Ей предложили, «если она хочет», написать опровержение. Но мы с дедом уговорили ее «не биться головой о стену» - опровержение все равно останется гласом вопиющего в пустыне.

Через месяц моя мать и другие жены осужденных неизвестно за что были арестованы. Меня определили в детприемник. А два дня спустя за мной приехали ночью сотрудники НКВД и повезли на допрос, прежде тщательно обыскав.

Много лет я пропутешествовал по лагерям и тюрьмам. Однажды во время очередного этапа в Каргопольских лагерях (Архангельская область) в баню, где мылись заключенные, вошел пожилой седой человек и громко спросил:

- Кто здесь Петя Якир? Я отозвался.

- Иди сюда, поговорим.

В этом человеке я узнал бывшего адъютанта отца. Виссариона Андриановича Захарченко. Очень быстро, экономя драгоценные минуты, он рассказал мне подробности ареста отца.

Салон-вагон, в котором отец ехал из Киева в Москву, был отцеплен в Брянске. В купе вошли работники центрального аппарата НКВД, Один из них профессиональным движением вынул из-под подушки спавшего отца его личный пистолет. Затем отца разбудили, предъявили ордер на арест, приказали надеть штатский костюм и вывели к стоявшему у станции автомобилю. Несколько автомашин помчались в Москву.

За все время этой процедуры отец, по свидетельству

Захарченко, задал только один вопрос:

- А где решение Центрального Комитета партии?

- Приедете в Москву, - ответил старший, - там все решения и санкции покажут.

Как-то Сталин сказал, что сын не отвечает за отца. И обманул. Во всяком случае, меня и моих друзей. Много лет я, мальчишка, потом юноша, затем взрослый человек, «отвечал» за отца, к тому же ни в чем не виновного. Каких только обвинений не предъявляли мне - одно нелепее другого! Но везде и всегда в моих ушах звучали советы дорогого мне человека: взвешивать на весах совести факты, события, быть честным перед самим собой, перед комсомолом и партией.

И еще звучали и звучат поныне прощальные слова отца:

- Будь настоящим, сын!..

Я ношу фамилию Якир, горжусь этим и всей своей жизнью стараюсь выполнить совет отца - быть настоящим!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. Э. ЯКИРА

1896, 3(15) августа - Родился в Кишиневе.

1913-1914 - Окончил реальное училище. Поездка в Базель (Швейцария) для получения высшего образования.

1915 - Поступил в Харьковский технологический институт. Знакомство с марксистской литературой. Начало революционной деятельности.

1915, декабрь - Как военнообязанный, направляется в Одессу, где работает на снарядном заводе Гена токарем по металлу. Продолжает революционную деятельность под руководством заводской большевистской организации.

1917, март - В связи с болезнью легких переезжает в Кишинев. Устанавливает связь с кишиневской организацией большевиков и под ее руководством ведет агитационно-разъяснительную работу среди солдат кишиневского гарнизона.

1917, апрель - И. Э. Якир вступает в военную организацию большевиков 5-го Заамурского кавалерийского полка. Избирается в губком партии.

1917, май - Избирается в Бессарабский Совет рабочих и солдатских депутатов и в члены исполкома Совета.

1917. сентябрь - Избирается в Бессарабский губревком.

1917, ноябрь - декабрь - Бои с румынскими оккупантами в Бессарабии Якир участвует в боях сначала как красногвардеец, затем как командир небольшого отряда.

1918, январь - Создание «Особой армии Румфронта» (Тираепольский отряд) из 5-го и 6-го Заамурских, Бессарабского и Приднестровского полков и ряда красногвардейских отрядов для защиты Одессы и Приднестровья. Якир в этой армии сначала - командир взводного отряда, затем - комендант Тираспольской крепости и выборный секретарь Военного совета.

1918, февраль - Отступление Особой армии (Тираепольского отряда) в общем направлении на Екатеринослав - Воронеж.

1918, март - И. Э. Якир тяжело ранен и контужен в бою за Екатеринослав.

1918, май - Возвращается в армию. Руководит отступлением отрядов Особой армии к Воронежу. Назначается комиссаром Воронежского района Южной завесы. Избирается членом Воронежского губкома

1918, июль - Назначается командиром и комиссаром Поворинского района Южной завесы.

1918, сентябрь - Назначается начальником политуправления Южной завесы.

1918, октябрь - Назначается членом Реввоенсовета 8-й армии Южного фронта.

1918, 19 - 22 декабря - На паровозе поезда председателя Реввоенсовета Республики Якир один едет в анархистский отряд Сахарова, не подчинившийся командованию, наводит в отряде дисциплину и объединяет его с частями 12-й стрелковой дивизии. В течение трех дней добивается перелома и организует наступление против войск Краснова.

1919, 8 января - Награждается орденом Красного Знамени (орден № 2).

1919, май - По указанию ЦК РКП(б) направляется в Одессу в состав организованного там Бессарабского правительства и ЦК Коммунистической партии Бессарабии.

1919, 7 июля - И. Э. Якир назначен начальником формирующейся под Одессой 45-й стрелковой дивизии.

1919, 18 августа - Назначен командующим Южной группой войск 12-й армии в составе 45, 47 и 58-й стрелковых дивизий.

1919, 28 августа - Начало легендарного похода Южной группы.

1919, 17 сентября - Занятие частями Южной группы совместно с 44-й стрелковой дивизией Житомира и окончание похода Южной группы.

1919, 1 октября - 45-я и 58-я стрелковые дивизии за героический поход на соединение с северными войсками 12-й армии постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны под председательством В. И. Ленина награждены Почетными Революционными Красными Знаменами, всему личному составу Южной группы назначена награда в размере месячного оклада денежного содержания.

1919, 10 -13 октября - 58-я стрелковая дивизия, Богунская бригада 44-й дивизии и бригада Котовского 45-й дивизии наносят удар по деникинцам в Киеве, ведут бои в городе и под натиском противника оставляют Киев.

1919, 30 октября - И. Э. Якир награжден вторым орденом Красного Знамени.

1919, ноябрь - 45-я стрелковая дивизия во главе с Якиром направлена под Петроград на борьбу против Юденича.

1919, декабрь - 45-я стрелковая дивизия возвращается на Украину и включается в состав 14-й армии.

1920, январь - 45-я стрелковая дивизия, наступая против войск Деникина, занимает Екатеринослав и Александровск, в районе Александровска разоружает части повстанческой армии

Махно.

1920, 7 февраля - Кавалерийская бригада и 1-я бригада 45-й дивизии под командованием Г. И. Котовского совместно с частями 41-й стрелковой дивизии освобождают Одессу.

1920, февраль - Закончив разгром остатков деникинских войск на Одесщине, 45-я стрелковая дивизия выходит к Днестру.

1920, май - Наступление белополяков. Якир выводит 45-ю дивизию из готовящегося окружения.

1920, 21 мая - Якир назначается командующим группой войск фастовского направления (44-я, 45-я стрелковые дивизии и часть сил Днепровской военной флотилии).

1920, нюнь - Фастовская группа ведет тяжелые наступательные бои против белополяков, занимает Фастов, Брусилов, Радомысль, Казатин и по выполнении возложенной на нее задачи расформировывается. 45-я дивизия под командованием Якира поступает в непосредственное подчинение командующего 1-й Конной армией.

1920, июнь - август - 45-я дивизия участвует в форсировании рек Случь и Горыпь, в занятии Шепетовки и разгроме белополяков в Дубно-Кремепеикой операции.

1920, 4 августа - И. Э. Якир назначен начальником Золочевского боевого участка.

1920, 9 августа - Возглавляет группу войск золочевского направлении (45-я, 47-я стрелковые дивизии и 8-я дивизия Червонного казачества), позже переименованную в группу войск львовского направления. Группа форсирует реку Буг и выходит на подступы к Львову.

1920, 30 августа - В связи с резким обострением туберкулеза легких И. Э. Якир убывает в госпиталь.

1920, 17 сентября - Вновь вступает в командование 45-й дивизией и без потерь выводит ее из-под удара белополяков.

1920, ноябрь - Командует 45-й дивизией при разгроме войск Петлюры под Проскуровом и Волочиском и 3-й врангелевской армии генерала Перемыкипа. За разгром Петлюры награждается Золотым оружием.

1920, декабрь - Назначен временно исполняющим должность командующего 14-й армией.

1921, 22 апреля - Назначен командующим вооруженными силами Крыма, начальником и комиссаром 3-й Казанской стрелковой дивизии. Избран членом бюро Крымского обкома партии.

1921, ноябрь - Назначен командующим войсками Киевского военного округа (округ входил в состав вооруженных сил Украины и Крыма, которыми командовал М. В. Фрунзе).

Организует полный разгром банд петлюровского генерал-хорунжего Ю. Тютюника у местечка Базар. Избирается членом Киевского губкома партии и членом губ-исполкома. Работает в редколлегиях газет «Красная Армия» и «Пролетарская правда».

1922, 18 октября - Киевский военный округ реорганизуется в Киевский военный район. Якир остается командующим войсками района.

1923, 5 сентября - Назначен командиром-комиссаром 14-го стрелкового корпуса.

1923, 4 декабря - Назначен помощником командующего войсками Украины и Крыма.

1924, 15 апреля - Назначен начальником Главного управления военно-учебных заведений РККА (ГУВУЗ), одновременно - ответственным редактором журнала «Военный вестник».

1924, июнь - Избирается членом Моссовета.

1925, 13 ноября - И. Э. Якир назначен командующим войсками Украины и Крыма (Украинского военного округа).

1925, декабрь - Избирается членом ЦК КП(б)У.

1926, 20 февраля - Назначен уполномоченным Наркомвоенмора при правительстве УССР

1926, май - сентябрь - Избран членом ЦИК Украины и ЦИК СССР.

1926, 23 октября - Назначен членом Постоянного Военного совета РВС СССР.

1927, январь - Избран членом Политбюро ЦК КП(б)У.

1928-1929 - Учится в Германии в высшей военной академии. 1930, май - И. Э. Якир награжден третьим орденом Красного Знамени.

1930, июль - XVI съезд ВКП(б) избирает И. Э. Якира кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

1930, август - сентябрь - Маневры Украинского военного округа с участием всех родов войск под руководством И. Э. Якира.

1930, октябрь - Назначен членом Реввоенсовета СССР. Начало строительства укрепленных и специальных районов у западной границы.

1932 - И. Э. Якир руководит реорганизацией 45-й Краснознаменной Волынской стрелковой дивизии в механизированный корпус.

1934, февраль - XVII съезд ВКП(б) избирает И. Э. Якира членом ПК ВКП(б).

1935, июнь - август - Украинский военный округ делится на два округа - Киевский и Харьковский. И. Э. Якир назначается командующим войсками Киевского военного округа и

представителем Наркомата обороны СССР при СНК УССР. Командующим войсками Харьковского военного округа назначен И. Н. Дубовой.

1935, сентябрь - И. Э. Якир руководит маневрами Киевского и Харьковского военных округов. Высадка крупного воздушного десанта в районе Бровары.

1935, ноябрь - И. Э. Якиру присваивается звание командарма 1 ранга.

1936, сентябрь - Назначен членом Военного совета НКО СССР.

1936, октябрь - Участвует в маневрах войск Московского военного округа.

1936, ноябрь - Руководит шепетовскими маневрами войск Киевского военного округа.

1937, 1 июня - Арестован по дороге в Москву в поезде на станции Брянск.

1937, 11 июня - Вместе с М. Н. Тухачевским, И. П. Уборевичем, Р. П. Эйдеманом, А И. Корком, В. М. Примаковым, В. К. Путной и Б М. Фельдманом предстал перед судом по инспирированному гнусному обвинению в шпионаже и измене Родине. Расстрел.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АБЕЛЬ Вольдемар Янович. Род. в 1895 г. Член КПСС с 1918 г. В Красную Армию вступил в апреле 1918 г. В гражданскую войну - начальник саперных команд и подразделений, дивизионный инженер. В 1925 г. окончил Военно-инженерную академию РККА, затем служил в инженерных войсках. Ныне - инженер-полковник в отставке.

АРАЛОВ Семен Иванович. Род. в 1880 г. Офицер старой армии. Участник революционного движения с 1904 г. Член КПСС с 1918 г. В годы гражданской войны заведовал оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам, являлся членом РВС Республики, членом РВС 12-й и 14-й армий, РВС Юго-Западного фронта. В последующем - полпред СССР в Литве и Турции, член коллегии ВСНХ СССР и Наркомфина СССР. Участвовал в Великой Отечественной войне. В настоящее время - персональный пенсионер.

БАГРАМЯН Иван Христофорович. Род. в 1897 г. Участвовал в гражданской войне. Окончил Академию Генерального штаба. В Великую Отечественную войну - заместитель начальника штаба фронта, командующий фронтом. Участник Орловской, Белорусской, Восточно-Прусской и других операций. После войны командовал войсками военных округов, являлся начальником Академии Генерального штаба. Ныне - заместитель Министра обороны. Член ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР. Маршал Советского Союза. Герой Советского Союза.

ГАНДЕЛЬСМАН Анна Ефремовна. Род. в 1892 г. Член КПСС с 1919 г. В 1918-1919 гг. работала в харьковском и киевском революционном подполье, в 1920 г. - в политотделе 14-й армии После гражданской войны - на партийной, советской и хозяйственном работе. Персональный пенсионер.

ГАСТИЛОВИЧ Антон Иосифович. Род. в 1902 г. Член КПСС с 1919 г. Участвовал в гражданской войне на Восточном и Туркестанском фронтах. В годы Великой Отечественной войны - командующий 17-й и 18-й армиями. В настоящее время - заместитель начальника Академии Генерального штаба. Доктор военных наук, профессор. Генерал-полковник.

ГОРБАТОВ Александр Васильевич. Род. в 1891 г. Член КПСС о 1919 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. Во время Великой Отечественной воины командовал 3, 5 и 11-й гвардейскими армиями. На XIX и XX съездах партии избирался

кандидатом в члены ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР четырех созывов. Генерал армии.

КАЛИНИН Степан Андрианович. Род. в 1890 г. Член КПСС с апреля 1917 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны на Восточном фронте. После гражданской войны - заместитель начальника штаба Украинского военного округа, командующий войсками Сибирского военного округа. Во время Великой Отечественной войны - командующий 24-й армией, командующий войсками Приволжского и Харьковского военных округов. Генерал-лейтенант в отставке.

КОРЕНБЛИТ Давид Моисеевич. Род. в 1892 г. В 1918 г. служил в штабе 9-й армии, в 1919-1920 гг. - помощником начальника штаба 45-й стрелковой дивизии. После гражданской войны - на хозяйственной работе. В настоящее время - пенсионер.

ЛЕОШЕНЯ Евгений Варфоломеевич. Род. в 1900 г. Член КПСС с 1921 г. В Красной Армии с августа 1919 г. В 1922 г. окончил военно-инженерную школу. После окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе - на руководящих должностях в инженерных войсках и на военно-педагогической работе. Кандидат военных наук, доцент. Генерал-лейтенант инженерных войск в отставке.

ЛУКИН Михаил Федорович. Род. в 1892 г. Член КПСС с 1919 г. Прапорщик старой армии. Участник Октябрьской революции и гражданской войны (Царицынский и Польский фронты). После гражданской войны - командир дивизии, начальник штаба Сибирского военного округа. В годы Великой Отечественной войны - командующий 16, 20 и 19-й армиями. Генерал-лейтенант в отставке.

ПОПОВ Владимир Васильевич. Род. в 1889 г. Капитан старой армии, окончил ускоренный курс Академии Генерального штаба. В конце 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию. В годы гражданской войны являлся начальником штаба 58-й стрелковой дивизии, затем начальником той же дивизии. После войны - командир 25-й Чапаевской и 96-й стрелковых дивизий, начальник штаба корпуса, начальник оперативного управления Киевского военного округа, помощник начальника курсов «Выстрел», помощник начальника Военно-инженерной академии. Полковник в отставке.

РАВИЧ Давид Моисеевич. Род. в 1894 г. Активный участник международного рабочего движения с 1919 г., член Коммунистической партии Советского Союза с 1931 г. Инженер-химик. Ныне - персональный пенсионер.

СТАРИНОВ Илья Григорьевич. Род. в 1904 г. Член КПСС с 1924 г. Участник гражданской войны на Украине. Добровольцем участвовал в антифашистской войне в Испании. Во время Великой

Отечественной войны - заместитель начальника штаба партизанского движения на Украине. Полковник в отставке.

СТРЕЛЬБИЦКИИ Иван Семенович. Род. в 1900 г. Член КПСС с 1919 г. В гражданскую войну - командир батареи Интернациональной кавалерийской бригады на Южном фронте. После войны командовал батареей, артдивизионом, артиллерийским полком, артиллерийской противотанковой бригадой в Украинском и Киевском военных округах. В годы Великой Отечественной войны - командир артиллерийской противотанковой бригады, начальник Подольского артиллерийского противотанкового училища, командующий артиллерий 3-й ударной и 2-й гвардейской армий. Генерал-лейтенант артиллерии в запасе.

СЯ Ю-ШАНЬ Григорий Николаевич. Род. в 1894 г. Китайский рабочий. Участвовал в гражданской войне в России. Живет в Советском Союзе. Пенсионер.

ТЕРЕХОВ Роман Яковлевич. Род. в 1890 г. Член КПСС с 1912 г., член Южно-Макеевского большевистского комитета. Участник Октябрьской революции и гражданской войны в Донбассе. После гражданской войны-на руководящей партийной работе, член Политбюро ЦК КП(б)У. На XIII, XIV, XV, XVI и XVII съездах партии избирался членом ЦКК и кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Персональный пенсионер.

ЦАЛЬКОВИЧ Исай Маркович. Род. в 1901 г. Член КПСС с апреля 1917 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны на Украине и на Дону. После гражданской войны - на командных должностях и военно-педагогической работе. Инженер-полковник в отставке. Работает в Академии строительства и архитектуры.

ЧЕРЕДНИК-ДУБОВАЯ Нина Дмитриевна. Род. в 1901 г. Член КПСС о 1919 г. В гражданскую войну - политрук роты Богунского полка 44-й стрелковой дивизии. С 1921 г. - на партийной работе в Киеве и Харькове. В 1935-1937 гг. - директор Гослитиздата Украины. В настоящее время - на пенсии.

ШУЦКЕВЕР Анна Самойловна. Род. в 1894 г. Член КПСС о 1914 г. Участница Октябрьской революции и гражданской войны, работала в харьковском большевистском подполье и в политотделе 9-й армии. Окончила Институт красной профессуры. Работает в главной редакции Большой Советской Энциклопедии.

ЯКИР Петр Ионович. Род. в 1923 г. В 1957-1962 гг. учился в Московском государственном историко-архивном институте. В настоящее время - аспирант Института истории Академии наук СССР.

ЯКИР Сарра Лазаревна. Род. в 1900 г. Участвовала в

гражданской войне, в последующем работала в Осоавиахиме. Ныне на пенсии.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ, УПОМИНАЕМЫХ В СБОРНИКЕ

АКУЛОВ И. А. (1888-1939) - член партии большевиков с 1907 г. До революции неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1917 г. работал в военной большевистской организации в Выборге. Активный участник гражданской войны. В 1918-1922 гг. - секретарь Уральского областного, Киргизского краевого и Крымского областного комитетов партии. С 1922 г. - на профсоюзной работе, затем зам. наркома РКИ, зам. председателя ОГПУ, секретарь ЦК КП(б)У по Донбассу, прокурор СССР, секретарь ЦИК СССР.

АМЕЛИН М. П. (1896-1937). Член большевистской партии с 1917 г. Солдат старой армии, в гражданскую войну - политрук роты. После войны - помощник командующего войсками, начальник политуправления Украинского и Киевского военных округов. Армейский комиссар 2 ранга.

БАРАНОВ П. И. (1892-1933) - член Коммунистической партии с 1912 г. Летом 1917 г. вел партийную работу на Румынском фронте. После Октября - председатель Ревкома Румынского фронта. В 1918 г. - командующий 4-й Донецкой армией. В 1919-1920 гг. - член РВС 1-й и 14-й армий. Участник подавления Кронштадтского мятежа в 1921 г. С 1924 г.- начальник ВВС СССР, затем зам. председателя ВСНХ по авиапромышленности. С 1932 г. - зам. наркома тяжелой промышленности и начальник Главного управления авиационной промышленности. Член ВЦИК, а затем ЦИК, кандидат в члены ПК ВКП(б). Погиб при воздушной катастрофе.

БАХРУШИН А. М. (1900-1938) -член ВКП(б) с 1919 г. В гражданскую войну политработник, затем окончил летные курсы и служил на командных должностях в авиации. Командир Киевской авиабригады. В последнее время жизни - начальник ВВС Киевского военного округа. Комдив.

БЕЛОВ И. П. (1893-1938) -член ВКП(б) с 1919 г. В гражданскую войну - командир отряда Красной гвардии, начальник гарнизона г. Ташкента, главком Туркестанского фронта, командующий Бухарской группой войск. После войны - помощник командующего войсками Московского военного округа, командующий войсками Северо-Кавказского, Ленинградского, Московского и Белорусского военных округов.

Командарм 1 ранга.

БЛЮХЕР В. К. (1889-1938) - член ВКП(б) с 1916 г. Командовал отрядами Красной гвардии и партизанской армией на Южном Урале. В 1919-1920 гг. - начальник 51-й стрелковой дивизии в боях против войск Колчака и Врангеля. В 1921 -1922 гг. - главнокомандующий, военный министр и председатель Военного совета Дальневосточной республики. После гражданской войны - командир 1-го корпуса, начальник Ленинградского укрепленного района, помощник командующего войсками Украинского военного округа, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией. Кандидат в члены ЦК ВКП(б). Маршал Советского Союза.

БУТЫРСКИЙ В. П. (1898-1938) -член ВКП(б) с 1923 г. Участник гражданской войны. Начальник оперативного отделения штаба 45-й стрелковой дивизии. В последние годы жизни - начальник штаба Киевского военного округа. Комдив.

ГАМАРНИК Я. Б. (1894-1937) -член ВКП(б) с 1916 г. До Октября - член и одно время секретарь Киевского комитета партии. В период гетманщины был одним из руководителей одесской, харьковской и крымской подпольных партийных организаций. В 1919 г. - член РВС Южной группы войск 12-й армии. После гражданской войны - на руководящей партийной работе на Украине и Дальнем Востоке. В последние годы жизни - зам. наркома обороны СССР, начальник Политуправления Красной Армии, член Реввоенсовета СССР. Член ЦК ВКП(б). Армейский комиссар 1 ранга.

ГАРЬКАВЫЙ И. И. (1892-1937) -член ВКП(б) с 1917 г. Офицер старой армии, участник революционного движения на Румынском фронте в 1917 г. Один из организаторов Тираспольского отряда Красной гвардии. Начальник штаба, а потом начальник 45-й стрелковой дивизии. После гражданской войны - на высших командных должностях в Красной Армии. Комкор.

ГОЛУБЕНКО Н.В. (1898-1937)- член ВКП(б) с 1914 г. Во время гражданской войны - член РВС 3-й Украинской армии, председатель повстанческого комитета в Одессе в декабре 1918 г., политком 45-й стрелковой дивизии. После гражданской войны - на партийной и советской работе.

ГОЛЬДЕНБЕРГ И. О. (1894-1938) - член ВКП(б) с 1918 г. В гражданскую войну - политком 135-й бригады 45-й стрелковой дивизии, потом - на советской работе.

ГРЯЗНОВ И. К. (1897-1940) -член ВКП(б) с 1922 г. Офицер старой армии. В гражданскую войну - начальник 30-й стрелковой дивизии. После войны - на высших командных должностях. Комкор.

ГУЛЯНИЦКИЙ Т. М. (1889-1938)-член ВКП(б) с 1917 г. Организатор Красной гвардии на Екатеринославщине. Командир Коммунистического отряда в Южной группе войск 12-й армии. После гражданской войны - на советской работе.

ДЕМЧЕНКО Н. Н. (1895-1937) -член ВКП(б) с 1916 г. Студент, участник Октябрьской революции в г. Лебедине. Во время гражданской войны - на партийной и советской работе. После войны - секретарь Волынского губкома партии, зав. орготделом ЦК КП(б)У, секретарь Киевского окружкома партии, нарком земледелия УССР, секретарь Киевского и Харьковского обкомов партии. В последнее время жизни - нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР, Кандидат в члены ЦК ВКП(б).

ДУБОВОЙ И Н. (J896-1938)-член ВКП(б) с 1917 г. Организатор и начальник 44-й стрелковой дивизии, начальник штаба 10-й армии, командующий 1-й Украинской армией. В последние годы жизни -помощник командующего Украинским военным округом, командующий войсками Харьковского военного округа. Командарм 2 ранга.

ЕГОРОВ А И (1885-1941) -член ВКП(б) с 1918 г. Подполковник старой армии. На 2-м съезде Советов был избран во ВЦИК. Формировал красногвардейские отряды и части Красной Армии, командовал 2, 10, 14-й армиями, Южным и Юго-Западным фронтами. После гражданской войны - командующий войсками Петроградского военного округа, Западного фронта, Кавказской Краснознаменной армии, вооруженными силами Украины и Крыма, член РВС СССР, военный атташе в Китае, командующий войсками Белорусского военного округа, начальник Генерального штаба РККА и зам. наркома обороны Маршал Советского Союза. Депутат Верховного Совета СССР. Кандидат в члены ЦК ВКП(б).

ЗАТОНСКИЙ В. П. (1888-1940)-член ВКП(б) с марта 1917 г. Участник революционного движения с 1905 г. После Октябрьской революции - председатель Киевского комитета РСДРП(б), народный секретарь (нарком) просвещения в первом советском правительстве Украины, представитель Украины в СНК РСФСР. В марте 1918 г. избран председателем ЦИК Украины. В 1919-1920 гг. - член РВС 12, 13, 14-й армий Южного фронта, председатель Ревкома Восточной Галиции. Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа С 1933 г.-член Президиума ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ УССР. Член Президиума ЦИК СССР и Всеукраинского ЦИК всех созывов

ЗОНБЕРГ Ж. Ф. (1894-1939)-член ВКП(б) а 1917 г. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В гражданскую войну - командир бронепоезда, начальник 41-й стрелковой дивизии После войны - на высших командных

должностях, начальник и комиссар Академии бронетанковых войск. Комкор.

КАРТВЕЛИШВИЛИ Л. И. (1891-1938) - член ВКП(б) с 1910 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны В 1919 г. - член РВС Южной группы войск 12-й армии. После войны - начальник политуправления Украинского военного округа, затем - на руководящей партийной работе.

КАШИРИН Н. Д. (1888-1938) -член ВКП(б) с 1918 г. Бывший казачий офицер. Один из организаторов и руководителей красногвардейских отрядов на Урале. Командовал дивизией, корпусом, группой войск на Восточном, Западном и Южном фронтах. После гражданской войны - на высших командных должностях. Командарм 2 ранга

КОРК А. И. (1887-1937) - член ВКП(б) с 1927 г. Подполковник старой армии. Перейдя на сторону революции, служил в Красной Армии начальником штаба армии, начальником оперативного отдела штаба Западного фронта, командующим Эстляндской армией, помощником командующего 7-й армией, командующим 15-й и 6-й армиями. После гражданской войны - помощник командующего вооруженными силами Украины и Крыма, командующий войсками Туркестанского фронта, Кавказской Краснознаменной армии, Западного, Ленинградского и Московского военных округов. Член РВС СССР. С 1935 г. - начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе. Командарм 2 ранга.

КОРЫТНЫЙ С. З. (1900-1937) -член ВКП(б) с 1919 г. Участник гражданской войны. Комиссар дивизионной школы 45-й дивизии. После гражданской войны - на партийной работе, в последнее время жизни - секретарь Московского комитета партии.

КОСИОР С. В. (1889-1939) -член ВКП(б) с 1907 г. Вел подпольную работу в Харькове, Полтаве, Киеве, Москве. Арестовывался царскими властями. Делегат Апрельской конференции большевиков и VI съезда партии. Во время гражданской войны руководил подпольной организацией Украины. В 1920 г. - секретарь ЦК КП(б)У. На XIII съезде ВКП(б) был избран членом ЦК партии. С 1925 г. - секретарь ЦК ВКП(б), с июля 1928 г. -секретарь ЦК КП(б)У, о 1930 г. - член Политбюро ЦК ВКП(б).

КРИВОРУЧКО Н. Н. (1887-1940) -член ВКП(б) с 1919 г. Командир полка в бригаде Котовского. После гражданской войны - на командных должностях в войсках Украинского военного округа, командир кавалерийского корпуса. Комкор.

КУЗЬМИЧЕВ Б. И. (1901-1938) -член ВКП(б) с 1917 г. Участник Октябрьской революции в Москве. В гражданскую войну

командовал подразделениями в дивизии Червонных казаков. Последнее время - начальник штаба авиационной бригады (УВО).

КУЧИНСКИЙ Д. А. (1898-1938) - член ВКП(б) с 1918 г. Офицер старой армии. Участник гражданской войны. После войны - на высших командных должностях: начальник штаба Украинского военного округа, начальник Академии Генерального штаба. Комдив.

ЛЕБЕДЕВ П. П. (1872-1933) - генерал-майор старой армии. Перейдя на сторону Советской власти, являлся начальником штаба Восточного фронта и начальником полевого штаба РВСР. В последние годы жизни - начальник штаба Украинского военного округа.

ЛЕВИЧЕВ В. И. (1891 -1938) -член ВКП(б) с 1919 г. Офицер старой армии. В гражданскую войну - губвоенком. После гражданской войны - на высших командных должностях. Начальник ГУ РККА и заместитель начальника штаба РККА. Комкор.

ЛЕВЕНЗОН Ф. Я. (1893-1937) -член ВКП(б) с 1918 г. Участник революционного движения в Кишиневе. Один из организаторов красногвардейских отрядов в Бессарабии и Тираспольского отряда. Командовал бригадой в 45-й стрелковой дивизии. После гражданской войны - на политработе в Красной Армии. Дивизионный комиссар.

ЛИТВИНОВ М. М. (1876-1951) -член ВКП(б) с 1898 г. Вел партийную работу в Киеве, Риге и за границей. После Октябрьской революции - первый полпред СССР в Англии, позднее - член коллегии Народного комиссариата иностранных дел. В 1930-1939 гг.- нарком иностранных дел СССР. В 1941 -1946 гг. - зам. наркома иностранных дел и посол СССР в США. Избирался членом ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР.

МЕЕРСОН М. Л. (1893-1918)- член партии большевиков с 1917 г. Организовывал красногвардейские отряды в Кишиневе. Председатель Ревтрибунала Тираспольского отряда. Расстрелян белоказаками.

МИЛЕШИН Я. Д. (1894-1918)- член партии большевиков с 1905 г. Председатель исполкома Бессарабского Совета рабочи-t депутатов. Комиссар 5-го Заамурского полка. Погиб в бою.

МИТРОФАНОВ П. А. (1917-1936) -лейтенант, летчик. Геройски погиб в Испании.

МОКРОУСОВ А. В. (1887-1959) -участник революционного движения с 1905 г. Шахтер, слесарь, матрос Балтийского флота. В 1912-1917 гг. находился в эмиграции. Участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. Затем формировал матросские революционные отряды в Севастополе и командовал

ими в боях против белогвардейцев и немецких оккупантов в Крыму, на Украине и на Дону. Во время похода Южной группы 12-й армия - командир бригады 58-й дивизии. Командовал Крымской повстанческой армией в тылу Врангеля. После гражданской войны - на хозяйственной и партийной работе. Участвовал в антифашистской войне в Испании. В Великую Отечественную войну - командующий партизанским движением в тылу немецко-фашистских войск в Крыму, командир полка Советской Армии.

НЕМИТЦ А. В. (род. в 1879 г.) - перед Октябрьской революцией контр-адмирал, командующий Черноморским флотом. Перейдя на сторону Советской власти, в 1919 г. являлся начальником штаба Южной группы войск 12-й армии, затем был начальником морских сил Республики, служил в Наркомате по военным делам. Ныне - вице-адмирал в отставке.

ПЕТРОВСКИЙ Г. И. (1878-1958) -член Коммунистической партии с 1897 г. Активный участник первой русской революции. Избранный в IV Государственную думу, в 1914 г. вместе с другими большевиками-депутатами был арестован и сослан на вечное поселение в Туруханский край. В 1918-1919 гг. - нарком внутренних дел РСФСР. В 1919-1939 гг. - председатель Всеукраинского ЦИК и заместитель председателя ЦИК СССР. С 1921 по 1939 г. член ЦК ВКП(б). С 1939 г. - заместитель директора Музея Революции СССР.

ПОПОВ Н. Н. (1891 -1940) -член ВКП(б) с 1919 г. Был секретарем Харьковского губкома партии и на ответственной работе в аппарате ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У. С 1929 г. - зав. агитпропом Московского комитета ВКП(б). С 1934 г. - секретарь ЦК КП(б)У.

ПОСТЫШЕВ П. П. (1888-1940) -член партии большевиков с 1904 г. В годы гражданской войны вел подпольную политическую работу, руководил партизанским движением и боевыми действиями советских войск на Дальнем Востоке. С сентября 1924 г. - секретарь Киевского губкома партии, с 1926 г. - член Политбюро ЦК КП(б)У. С 1930 г. -секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б). С 1934 г. - секретарь ЦК КП(б)У, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР.

ПРИМАКОВ В. М. (1897-1937) -член Коммунистической партии с 1914 г. В 1915 г. за революционную деятельность осужден на вечную ссылку в Сибирь. После Февральской революции 1917 г. работал в Чернигове и Киеве. На 2-м Всероссийском съезде Советов был избран во ВЦИК. Участвовал в штурме Зимнего дворца. В гражданскую войну явился организатором и командиром частей червонного казачества. С

ноября 1920 г. - командир корпуса Червонного казачества В последующем занимал должности: начальника Высшей кавалерийской школы, командира 1-го и 13-го Уральского стрелковых корпусов, военного атташе в Японии и Афганистане, заместителя командующего войсками Северо-Кавказского и Ленинградского военных округов.

РУХИМОВИЧ М. Л. (1889-1938) -член партии большевиков с 1913 г. Во время Октябрьской революции - член Харьковского военно-революционного комитета. В гражданскую войну командовал отрядами Красной гвардии, являлся членом РВС армий, затем - на руководящей советской работе. С 1926 г. - зам. председателя ВСНХ. Последнее время жизни - зам. наркомтяжпрома. Член ЦК ВКП(б).

РЫЧАГОВ П В. (1911 -1941) - военный летчик. С 1936 г.- Герой Советского Союза. Командир авиационных соединений, командующий ВВС округов, зам. командующего ВВС Красной Армии Генерал-лейтенант.

СЕДЯКИН А. И. (1893-1937)-офицер старой армии, член партии большевиков с 1917 г. В гражданскую войну командовал соединениями. Возглавлял Южную группу войск 7-й армии при подавлении Кронштадтского мятежа. После гражданской войны - на высших командных должностях Командарм 2 ранга.

СЕМЕНОВ Н. Г. (1874-1939)- генерал-майор старой армии. Во время гражданской войны - на командных должностях в Красной Армии. В 1919 г. командовал 12-й армией. После гражданской войны - на военно-педагогической работе.

СЛАВИН И Е. (1893-1938) - член ВКП(б) с 1918 г. В гражданскую войну - начальник политотдела бригады, дивизии, округа. После войны - на руководящей военно-политической работе. Армейский комиссар 2 ранга.

ТРИАНДАФИЛОВ В. К. (1894-1932) - член большевистской партии с 1919 г. В годы гражданской войны - командир батальона, полка, бригады, начальник штабов соединений. После гражданской войны - на высших командных должностях, заместитель начальника штаба РККА. Погиб при авиационной катастрофе.

ТУХАЧЕВСКИЙ М. Н. (1893-1937) - офицер старой армии. Член ВКП(б) с 1918 г. В 1918 г. работал в военном отделе ВЦИК, был военным комиссаром Московского района Западной завесы, командовал 1-й революционной армией на Восточном фронте. В последующем командовал 8-й армией на Южном фронте, 5-й армией при разгроме Колчака, войсками Кавказского и Западного фронтов, 7-й армией при подавлении Кронштадтского мятежа, руководил войсками во время ликвидации антоновщины в

Тамбовской губернии. После гражданской войны - зам. начальника штаба РККА, командующий войсками Западного военного округа, член РВС СССР, начальник штаба РККА, командующий войсками Ленинградского военного округа, зам. наркома по военным и морским делам, зам. председателя РВС СССР. Кандидат в члены ЦК ВКП(б). Маршал Советского Союза.

УБОРЕВИЧ И. П. (1896-1937) -член Коммунистической партии с 1917 г. Организатор Красной гвардии на Румынском фронте. Командир батареи, затем бригады и дивизии на Северном фронте а 1918 г. В 1919-1920 гг. - командующий 9, 13, 14-й армиями. В 1922 г. - командующий Народно-революционной армией ДВР. Позднее - командующий войсками Северо-Кавказского, Московского, Белорусского военных округов. Кандидат в члены ЦК ВКП(б). Командарм 1 ранга.

ФЕДЬКО И. Ф. (1897-1943) -член ВКП(б) с 1917 г. Участник Октябрьской революции в Крыму. Организатор и начальник отрядов Красной гвардии в Феодосии, командир 1-го Черноморского революционного полка в боях против немецких и деникинских войск. В октябре 1918 г. - командующий 11-й армией на Северном Кавказе. В 1919-1920 гг. - начальник 58, 46, 3-й дивизий, командующий группой войск 13-й армии. Участник подавления Кронштадтского мятежа. После гражданской войны командовал войсками Кавказской армии, Приволжского и Киевского военных округов, Приморской группы. С февраля 1938 г. - заместитель наркома обороны СССР. Командарм 1 ранга.

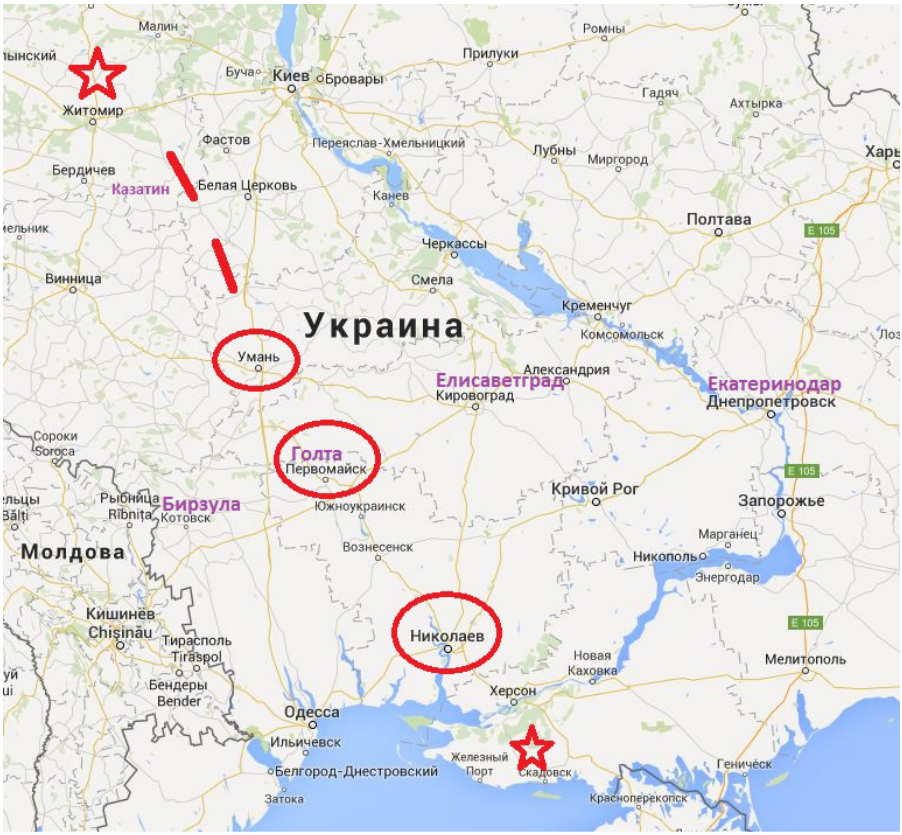
ФЕЛЬДМАН Б. М. (1890-1937) -солдат старой армии, член большевистской партии с 1919 г. В годы гражданской войны - начальник штаба бригады, дивизии. В 1921 году окончил Военную академию РККА, затем служил начальником штаба ряда военных округов, начальником Главного Управления Красной Армии (ГУРККА).

ХАТАЕВИЧ М. М. (1893-1939) -член большевистской партии с 1913 г. Участник Октябрьской революции в Белоруссии. После Октября - на партийной работе в Гомеле и Самаре. В 1920 г. - начальник политотдела 21-й дивизии и 4-й армии. В последующем - секретарь Гомельского и Одесского губкомов партии, Татарского обкома, Средне-Волжского крайкома ВКП(б), секретарь ЦК КП(б)У.

ЧУБАРЬ В. Я. (1891 -1939) - член Коммунистической партии с 1907 г. Вел партийную работу на Украине и в Петербурге. После Октябрьской революции - член президиума ВСНХ, член Ревкома УССР, председатель президиума ВСНХ УССР, председатель СНК УССР. С 1923 г. - член Политбюро ЦК КП(б)У, с 1927 г. -кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

ЭИДЕМАН Р. П. (1895-1937) -член ВКП(б) с 1917 г. Во время гражданской войны командовал отдельными отрядами советских войск, 16, 41 и 46-й стрелковыми дивизиями, 13-й и 14-й армиями, Правобережной группой войск Юго-Западного фронта, действовавшей против Врангеля. В 1921 г., являясь заместителем командующего войсками Украины и Крыма, руководил ликвидацией махновских и других антисоветских банд на Украине. В последующем - командующий войсками Сибирского военного округа, начальник Военной академии имени М В. Фрунзе, член РВС СССР, председатель Центрального совета Осоавиахима. Командарм 2 ранга.

НЕКОТОРЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ



Иона Эммануилович Якир:
1919, 18 августа - Назначен командующим Южной группой войск 12-й армии в составе 45, 47 и 58-й стрелковых дивизий
1919, 28 августа - Начало легендарного похода Южной группы.
1919, 17 сентября - Занятие частями Южной группы совместно с 44-й стрелковой дивизией Житомира

Перед наступлением на Кременец в июле 1920 г. В полевом штабе 135-й бригады в м. Шумск (Волынь). Сидят слева направо: комбриг-133 Ф. Я. Левензон, начдив-45 И. Э. Якир, комбриг-135 Н. В. Голубенко. Между И. Э. Якиром и Н. В. Голубенко стоит военкомбриг-135 И. О. Гольденберг

М. В. Фрунзе и И. Э. Якир
1921 г.

П. И. Баранов, А. С. Бубнов и И. Э. Якир на Харьковском аэродроме
1924 г.

Ф. А. Ингаунис, И. Э. Якир и В. Я. Чубарь на Харьковском аэродроме
1925 г.

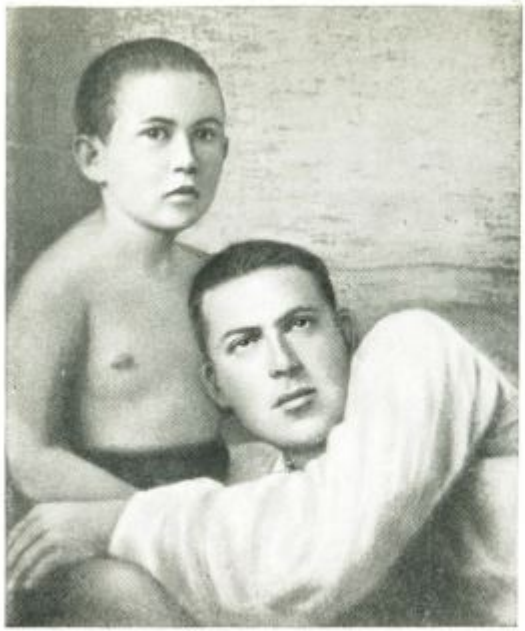
И. Э. Якир (справа), М. П. Амелин (второй справа) и Н. Н. Криворучко (четвертый справа) на маневрах войск Украинского военного округа

1929 г.

М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, И. Э. Якир и И. П. Уборевич в Кремле

ЖЕНА И СЫН Э.И.ЯКИРА

С. Л. Якир



И. Э. Якир с сыном Петром
1930 г.

КОМАНДАРМ ЯКИР (воспоминания друзей и соратников) М, Воениздат, 1963, 213 с. + 3 накидки

Редактор В. Д. Поликарпов

Технический: редактор Н. Н. Кочина Корректор Г. П. Бурковская

* * *

Сдано к набор 20.12.62 г. Подписано к печати 17.4 .62

Формат бумаги 8-4Х103'/а Тираж 65 000.

Цена 61 коп.

* * *

1-я типография Военного издательства Министерства обороны СССР

Москва, проезд Скворцова-Степанова, дом 3